

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА
Научный журнал

Т. 8, № 2
2021

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 8, № 2
2021

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
пространства
Научный журнал

Т. 8, № 2
2021

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 8, № 2
2021

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
- 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки)
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии (политические науки)
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- *Владимир Иванович Аникин*, д. э. н., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
- *Евгений Петрович Бажанов*, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Анджея Вержбицки*, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- *Светлана Михайловна Гаврилова*, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Майкл Глянц*, Университет Колорадо, США
- *Олег Евгеньевич Гришин*, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- *Лукаш Донай*, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- *Игорь Сергеевич Зонн*, д. геогр. н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации,

водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия

- *Андрей Вячеславович Ишин*, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- *Леонид Александрович Карабешкин*, к. п. н., Евроакадемия, Таллин, Эстония
- *Балташ Нурмухамбетович Карипов*, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан
- *Олег Геннадьевич Карпович*, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Геннадий Владимирович Косов*, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- *Андрей Геннадьевич Костяной*, д. ф.-м. н., Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- *Елена Михайловна Кузьмина*, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия

- **Рустам Мамедов**, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан
- **Алексей Михайлович Мастепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархамчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириняц**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шутов**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнгблюд**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	«Бean», Россия, 603003, г. Нижний Новгород, ул. Баррикад, д. 1, корп. 5
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	25.06.2021
	© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 07.00.15 «The history of international relations and foreign policy»;
- 08.00.14 «World economy»;
- 23.00.02 «Political institutions, Processes and Technologies»;
- 23.00.04 «Political problems of international relations, global and regional development».

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia

EDITORIAL BOARD

- **Vladimir I. Anikin**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland

- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

- **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Andrej G. Kostyanov**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia

- **Svetlana M. Gavrilova**, PhD in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA

- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan

- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology “Soyuzvodproekt”, Moscow, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis “The Centre of regional research”
Publisher’s address:	Moscow, 127576, Abramzevskaj str. 8A
Printing house:	“Bean”, Nizhny Novgorod, Barricade str., 1, bld. 5
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	25.06.2021
	© “Post-Soviet Issues”. All materials are distributed under CC BY 4.0

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Соперничество России и США в Арктике: новый этап.....182
Сергей С. Жильцов

**К дискуссии о перспективах гуманитарной политики России
на постсоветском пространстве.....192**
Алексей В. Борисов

**Регион Черного моря в политике безопасности Румынии:
эволюция подходов.....207**
Диана С. Айвазян

**Регулятивные инициативы государств Центральной Азии
в вопросах решения трансграничных водных проблем.....219**
Елена Г. Гарбузарова

Особенности водной дипломатии в Центральной Азии.....229
Гулбара Ч. Акунова

**Политика администрации Трампа
по сдерживанию Китая в области технологий.....242**
Шаолу Чжан

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

**Основные движущие силы энергетического перехода
и проблемы его достижения.....256**
Алексей М. Мастепанов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

**К вопросу о влиянии внутривнутриполитических факторов
на внешнюю политику Румынии и «имидж» государства.....277**
Даниела Г. Драган

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

**Отношения США и Азербайджана
в Каспийском регионе (90-е годы XX века).....288**
Елена А. Маркова

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

Russia and USA in their Rivalry for Arctic: New Stage.....183
Sergey S. Zhiltsov

**Discussions on the Russian Humanitarian Policy Perspectives
in the Post-Soviet Space.....193**
Alexey V. Borisov

**Black Sea Region in the Security Policy of Romania:
Evaluation of Approaches.....207**
Diana S. Ayvazyan

**Regulatory Initiatives of Central Asian Countries
in Addressing Transboundary Water Issues.....220**
Elena G. Garbuzarova

Features of Water Diplomacy in Central Asia.....229
Gulbara Ch. Akunova

**The Trump Administration’s Policy
to Contain China in The Field of Technology.....242**
Shaolu Zhang

ECONOMY

**The Main Driving Forces of The Energy Transition
And The Problems of Achieving It.....256**
Alexey M. Mastepanov

POLITICS

On the Influence of Internal Factors on Romania’s Foreign Policy and Image.....277
Daniela G. Dragan

HISTORY AND RELIGION

**US — Azerbaijan Relations in Caspian region
(90s of the XX century).....288**
Elena A. Markova

Соперничество России и США в Арктике: новый этап

Сергей С. Жильцов

*Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,*

serg.serg56@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена геополитическому соперничеству в Арктике, которое развернулось в последние годы между США и Россией. Обе страны претендуют на лидирующие позиции в регионе. Арктика рассматривается в качестве региона, в котором в перспективе возможна промышленная добыча углеводородных ресурсов. Изменение климата открывает новые горизонты для развития судоходства в Арктике. Неслучайно, Россия и США усилили внимание к проблеме развития арктического торгового флота и наращивают ввод в строй военных судов. В этих вопросах Россия и США добились значительных успехов. Однако изменения в мировой политике, нарастание противоречий в мировой экономике привели к активизации политики России и США в Арктике. Для отстаивания своих интересов Россия и США приняли ряд документов, в которых определены направления арктической политики. В статье исследуются подходы России и США к реализации политики в Арктике, а также трудности, с которыми страны будут сталкиваться. Выводы, к которым приходит автор заключаются в том, что геополитическое соперничество в Арктике между ведущими арктическими государствами будет продолжаться. Россия и США, не имея возможности наладить промышленную добычу в Арктике, будут уделять повышенное внимание военной сфере. Создание необходимой военной инфраструктуры, строительство новых судов станет одной из ключевых задач каждого из государств. Помимо этого, Россия и США расширят поддержку арктического судостроения, которое рассматривается в качестве основного инструмента отстаивания экономических интересов.

Ключевые слова: Россия, США, Арктика, энергетика, судостроение

Для цитирования: Жильцов С.С. Соперничество России и США в Арктике: новый этап. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(2):182-191. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-182-191>

Статья поступила: 04.03.2021

Принята в печать: 16.04.2021

Опубликована: 25.06.2021

Russia and USA in their Rivalry for Arctic: New Stage

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia,

serg.serg56@mail.ru

Abstract: The article relates to the geopolitical rivalry in the Arctic unwound in the recent years between the United States and Russia. Both countries claim leading positions here considering the Arctic as a region where the commercial production of hydrocarbon resources is eventually possible. Climate change breaks new ground for the shipping development in the Arctic. It stands to reason that Russia and the United States have redoubled their attention to the Arctic merchant shipping development and are enhancing naval vessels commissioning. Russia and the United States have made significant progress in this regard. However, changes in world politics, growth of contradictions in the world economy have led to stepping up policy of Russia and the United States in the Arctic. To defend their interests, Russia and the United States adopted a series of documents indicating the Arctic policy avenues. The article examines both Russia and the United States approaches to the policy implementation in the Arctic, as well as the future challenges facing the countries. The author finds that the geopolitical rivalry between the leading Arctic states for the Arctic will continue. Being unable to establish commercial production in the Arctic, Russia and the United States will implement the increased focus on the military sphere. The creation of the necessary military infrastructure, the construction of new vessels will become a key objective for both states. In addition, Russia and the United States will expand support for Arctic shipbuilding, which is seen as the main instrument for promoting their economic interests.

Keywords: Russia, USA, Arctic, energy, shipbuilding

For citation: Zhiltsov S.S. Russia and USA in their Rivalry for Arctic: new stage. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(2):182-191. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-182-191>

Received: 04.03.2021

Revised: 16.04.2021

Published: 25.06.2021

INTRODUCTION

Since early 21st century, the rivalry between Russia and the United States for the Arctic has exacerbated. The impetus for this was the discovery of large hydrocarbon deposits on the shelf of the Arctic seas and global warming [1]. New oil and gas fields, discovered in the Arctic, engrossed researchers and policymakers' attention in many countries towards hydrocarbon resources exploiting. Assesse-

ment reports, provided by various research centers, contributed to that. Only later did the Arctic and non-Arctic states begin to place their attention on other Arctic problems [2].

Russia and the United States consistently took steps aimed at strengthening their positions. Russian interest in the Arctic was reflected in a series of key documents. Among these are "The Maritime Doctrine of the Russian Fed-

eration for the Period up to 2020” (approved by the President of the Russian Federation in July 2001) [3]; “Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to 2020 and beyond” (approved in 2009) [4]; “National Security Strategy of the Russian Federation until 2020” (approved in 2009) [5], which are worth highlighting. In July 2015, a new edition of the Maritime Doctrine was approved [6]. The document reflected issues related not only to the development of military capability in the region but to the exploitation of hydrocarbon resources as well. Thus, the Maritime Doctrine stated that the prospect for depletion of hydrocarbon reserves and other mineral resources on the land predisposed to the search for exploration and production of them on the continental shelf of Russia, and in the future on the sea slopes and the World ocean floor [6]. In November 2016 Russia approved the Foreign Policy Concept which said that Russia was pursuing a line aimed at maintaining peace and stability and constructive international cooperation in the Arctic [7].

The United States adopted a number of fundamental documents. One of the first documents to reflect Arctic issues was the Presidential Directive NSC-26, adopted in 1994 by the Bill Clinton administration. It focused on the Arctic and set out to shape the policy in the region [8]. Then, on January 9, 2009, a strategic planning document was promulgated — Directive NSPD-66 / HSPD-25. US President George Bush Jr. devoted it to the Arctic and politics in the region [9]. After Barack Obama came to power in 2013, a new document was prepared - “The US National Strategy in the Arctic Region” [10]. Thus, Russia and the United States consistently and incrementally fixed their Arctic interests in strategic documents.

In recent years, both Arctic states have increased their interest in the Arctic region, due to its growing geopolitical significance. The Arctic has been identified as one of the core

concerns by the Russian foreign policy. Moreover, the region was viewed as a bridge to further economic development and security. Last decades were noteworthy for the implemented projects on construction of new nuclear-powered vessels, which should replace the vessels, introduced during the USSR period. New military infrastructure facilities, sea and river ports were restored and built on the Arctic direction. The main priority of Russia in the Arctic was natural resources development, which needed enormous investments (including foreign ones), the generally recognized extension of the continental shelf, the Russian status confirmation on the Northern Sea Route and its infrastructure development [11].

ARCTIC AWAKENING

Russia and the United States entered competition for the transport routes control. Climate change was considered as new opportunities for the hydrocarbons extraction and navigation. The United States advocates the internationalization of the Northeast Passage (Northern Sea Route (NSR)) and the Northwest Passage (NWP), which runs through the Canadian Arctic Archipelago along the coast of Canada. The United States raises sea routes potential that may arise from the melting of Arctic perennial ice. At the same time, the United States is very concerned about Russia’s plans to intensify traffic volume on the NSR. Russia sets out to increase supplies along the NSR. This volume grows up annually. According to the Ministry of Transport of the Russian Federation estimates, the traffic volume reached 33 million tons of cargo in 2020 [12]. “Cargo transportation along the NSR should increase to 80 million tons by 2025, and the NSR should become a” global competitive transit artery, “ — said the President of the Russian Federation V.V. Putin in March 2018 [13].

Fighting for cargo transportation is considered to become an important factor to specify

the positions of individual states in the Arctic. However, Russia and other countries are still not ready to lade the NSR. The navigation requires necessary coastal infrastructure. Much has already been done in this area over the past decade, but not enough yet to raise additional freight traffic.

RUSSIA AND THE USA: STAKE ON SHIPBUILDING

Russia pays much attention to shipbuilding development. The implementation of projects on the construction of new vessels, that could cross the Arctic ice, was considered as a condition for strengthening Russia's leading position in the development of the Arctic. The State Program of the Russian Federation "Development of shipbuilding for 2013-2030" [14] was adopted in October 2012. The document focused on the construction of ice-class ships. Russia estimated its needs at 26 icebreakers, 230 tankers and 40 gas carriers [14]. In November 2014, cabinet council with the participation of the President of the Russian Federation pursued the matter of building ice-class ships again. More than 150 vessels for navigation in the Arctic were expected to be built in 30 years. Moreover, 10 nuclear-powered icebreakers and 30 platforms for oil and gas production were planned for building in the Arctic [15]. Russia expects to achieve a breakthrough in the Arctic by implementing two new projects. This refers to the construction of nuclear-powered icebreakers under the Project 10510 "Leader" (LK-110Ya, LK-120Ya) and multifunctional offshore nuclear-powered vessels under the project 10570. The vessels should be commissioned from 2027 and operate until 2066. In June 2020, construction of an icebreaker from the "Leader" series began at the Russian "Zvezda" shipyard. The icebreaker with its super nuclear propulsion system (110-120 MW) will be capable of breaking up Arctic ice up

to 4 meters thick. Moreover, the increased width of the hull (47.5 m) will allow pilotage for heavy-tonnage vessels in the Arctic [16].

Russia began upgrading its warships alongside building a new generation of icebreakers. The task was to build warships that could work in the Arctic independently, without any support of escort vessels. Military icebreakers should satisfy high-level requirements, particularly, to navigate in ice, reaching up to 2 m thickness. Russia drew up a long-term programme for the construction of diesel-electric icebreakers (project 21180). Its firstborn was the "Ilya Muromets" icebreaker, built in 2017. The icebreaker became the first ship, built specifically for the Navy in 45 years.

Then the Navy commissioned the construction of the combat icebreaker "Ivan Papanin" (project 23550). It was an Arc7 ice-class patrol ship, functioning both as an icebreaker and a tug, and having guided missile systems. The icebreaker could break ice up to 1.7 m thick. It was officially laid in April 2017 [17], launched in October 2019 and should be commissioned in 2023. Furthermore, the icebreaker can assist in rescue operations and for security and patrol. At the same time, the ship is the first of its kind, equipped with heavy weapons.

Unlike Russia, the United States emphasised political aspects over practical steps to strengthen its position in the Arctic, including shipbuilding. The US top-priority task was unhindered access to the Arctic spaces. For this reason, the American side showed heightened interest in the sea arteries, advocating their internationalization. At the same time the US Administration warned the world community of possible conflict over natural resources and the "lands" of the Arctic [18]. One can agree with Finnish journalists Juha Käpylä and Harri Mikkola, who believed that the United States of America was traditionally a "lazy Arctic power" that limited out its political attention to the region, and even then, mainly own

territory — Alaska. The Arctic was always on the margins of American politics [19].

In 2014, the United States approved the Navy's second naval Arctic roadmap for 2014-2030 [20]. The document specified the functions and tasks of the US Navy for the coming decades, among which was ensuring freedom of navigation in the Arctic Ocean and the movement of trade flows in global common spaces [20]. Furthermore, the United States heightened interest in the Arctic and the problems of the region, which required to coordinate the efforts. Eventually, on July 16, 2014, former Coast Guard Admiral Robert J. Papp was named the first US Special Representative for the Arctic and entrusted with the task of revitalizing American policy in the Arctic.

In mid-2019, the US Department of Defense presented a new version of Arctic Strategy [21]. The document said that “the Arctic is directly related to the security of the United States, and the central focus of American policy is the deployment of a flexible combat group, which could provide a competitive advantage in this key region” [21]. It also emphasised that “The Arctic is also a shared region and a potential corridor for strategic competition” [21]. The document reflected the US Department of Defense approach to protect national interests in the Arctic, noting the need for strengthening the military presence in the region of the Arctic and non-Arctic states. Russia and China were accused of “militarizing the Arctic.” Thus, the document was aimed at reducing the possibilities of the Russian Northern Sea Route.

The United States launched efforts to build new heavy and middle class icebreakers to protect US sovereignty, drawing up The Coast Guard's Polar Security Cutter (PSC) program, which accounted for near \$ 2.6 billion [22]. The first icebreaker is expected to operate by 2024 [22], and the others — by November 2027 [23]. The PSC's mission will be to provide ongoing access to both polar regions and

to support the country's economic, commercial, maritime and national security needs [24].

Construction of the icebreakers started after the US Coast Guard published a new strategy for the Arctic [25]. One of the theses in the document emphasized that the United States should confront Russia and China in the Arctic, which, in turn, also declared the region a zone of their interests [26].

In June 2020, US President Donald Trump issued a Memorandum on “Protecting US National Interests in the Arctic and Antarctic” [27]. The document called for the administration to develop a plan within 60 days, which should include the construction of minimum three heavy icebreakers by 2029, as well as recommendations for locations of two support bases in the United States and two more bases outside the country. Another main focus was “the new ice fleet should satisfy the full range of tasks for national and economic security, including the promotion of exploration and exploitation of resources, laying and maintaining submarine cables” [27]. The memo was sent to the Pentagon, State Department, Department of Commerce and Homeland Security. The document was to expand and give additional relevance to the long-standing US Coast Guard plan on building three heavy and three medium icebreakers. D. Trump's memorandum on expanding the US Arctic capabilities showed that the US administration was increasingly concerned about the actions of Russia and China in the Arctic.

RIVALRY CUTTING-EDGE: RECENT DOCUMENTS

In recent years, the United States and Russia, calling for extending Arctic cooperation within the framework of multilateral mechanisms, have simultaneously strengthened their naval potential and stepped up military activity. Additional measures intended to expand the naval forces capabilities, provide military works,

and continue to form military units, prepared for operations in Arctic conditions. All these plans were reflected in the documents, developed in the countries during the 2020–2021 timeframe.

Thus, in March 2020, the President of Russia signed a decree “On the Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the Period up to 2035” [28]. The document outlined the fundamental objectives of Russia’s policy in the Arctic, emphasising the need to ensure the protection of the country’s national interests [28]. Then, in October 2020, the document, provided for an increase in the state’s defense capability and the solution of long-term tasks in the Arctic, “On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period until 2035” was adopted [29].

In December 2020 V.V. Putin signed a decree, under which the Northern Fleet was equated with an interspecific strategic territorial integration of the Armed Forces of the Russian Federation, performing the tasks of a military district [30]. Thus, for the first time in the history of Russia, a separate navy status was equated to a military district. The decree entered into force on January 1, 2021. Ministry of Defense of the Russian Federation noted that this would allow, among other things, to improve cooperation in solving defense problems in the Arctic strategic direction [31].

Finally, late March 2021, the Northern Fleet of the Russian Federation conducted the “Umka-2021” exercise. That was the first time three Russian strategic nuclear submarines immediately surfaced in the area of the Franz Josef Land archipelago, Alexandra Land Island 32]. They broke one-and-a-half-meter ice and surfaced in the Arctic according to a single plan and idea at the prearranged time within the 300 meters area 33]. The submarines surfacing in the Arctic showed Russia’s abil-

ity to secret preparation for a massive nuclear strike. The US and UK submarines performed similar maneuvers in the past.

Activity in the Arctic between the United States and Russia was a close run. On July 29, 2020, the Trump administration announced that career diplomat James (Jim) DeHart would be the U.S. coordinator for the Arctic region [34]. His mission included strengthening coordination between US government bodies in defending national interests and countering Russian Arctic policy matters.

Under the new US President Joe Biden, who took office in early 2021, Arctic policy gained new impetus. Its key challenge was to counteract the build-up of Russian power in the Arctic. Its presence has grown dramatically in recent years with the establishment of new Arctic Commands, new Arctic brigades, revamped airfields and other infrastructure, deep-water ports, new military bases along the Arctic coast, efforts to build air defense and coastal missile systems, early warning radars, and a variety of other things along the Arctic coastline 35]. This justified the assumption, made by former US national security adviser John Bolton in December 2020, who believed that the Biden administration would likely follow in the footsteps of the Trump administration and continue to obstruct the Russian militarization of the Arctic [36].

In early 2021, the United States published a new strategy for the Navy, “Blue Arctic” [37]. The document followed the instruction of former President Donald Trump, given in mid-2020, whereby the American president demanded to strengthen the American presence in the Arctic to counter Russia and China challenges there [38]. As a result, the developed Navy strategy stipulated that the United States would pursue a policy aimed at countering Russian policy in the Arctic. However, the American side set out to dominate as a Navy in the north polar region [38]. To achieve

its goals, the United States brings pressure on NATO allies to ensure unhindered access to the Arctic region and has strong defense relationships with six out of eight members of the Arctic Council. Four of them are NATO allies: Canada, Denmark (including Greenland), Iceland and Norway. The United States maintains relations with Finland and Sweden under the enhanced capabilities program.

In March 2021, the United States published the “Regaining Arctic Dominance” document [35], noted that the Arctic had the potential to become a contested space where United States’ great power rivals, Russia and China, sought to use military and economic power to gain and maintain access to the region at the expense of US interests [35].

CONCLUSION

In the coming decades, the Arctic states will rival for expanding their military potential and transport capabilities in the Arctic. Only later can such rivalry fade to the chase for the exploitation of hydrocarbons on an industrial scale.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 2005. 25 апреля. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 13.01.2021).
2. Putin’s Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents. Ed.: S. Frederick Starr, Svante E. Cornell. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. 2014. 203 p.
3. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. *Известия*. 2011. 5 октября.
4. Барахова А., Бутрин Д., Габуев А., Иванов М., Калитка В. Хамраев В. Владимир Путин выступил в пространство. *Коммерсант*. 2011. 5 октября. С. 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1788017> (дата обращения: 23.01.2021)
5. Шурубович А.В. Евразийская интеграция в восприятии белорусов. *Россия и новые государства Евразии*. 2014;1:9-25.
6. Кузьмина Е.М. Евразийский экономический союз: испытание кризисом. *Проблемы постсоветского пространства*. 2015;1:12.
7. Якименко Ю. Ход и перспективы российско-украинского диалога о вступлении Украины в Таможенный союз в оценках СМИ. *Резонанс*. 2013;6:6.
8. Арупов А.А., Абайдуллаева М.М. Перспективы формирования и развития Единого экономического пространства. Сборник материалов научно-практической конференции (г. Алматы, 15 ноября 2011 г.) / Под ред. Б.К. Султанова. Алматы: КИСИ при Президенте РК; 2012. С. 49-63.

9. Дурдыева А.А. Дилемма интеграций на евразийском пространстве в контексте украинских событий. *Вестник МГИМО*. 2015;3:136.
10. Договор о Евразийском экономическом союзе. Москва: 2014. 680 с.
11. Бекашев К.А., Бекашев Д.К., Кашкин С.Ю., Моисеев Е.Г., Сулейманов Т.В. Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза. Москва: Проспект; 2015. С. 50.
12. Кузьмина Е.М. Евразийский экономический союз: испытание кризисом. *Проблемы постсоветского пространства*. 2015;1:5-16
13. Шуцунь В., Цинсун В. Перспективы евразийского интеграционного проекта и его последствия для Китая. *Проблемы национальной стратегии*. 2013;3:91
14. Готов ли Евразийский союз к расширению? 13.07.2016. URL: <http://eurasia.expert/gotov-li-evrazijskiy-soyuz-k-rasshireniyu/> (дата обращения: 29.01.2021).
15. Жильцов С.С. Стратегия Запада на постсоветском пространстве / Мировая политика в фокусе современности. Ред. М.А. Неймарк. Москва: Дашков и К0; 2019. С. 72-106.
16. Шустов А. Темпы падения экономик ЕАЭС в 2020 году оказались ниже мировых. 2021. 24 февраля. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2021-02-24--tempy-padenija-ekonomik-eaes-v-2020-g-okazalis-nizhe-mirovyh-53402> (дата обращения: 26.02.2021)
17. Винокуров Е., Лаврова Н., Петренко В. Повышение роли национальных валют ЕАЭС в международных расчетах. Москва: Евразийский банк развития; 2021. 21 с.
18. В ЕАЭК заявили, что ЕАЭС не планирует вводить единую валюту. 2021. 5 февраля. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2021-02-05--v-eek-zajavili-chto-eaes-ne-planiruet-vvodit-edinuju-valjutu-53117> (дата обращения: 14.02.2021)
19. Кряжева А. Санкции США как стимул к дедолларизации на евразийском пространстве. 2021. 15 февраля. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2021-02-15--sankcii-ssha-kak-stimul-k-dedollarizacii-na-evrazijskom-prostranstve-53267> (дата обращения: 18.02.2021)
20. Dianne E. Rennack, Rebecca M. Nelson Economic Sanctions: Overview for the 117th Congress. January 15. 2021. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11730> [Accessed: 18.02.2021]
21. «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». Евразийская экономическая комиссия. Вступила в силу 12 января 2021 года. Евразийский экономический союз. Правовой портал. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01528320/err_12012021_12 (дата обращения: 17.01.2021)
22. Совещание по вопросу реализации интеграционных проектов на пространстве Евразийского экономического союза. 2021. 20 января. Сайт президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64909> (дата обращения: 03.02.2021)
23. Путин: странам ЕАЭС нужно эффективно координировать усилия по борьбе с коронавирусом. 2021. 20 января. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10505305> (дата обращения: 01.02.2021)
24. Аналитический доклад «О макроэкономической ситуации в странах-членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития». Москва: Евразийская экономическая комиссия; 2019. С. 30.
25. Деркул О. Новая администрация США и угрозы постсоветскому пространству. 2021. 8 февраля. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2021-02-08--novaja-administracija-ssha-i-ugrozy-postsovetскому-prostranstvu-i-53153> (дата обращения: 15.02.2021)
26. Remarks by President Biden on America's Place in the World. 2021. February 4.

URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> [Accessed: 14.02.2021]

27. Мендкович Н.А. На пути к Евразийскому экономическому чуду. Россия и интеграция на постсоветском пространстве. Москва: Алгоритм; 2015. С. 207.

REFERENCES:

1. Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. April 25. 2005. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> [Accessed: 13.01.2021] (In Russ.)
2. Putin's Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents. Ed.: S. Frederick Starr, Svante E. Cornell. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. 2014. 203 p.
3. Putin V.V. A new integration project for Eurasia - the future that is being born today. *Izvestia*. October 5, 2011. (In Russ.)
4. Barakhova A., Butrin D., Gabuev A., Ivanov M., Kalitka V. Khamraev V. Vladimir Putin addressed the space. *Kommersant*. October 5, 2011. p. 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1788017> [Accessed: 23.01.2021] (In Russ.)
5. Shurubovich A.V. Eurasian integration in the perception of the Belarusians. *Russia and the new states of Eurasia*. 2014;1:9-25. (In Russ.)
6. Kuzmina E.M. Eurasian Economic Union: Testing by the Crisis. *Post-Soviet Issues*. 2015;1:12. (In Russ.)
7. Yakimenko Y. Progress and Prospects of the Russian-Ukrainian Dialogue on Ukraine's Accession to the Customs Union in Media Assessments. *Resonance*. 2013;6:6.
8. Arupov A.A., Abaydullaeva M.M. Prospects for the formation and development of the Common Free Market Zone. Collection of materials of the Research-to-Practice Conference (Almaty, November 15, 2011). Ed. B.K. Sultanov. Almaty: KISS under the President of the Republic of Kazakhstan; 2012. pp. 49-63.
9. Дурдыева А.А. The dilemma of integration in the Eurasian space in the context of Ukrainian events. *Vestnik MGIMO*. 2015;3:136.
10. Treaty on the Eurasian Economic Union. Moscow: 2014. 680 p. (In Russ.)
11. Bekyashev K.A., Bekyashev D.K., Kashkin S.Yu., Moiseev E.G., Suleimanov T.V. International legal framework for the creation and functioning of the Eurasian Economic Union. Moscow: Prospect; 2015. p. 50.
12. Kuzmina E.M. Eurasian Economic Union: Testing by the Crisis. *Post-Soviet Issues*. 2015;1:5-16. (In Russ.)
13. Shutsun V., Qingsun V. Prospects of the Eurasian integration project and its implications for China. *Problems of national strategy*. 2013;3:91. (In Russ.)
14. Is the Eurasian Union ready for expansion? July 13, 2016. URL: <http://eurasia.expert/gotov-li-evraziyskiy-soyuz-k-rasshireniyu/> [Accessed: 29.01.2021] (In Russ.)
15. Zhiltsov S.S. The strategy of the West in the post-Soviet space / World politics in the focus of our time. Ed. M.A. Neimark. Moscow: Dashkov and Co; 2019. pp. 72-106. (In Russ.)
16. Shustov A. The rates of declining the EAEU economies in 2020 fell below the world ones. 2021. February 24. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2021-02-24--tempy-padenija-ekonomik-eaes-v-2020-g-okazalis-nizhe-mirovyh-53402> [Accessed: 26.02.2021] (In Russ.)
17. Vinokurov E., Lavrova N., Petrenko V. Enhancing the role of the EAEU national currencies in
28. Фоминских О. Взгляд из Беларуси: Казахстану пора отпустить тенге. *Капитал*. 2015. 7 июля.
29. Кузьмина Е.М. «Большая Евразия»: интересы и возможности России при взаимодействии с Китаем. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(3):229-239. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-3-229-239>

- international settlements. Moscow: Eurasian Development Bank; 2021. 21 p. (In Russ.)
18. The EAEC said that the EAEU does not plan to introduce a single currency. 2021. February 5. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-02-05--v-eeek-zajavili-hto-eaes-ne-plan-iruet-vvodit-edinuju-valjutu-53117> [Accessed: 14.02.2021] (In Russ.)
19. Kryazheva A. US sanctions as an incentive to de-dollarization in the Eurasian space. 2021. February 15. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-02-15--sankcii-ssha-kak-stimul-k-dedollarizacii-na-evrazijskom-prostranstve-53267> [Accessed: 18.02.2021] (In Russ.)
20. Dianne E. Rennack, Rebecca M. Nelson Economic Sanctions: Overview for the 117th Congress. January 15. 2021. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11730> [Accessed: 18.02.2021]
21. «On strategic directions for the development of Eurasian economic integration until 2025». Eurasian Economic Commission. Came into operation on January 12, 2021. Eurasian Economic Union. Legal portal. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01528320/err_12012021_12 [Accessed: 17.01.2021] (In Russ.)
22. Meeting on the implementation of integration projects in the space of the Eurasian Economic Union. 2021. January 20. Site of the President of the Russian Federation. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64909> [Accessed: 03.02.2021] (In Russ.)
23. Putin: EAEU countries need to effectively coordinate efforts to combat coronavirus. 2021. January 20. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10505305> [Accessed: 01.02.2021] (In Russ.)
24. Analytical report «On the macroeconomic situation in the member countries of the Eurasian Economic Union and proposals to ensure sustainable economic development». Moscow: Eurasian Economic Commission; 2019. p. 30. (In Russ.)
25. Derkul O. The new US administration and threats to the post-Soviet space. 2021. February 8. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-02-08--novaja-administracija-ssha-i-ug-rozy-postsovetskomu-prostranstvu-i-53153> [Accessed: 15.02.2021] (In Russ.)
26. Remarks by President Biden on America's Place in the World. 2021. February 4. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> [Accessed: 14.02.2021]
27. Mendkovich N.A. Towards a Eurasian Economic Miracle. Russia and integration in the post-Soviet space. Moscow: Algorithm; 2015. 207 p. (In Russ.)
28. Fominskikh O. A look from Belarus: it's time for Kazakhstan to release tenge. *Capital*. 2015. July 7. (In Russ.)
29. Kuzmina E.M. Greater Eurasia: Russia's Interests and Opportunities in Interaction with China. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(3):229-239. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов, Доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1; Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;
serg.serg56@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia; People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia;
serg.serg56@mail.ru

К дискуссии о перспективах гуманитарной политики России на постсоветском пространстве

Алексей В. Борисов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

aborisof@gmail.com

Аннотация: Выбор аудитории и содержания гуманитарного послания России, ставит под вопрос эффективность отечественной гуманитарной политики на постсоветском пространстве. В отечественных документах стратегического планирования, в качестве целевой аудитории выделяются, во-первых, властвующие элиты постсоветских государств, а, во-вторых, соотечественники и «русский мир». Выбор элиты в качестве адресата приводит к тому, что гуманитарная политика России формирует зависимость межгосударственных отношений от сохранения позиций властвующей элиты, что заставляет нас жертвовать ресурсами и, возможно, репутацией для сохранения позиций политика, декларирующего «пророссийскую» позицию. Обращение к соотечественникам, в свою очередь, проблематизирует межэлитное взаимодействие, вызывая озабоченность постсоветских элит, чьи усилия по построению наций и утверждению своей легитимности на националистической основе. Выбор целевой аудитории отражается на содержании гуманитарного послания, которое представляется ситуативным и внутренне противоречивым, ввиду специфики адресатов. Преодоление указанных противоречий, по мнению автора, возможно лишь при условии пересмотра выбора конечных адресатов и содержания гуманитарного послания, что требует четкого определения целей, форм и методов гуманитарной политики России на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: гуманитарная деятельность, гуманитарное сотрудничество, постсоветское пространство, соотечественники, Русский мир, нации, национализм

Для цитирования: Борисов А.В. К дискуссии о перспективах гуманитарной политики России на постсоветском пространстве. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(2):192-206. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-192-206>

Статья поступила: 28.02.2021

Принята в печать: 17.04.2021

Опубликована: 25.06.2021

Discussions on the Russian Humanitarian Policy Perspectives in the Post-Soviet Space

Alexey V. Borisov

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
aborisof@gmail.com

Abstract: The choice of the audience and content of Russia's humanitarian message calls into question the effectiveness of domestic humanitarian policy in the post-Soviet space. In domestic strategic planning documents, the target audience is the ruling elites of the post-Soviet states, compatriots, and the "Russian world". The choice of the elite as the addressee leads to the fact that Russia's humanitarian policy forms the dependence of interstate relations on maintaining the positions of the ruling elite, which forces us to sacrifice resources and, possibly, reputation to hold the status of a politician declaring a "pro-Russian" position. The appeal to compatriots, in turn, problematizes inter-elite interaction, arousing the concern of the post-Soviet elites, whose efforts to build nations and assert their legitimacy on a nationalist basis. The target audience's choice is reflected in the content of the humanitarian message, which seems situational and internally contradictory due to the specifics of the addressees. Overcoming these contradictions, according to the author, is only possible if the choice of the final addressees and the humanitarian message's content is revised, which requires a clear definition of the goals, forms, and methods of Russia's humanitarian policy in the post-Soviet space.

Keywords: humanitarian activities, humanitarian cooperation, Post-Soviet space, compatriots, Russian World, nations, nationalism

For citation: Borisov A.V. Discussions on the Russian Humanitarian Policy Perspectives in the Post-Soviet Space. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(2):192-206. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-192-206>

Received: 28.02.2021

Revised: 17.04.2021

Published: 25.06.2021

ВВЕДЕНИЕ

Заявления о неэффективности гуманитарной политики России на постсоветском пространстве и провалах «мягкой силы» давно трюизм. При этом подобные заявления сопровождаются указаниями на необходимость формирования структур, ответственных за реализацию гуманитарной деятельности, перераспределению обязанностей среди структур существующих, уси-

ления контроля и отчетности, выделения большего количества средств на реализацию мероприятий по продвижению «мягкой силы».

Примечательно, что ни критики, ни апологеты гуманитарных усилий России не ставят под вопрос возможность и необходимость гуманитарного сотрудничества России со странами постсоветского

пространства, и не подвергают сомнению зафиксированного в отечественных документах стратегического планирования содержания гуманитарных усилий России. Именно это согласие представляется страным ввиду неконцептуализированности гуманитарной деятельности, что проявляется в неопределенности ее форм, направленности, каналов и методов, ограничений, связанных с ее ведением.

Гуманитарная деятельность не определена в отечественном законодательстве и документах стратегического планирования. Определение «гуманитарная» применяется и к помощи, предоставляемой на безвозмездной основе [1], и к «связям в области культуры и искусства, науки и образования, средств массовой информации, молодежных обменов, издательского, музейного, библиотечного и архивного дела, спорта и туризма» [2], а в Концепции внешней политики гуманитарная деятельность рассматривается лишь как инструмент мягкой силы России [3].

Неразбериха в определениях гуманитарного сотрудничества и гуманитарной деятельности в отечественной практике отмечается и учеными, и политиками. Так Е. Громогласова, в исследовании, посвященном гуманитарной составляющей внешней политики государства, заявляет о «мозаичности» существующих представлений о гуманитарной роли, которую берут на себя государства во внешней сфере, может быть объяснена предельной широтой понятий «гуманитарный», «гуманитарная политика», «гуманитарная деятельность» [4, с. 32]. Назначенный на должность руководителя Россотрудничества весной 2020 г. Е. Примаков, в своем дебютном интервью утверждает практически тоже самое: «... само понятие «гуманитарного» у нас сильно и неоправданно отличается от того, что понимается под этим терми-

ном в остальном мире. У нас это антитеза точным и естественным наукам — нечто, относящееся к сфере знания о культуре, духовности, искусстве, образовании» [5]. Подобное положение дел само по себе снижает эффективность гуманитарной деятельности и гуманитарного сотрудничества. Не понимая суть инструмента — для чего он нужен, что с его помощью можно и нужно делать, трудно обеспечить его эффективное применение.

Было бы не лишним обратить внимание на две ключевые, и, на наш взгляд, вытекающие из непонимания сути гуманитарной деятельности, причины низкой эффективности гуманитарного посыла России. Первая причина заключается в весьма специфичном выборе аудитории, вторая же — в содержании гуманитарного послания.

ПОСТСОВЕТСКИЕ ЭЛИТЫ КАК ЦЕЛЕВАЯ АУДИТОРИЯ

Гуманитарное послание всегда транснационально и внегосударственно. Это обращение к народу поверх государственных границ. В наших же документах стратегического планирования мы либо избегаем конкретизировать целевую аудиторию, либо делаем упор на взаимодействие с соотечественниками и гражданами России, проживающими за рубежом, призываем рассматривать «многомиллионную русскую диаспору — Русский мир — в качестве партнера» [3]. Но это не единственная аудитория, к которой мы обращаемся. Так в Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества указывается, что «стержневой задачей» гуманитарной политики России является «формирование и укрепление отношений взаимопонимания и доверия с зарубежными странами, развитию равноправного и взаимовыгодного партнерства

с ними, наращивании участия страны в системе международного культурного сотрудничества» [2]. Упор на страновой уровень взаимодействия и упоминание о необходимости участия в «системе международного культурного сотрудничества», не оставляет сомнений в том, что еще одним адресатом нашего гуманитарного послания выступают властвующие элиты государств.

В связи с последним интересно заявление лидера молдавских социал-демократов Виктора Шелина: «... в Молдове, где доминировали геополитические интересы России, уже доминируют геополитические интересы Румынии. Но еще хуже дела обстоят в геополитических предпочтениях молдавского народа: если в 2012–2014 годах молдавский народ отдавал предпочтение РФ и в опросах поддерживал отношения с Россией на уровне 56 %, а с Румынией — 8 %, то в 2020 году доверие к России упало в два раза. Парадокс, но четыре года Кремль открыто поддерживал президента Игоря Додона...» [6]. Потерпев поражение в первом туре, «пророссийский» политик И. Додон, на своей официальной странице в Фейсбуке заявляет о возможности экономических санкций со стороны России: «...Санду называет Россию агрессором, врагом Республики Молдова. Куда мы будем экспортировать наши яблоки, другую продукцию после таких слов?» [7]. Апелляция к возможности продавать яблоки на рынках России звучит не очень убедительно, учитывая, что в третьем квартале 2020 г. на Румынию приходится 32 % молдавского экспорта в сравнение с 6,7 % на экспорт в Россию [8].

Комментируя причины окончательного поражения И. Додона во втором туре выборов, Станислав Секриеру заявляет, что «он слишком часто ездил в Россию, из-за чего выглядел для многих марионеткой в руках Москвы. Явная (а также скрытая, разоблаченная позднее в СМИ) поддержка со

стороны России сыграла против него» [9]. Обращает внимание, что И. Додон, который воспринимался как пророссийский политик, в ходе избирательной кампании увязывает пророссийский выбор не с привлекательностью России, не с общим историческим наследием, но с возможностью сбыта молдавской продукции на российском рынке, что звучит как угроза применения Россией санкций в случае нежелательного для И. Додона исхода голосования. Такие угрозы не способствуют установлению долгосрочных отношений доверия к Российским инициативам со стороны граждан страны — реципиента внешнеполитического воздействия.

Обращение к властвующей элите приводит к тому к тому, что доверие к российским инициативам ставится в зависимость от доверия к политикам, органам государственного управления, политическим режимам. Так, исследования общественного мнения, проводившиеся в 2020 году Белорусской аналитической мастерской (BAW), показали динамику общественного мнения, прямо противоположные риторике действующего президента Республики Беларусь А. Лукашенко — так, в канун президентских выборов, На выборах в 2020 году белорусская государственная пропаганда показывала альтернативных кандидатов в президенты как «марионеток Москвы», сообщала о российских боевиках, направленных Москвой для дестабилизации предвыборной ситуации в Беларуси. Но этот негативный по отношению к России месседж привел к росту пророссийских ориентаций. После 9 августа Россия признала результаты выборов в Беларуси, Кремль однозначно поддержал Лукашенко, а белорусская пропаганда стала пророссийской. И если в сентябре на вопрос «На ваш взгляд, в каком союзе государств было бы лучше жить народу Беларуси — в Европейском Союзе

или в союзе с Россией?» вариант «с Россией» выбирали 51,6 % опрошенных, то в ноябре таких было лишь 40 %. Одновременно BAW зафиксировала рост симпатий в отношении союза с ЕС за тот же период — с 26,7 % до 33 % [10].

Таким образом, избирая правящую элиту в качестве целевой аудитории, мы сталкиваемся с проблемами дважды — во-первых, формируя линейную зависимость межгосударственных отношений от сохранения позиций властвующей элиты; во-вторых, заставляет нас жертвовать ресурсами и, зачастую, репутацией для сохранения позиций политика, настроенного «пророссийски». Именно поэтому огромное значение для нас приобретают вопросы транзита власти, которые, в случае неблагоприятного исхода приводят пересмотру условий межгосударственных отношений. Так произошло в результате «революции роз» в Грузии, «оранжевых революций» в Украине, а недавние заявления С. Тихановской о возможном пересмотре договоров с Россией [11], и М. Санду о необходимости вывода российских войск из Приднестровья [12], лишь подтверждают зависимость позиций России в регионе от сохранения у власти пророссийски настроенного политика. Таким образом, мы не только формируем зависимость поддерживаемого политика от России. Растет и зависимость России от поддерживаемого политика и конструируемого им режима. Именно поэтому «цветные революции», происходящие на постсоветском пространстве, воспринимаются как безусловная угроза интересам России — сказывается наша растущая зависимость от сохранения существующего режима в той или иной стране.

При этом почему-то упускается из виду, что в современном мире, даже в случае персоналистских режимов, «волеизъявление народа» является единственным источником

легитимности. Как следствие — регулярно приводящиеся выборы требуют от России вмешательства с целью недопущения прихода к власти сил, чью позицию предсказать трудно или невозможно. Но за все тридцать лет существования постсоветского пространства нет ни одного случая, когда «...Россия в соседней стране привела бы к власти нужного ей лидера» [13].

Минимизировать зависимость от позиции (действительной или декларируемой) действующей элиты можно лишь наращивая усилия по воздействию на общественное мнение граждан той или иной страны, поощряя давление на власть в сторону большего сотрудничества с Россией и поддержки российских внешнеполитических инициатив. Тем более, что такой, и надо отметить — весьма успешный, внешнеполитический опыт есть. Формирование позитивного имиджа молодого советского государства, прорыв политической и экономической блокады, привлечение помощи и инвестиций, решались, в том числе, и путем развития неформальных связей между СССР и общественностью западных стран. Так, созданное по инициативе Комиссии заграничной помощи при Президиуме ЦИК СССР Объединенное бюро информации, было позиционировано как неофициальный информационный центр, никаким образом не связанный с властями, а премнику Бюро — Всесоюзному обществу культурных связей с заграницей (ВОКС) был предоставлен официальный неправительственный статус [См.: 14].

В Концепции внешней политики России, в разделе, посвященном гуманитарному сотрудничеству, содержится очень важное указание на необходимость использования «ресурсов, потенциала и инициативы институтов гражданского общества», однако оно не сопровождается созданием институциональных предпосылок для форми-

рования и успешного функционирования специализированных НПО.

«РУССКИЙ МИР» В ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Проблемы межэлитного взаимодействия осложняются еще и тем, что, избирая соотечественников и «русский мир» в качестве ключевых адресатов гуманитарного послания [3], Россия, по мнению «постсоветских» элит, подвергает сомнению возможность наций на пространстве бывшего СССР, что, как уже указывалось, ставит под вопрос легитимность режимов постсоветских государств. Но «Русский мир», несмотря на содержащееся в Концепции внешней политики положение [3] — не совсем диаспора, если понимать под последней этнос, живущий за пределами страны своего происхождения. Это те, кого профессор Калифорнийского Университета Р. Брубейкер, называет «accidental diasporas» («нечаянные диаспоры»), проводя различие между понятиями «movement of peoples across borders» и «movements of borders across peoples» («движение народов через границы» и «движение границ сквозь народы») [15, с. 2], и, кто, в таком случае, может быть назван, да и называется, «разделенным народом», но не России, а несуществующей ныне страны — СССР. Примечательно, что подобный подход у нас нашел нормативное закрепление. При ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств мы заявили, что «попытки исключения из сферы действия Рамочной конвенции постоянно проживающих на территории государств — участников Рамочной конвенции лиц, ранее имевших гражданство, но произвольно лишенных его, противоречат целям Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств» [16]. Такое видение находит отражение и в общественно политическом

дискурсе — «Русский мир», особенно в определении Президента России В.Путина, данном на VI Всемирном конгрессе соотечественников — «...собирал и объединял всех, кто духовно связан с Россией, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителями русского языка, культуры, русской истории» [17], — представляет некий вариант трансграничной нации, вступающий в противоборство с попытками, разной степени успешности, нацистроительства на территории государств постсоветского пространства.

Свидетельством принадлежности к «Русскому миру» выступает декларируемая готовность человека, либо группы людей, заявить о готовности принять внеэтническую идентичность, приняв историю, культуру и язык страны, отличной от страны проживания. В этом случае, особенно в условиях принципиальной несогласованности исторических политик государств постсоветского пространства и стремлении последних к демонстративному отказу от русского языка, как государственного, подобные заявления рассматриваются как угроза национальному единству, а те, кто заявляет подобное — не более и не менее как ирредента. Неоднократные заявления, в том числе содержащиеся в приводившихся в данной статье документах стратегического планирования, и детализированные в законодательстве положения о необходимости защиты прав соотечественников [18], позволяют рассматривать соотечественников не просто как национальное (этническое) меньшинство, но как инструмент давления на лиц, принимающих решения, в странах постсоветского пространства, поощряя ирредентизм «нечаянной диаспоры» «Русского мира» и провоцируя правительства новых стран на ответные, далеко не всегда пропорциональные, меры, либо повод для изменения российского

внешнеполитического курса в отношении той или иной страны.

«Русский мир», как трансграничная версия национализма выступает прямым вызовом «национализирующим» усилиям культурных и политических элит государств постсоветского пространства, предлагая части граждан последних некую принять вненациональную идентичность. Россия предлагает «соотечественникам» принять трансграничное гражданство, поощряя процессы диссимилиации, способствуя формированию национального меньшинства на территории постсоветских стран и требуя соответствующего к нему отношения. Подобное положение дел не может не вызывать озабоченность постсоветских элит, чьи усилия по построению наций и утверждению своей легитимности на националистической основе встречаются (или они думают, что встречаются) противодействие со стороны России. Специальный представитель Государственной Думы РФ по вопросам миграции и гражданства, Первый заместитель Председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Константин Затулин справедливо указывает на то, что «казахская элита очень напряженно относится к гипотетическим претензиям России на влияние в Казахстане, хотя такого рода претензии никто у нас не выдвигает. В Казахстане за все время своей независимости очень четко следят за тем, чтобы русская община не поднимала голову. В 90-е годы это выразилось в известном «усть-каменогорском деле». ... Это была попытка приписать русским новую пугачевщину, на мой взгляд, абсолютная провокация спецслужб Казахстана, которая носила превентивный характер для того, чтобы прервать любой процесс самоопределения в политическом и общественном плане для русских в Казахстане» [19].

Возможно, что подобное положение вещей спровоцировало наше послание соотечественникам, которое, вне зависимости от возможного поведенческого отклика со стороны последних, вызывает напряженность в отношениях с элитами, и, как минимум, не способствуют установлению отношений доверия. Тем более, что мы не провозглашаем внятных целей, обращаясь к соотечественникам. И в самом деле, что мы хотим? В Федеральном законе «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», в качестве целей означенной политики указываются, что «Российская Федерация оказывает соотечественникам содействие в реализации и обеспечении прав и свобод человека и гражданина, в том числе прав:

- использовать русский язык и родные языки народов Российской Федерации для развития духовного и интеллектуального потенциала;
- устанавливать и свободно поддерживать связи между соотечественниками и связи с Российской Федерацией, а также получать информацию из Российской Федерации;
- создавать национально-культурные автономии, общественные объединения и религиозные организации соотечественников, средства массовой информации и участвовать в их деятельности;
- участвовать в работе неправительственных организаций на национальном и международном уровнях;
- участвовать в развитии взаимовыгодных отношений между государствами проживания и Российской Федерацией;
- осуществлять свободный выбор места жительства или реализовать право на возвращение в Российскую Федерацию» [18].

Первые четыре пункта не более чем переказ положений, закрепленных в Документе

Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ [20], Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам [21], Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств [22]. Можно предположить, что собственно целями являются оставшиеся две:

- во-первых, стимуляция усилий «соотечественников» по развитию взаимовыгодных отношений между государствами проживания и Россией;
- во-вторых, поощрение переселения соотечественников в Россию.

В этом случае необходимо признать, что первая и вторая цель противоречат друг другу. Способствуя переселению соотечественников, Россия снижает численность аудитории, которой адресуется послание. Поддерживая стабильную аудиторию вне пределов наших границ и стимулируя ее политическую активность, мы снижаем поток возможных переселенцев, и невольно способствуем политической дестабилизации государств постсоветского пространства в силу того, что в этих странах не предусмотрено механизмов для канализации конвенционального влияния на лиц, принимающих внешнеполитические решения. Помимо прочего, наше послание соотечественникам провоцирует их на диссимилиацию, которая представляет собой активное противодействие попыткам правительств стран пребывания интегрировать тех, кто ассоциирует себя с русским миром, в национальное сообщество. Таким образом обращение не более чем попытка создания устойчивой общности, которая, по нашим предположениям, может оказать решающее влияние на внешнеполитический курс правительства.

В отечественной традиции, особенно среди авторов, пишущих по проблемати-

ке соотечественников и «русского мира», сложилась устойчивое неприятие термина «диаспора», применимого к соотечественникам. Одни настаивали на том, что отсутствие диаспоральной политики, о необходимости которой говорилось все постсоветские годы, оказалось для России благом. «Если бы случилось так, что диаспоральная политика стала частью последовательной государственной политики России», — заявляли они, — «то она неизбежно проводилась бы в рамках этнической идентификации. ... Но государство, проводящее диаспоральную политику исключительно (или даже если в первую очередь) в отношении этнических русских, есть государство для этнических русских» [23]. Другие же, в частности К.Затулин, указывая на то, что «российские соотечественники в странах СНГ и Прибалтики, в значительной, большей части не попадают под такое определение. Сами они категорически отвергают свое отнесение к «диаспоре»», предполагали, что диаспору надо еще создать. Но и Затулин настаивает на внеэтнической идентификации тех, кто будет к ней причислен [24]. Обратим внимание на то, что этническая сущность «русского мира» отвергается и В.Путиным, который в уже упоминавшемся выступлении на VI Всемирном конгрессе соотечественников, обращаясь к собравшим, заявил — «Русский мир ... никогда не строился исключительно и только по этническому, национальному или религиозному признаку» [17]. Отрицание этнического содержания «русского мира» отражает два момента. Во-первых, присущее отечественной традиции примордиалистское понимание этноса. Во-вторых, отказ от ограничения аудитории общностью происхождения, а именно такова российская трактовка этничности, позволяет произвольно варьировать размерами мира, который нуждается в защите.

Выступая на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации, Президент России В.Путин, комментируя ситуацию, сложившуюся в 2013-2014 гг. в Украине, заявил: «Имею в виду, когда говорю о русских людях и русскоязычных гражданах, людей, которые ощущают, чувствуют себя частью так называемого широкого русского мира, не обязательно этнически русские люди, но те, кто считают себя русским человеком. ... И хочу, чтобы все понимали: наша страна будет и впредь энергично отстаивать права русских, наших соотечественников за рубежом, использовать для этого весь арсенал имеющихся средств: от политических и экономических — до предусмотренных в международном праве гуманитарных операций, права на самооборону» [25].

В приведенной выше цитате интересно не то, что Президент заявляет о непрерывной защите соотечественников за рубежом, но то, что он противопоставляет этническую принадлежность и самоидентификацию, предполагая, что этническая принадлежность — данность, которая включает добровольный выбор. Это утверждение, прибегая к термину американского исследователя Бернарда Яка, «мифа этнической нации», который гласит, что «в процессе создания национальной идентичности у вас вообще нет никакого выбора: вы — это только то, что вы унаследовали от предыдущих поколений, и ничего больше» [26, с. 60]. Это не отрицание нации, как политического сообщества, не противоречие «повседневному плебисциту» Э. Ренана, но лишь утверждение, что «не индивиды определяют национальное общество, а национальное общество определяет индивида» [27, с. 33]. Это подход к национальному строительству «разделенного народа», мечтающего обрести или же возродить свое государство, именно

этим и объясняется зарождение концепции в рамках немецкого идеализма И.Г. Гердера и И.Г. Фихте. Последний же утверждал, что государства имеют естественные границы, которые соответствуют распространению национального языка — «Первые, исконные и подлинно естественные границы государства, несомненно, внутренние границы. Говорящие на одном языке привязываются друг к другу тысячами невидимых нитей самой природой ... они принадлежат друг другу и по природе составляют одно неделимое целое. ... Из этой внутренней границы проистекает ограничение посредством территории; и по естественному ходу событий люди являются народом не потому, что они живут между определенными горами и реками, но напротив, они живут вместе, потому что стали народом по высшему закону природы» [Цит. по: 28, с. 70]. По всей видимости, наши гуманитарные усилия, направленные на продвижение языка, культуры и общего исторического наследия, направлены на формирование нации, как искусственного сообщества, под которым принято понимать «людей, объединённых общей культурой и ощущением общего наследия и отличающегося от других людей» [29, с. 42].

Проблема лишь в том, что, создавая нацию Россия неизбежно сталкивается с противодействием элит, использующими националистические идеи как способ легитимации собственной власти. На просторах бывшего СССР, как следствие советской же национальной политики, построение национальных государств упирается в тезис, который сформулировал Массимо д'Адзелио — «Мы создали Италию, теперь мы должны создать итальянцев...» [Цит. по: 30]. По сути, все страны на постсоветском пространстве вовлечены в процесс создания казахов, узбеков, украинцев, белорусов... Но тогда наши усилия по продви-

жению языка, культуры и истории должны встречать и встречают активное противодействие со стороны политических элит молодых государств. А взаимодействие с элитами будет осложнено постоянной угрозой (не важно мнимой или реальной) ирредентизма «соотечественников, управляемых Москвой». Тем более, в условиях, когда некоторые отечественные политики выступают с заявлениями, которые ставят под сомнение суверенитет и территориальную целостность новых государств [31].

Примечательна реакция казахстанской стороны на заявление Депутатов Государственной Думы России В. Никонова и Е. Фёдорова о принадлежности северных территорий Республики Казахстан. Ответ не касается исключительно правовой стороны вопроса принадлежности территорий северного Казахстана, он затрагивает вопрос нации как таковой. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев в своей статье «Независимость — самое дорогое» не просто указывает на то, что «после подписания в 2018 году Конвенции о правовом статусе Каспийского моря наши границы не только на суше, но и на море были окончательно определены и разрешены», он задается вопросами: «Какую страну мы оставим следующим поколениям?», «Что еще необходимо сделать, чтобы укрепить нашу государственность?». И отвечая на эти вопросы, он говорит о многовековой истории Казахстана, необходимости возрождения исторического сознания, о казахском языке, как объединяющем факторе, национальном единстве, новом казахстанском патриотизме — «человек не рождается патриотом. Он становится патриотом, получая образование и воспитание, испытывая воздействие социальной среды, формируя свою гражданскую идентичность» [32]. Лидер Народной партии Казахстана Айкын Конуров, отвечая на «череду выпадов со

стороны депутатов Госдумы РФ», объявляет сбор средств на установку флага и строительство духовно-культурного центра в приграничной с Россией Северо-Казахстанской области, а также предлагает сделать обязательным в старших классах предмет «Краеведение», который помимо прочего, «...сыграет большую роль в патриотическом воспитании подрастающего поколения» [33]. Никто не апеллирует к международному праву и двусторонним соглашениям, но все утверждают нацию, обладающую многовековой историей и обретшей независимость. Тогда почему наши усилия, направленные на формирование диаспоры, под которой понимается, как минимум, «рассеяние этноса в пространстве и его отношение к реальной или воображаемой родине, на которую диаспора, несмотря на отдаление, продолжает ориентироваться эмоционально или политически» [34, с. 6], должны встретить понимание? Кто заинтересован в существовании граждан, чья лояльность не просто сомнительна, но не существует в принципе?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Транслируя культуру, навязывая свою интерпретацию истории, настаивая на изучении и использовании в практике повседневного общения русского языка, лица, отвечающие за формирование и реализацию гуманитарной политики России на постсоветском пространстве, не совсем понимают зачем кто-то должен воспринимать нашу систему ценностей. Человек, который является гражданином другой страны, но избирает эту систему в качестве управляющей, неожиданно окажется в условиях планеты, где гравитация существенно отличается от земной. Он не умеет и не может действовать в новой среде, навыки, им полученные, не работают. Перед ним два выхода: научиться жить по новым правилам, тем,

которые соответствуют реальности, или же изменить средовые параметры. Так и в нашем случае, поведенческий ответ возможен лишь в двух вариантах — ассимиляция или миграция, в том числе «внутренняя». И то и другое не может быть признано приемлемыми целями гуманитарной деятельности России, так как в обоих случаях возможное влияние России на политику стран постсоветского пространства будет сокращаться. Утверждая, что влияние лишь возможно, укажу на то, что легальных каналов влияния на лиц принимающих решения в условиях авторитарных режимов стран, образовавшихся на территории бывшего СССР просто не существует. Наши усилия по формированию диаспоры и установле-

нию взаимодействия с ней лишены смысла и рассматриваются руководством бывших советских республик, как действия, направленные на подрыв суверенитета новых государств.

Именно поэтому, в рамках гуманитарного сотрудничества не стоит предлагать выбора идентичности и, как следствие, требовать подтверждения лояльности. Тем самым лишь стимулируется рост количества «профессиональных соотечественников» и «патриотов на окладе». Россия должна предлагать альтернативу, которая будет востребована, привлекательна и разделяема. А такова возможна, в том числе, при условии пересмотра содержания гуманитарного послания и выбора его конечных адресатов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федеральный закон от 4 мая 1999 года N 95-ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации». 24 ноября 2008. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22942/ (дата обращения: 31.01.2021)
2. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества [сайт]. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 18 декабря 2010. URL: https://www.mid.ru/el/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/224550 (дата обращения: 31.01.2021)
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г., N 640). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 31.01.2021)
4. Громогласова Е.С. Гуманитарная составляющая во внешней политике государства. Дис. на соискание уч. степени доктора полит. наук. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук. Москва; 2018. 485 с.
5. Примаков Е.А. О гуманитарной политике и немного о внешней в целом. 29 января 2020. URL: <https://www.vesti.ru/article/1294031> (дата обращения: 31.01.2021)
6. Гамова С. Москва теряет экономическое влияние на Кишинев и Тирасполь. Молдавский и приднестровский бизнес переориентировались на Румынию. 22 сентября 2020. URL: https://www.ng.ru/cis/2020-09-22/1_7970_moldova.html (дата обращения: 31.01.2021)
7. Пост Игоря Додона на странице в социальной сети Facebook. 3 ноября 2020. URL: <https://www.facebook.com/dodon.igor/posts/5262701140422515> (дата обращения: 31.01.2021)

8. Экспорт Республики Молдова по основным странам-партнерам (2005-2020). Ежеквартальные данные. 15 января 2021. URL: <https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=336> (дата обращения: 31.01.2021)
9. Секриеру С. Что ждет Молдавию при новом президенте. 20 ноября 2020. URL: <https://carnegeie.ru/commentary/83281> (дата обращения: 31.01.2021)
10. Социолог: Белорусы негативно оценили поддержку Лукашенко Кремлем. 30 ноября 2020. URL: <https://p.dw.com/p/3m0VC> (дата обращения: 31.01.2021)
11. Тихановская пообещала пересмотреть договоры Лукашенко с Россией. 26 ноября 2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4586326> (дата обращения: 31.01.2021)
12. Юранец А. «Полный вывод войск России»: как Майя Санду будет возвращать Приднестровье. 21 ноября 2020. URL https://www.gazeta.ru/politics/2020/11/20_a_13369015.shtml (дата обращения: 31.01.2021)
13. «Попытка превратить Белоруссию в округ России чревата обратным результатом». Эксперт Федор Лукьянов рассказал, как РФ может выбраться из тупика в стране Лукашенко. 9 декабря 2020. URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/12/08/popytka-prevratit-belorussiyu-v-okrug-rossii-chrevata-obratnym-rezultatom.html> (дата обращения: 31.01.2021)
14. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921-1941 годы. Москва: НЛЮ; 2015. 568 с.
15. Rogers B. Accidental Diasporas and External “Homelands” in Central and Eastern Europe: Past and Present. Vienna: Institute for Advanced Studies; 2000. 23 p.
16. Федеральный закон от 18.06.1998 N 84-ФЗ «О ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств». 18 июня 1998. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19054/ (дата обращения: 31.01.2021)
17. Выступление Президента РФ Путина В.В. на VI Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом. 31 октября 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/59003> (дата обращения: 31.01.2021)
18. Федеральный закон от 24.05.1999 N 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». 23 июля 2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 31.01.2021)
19. Затулин К. Лукашенко как ребенок капризничает и обижает маму, а затем ластится. 8 мая 2019. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/423611> (дата обращения: 31.01.2021)
20. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. 29 июня 1990. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/0/14305.pdf> (дата обращения: 31.01.2021)
21. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года. 18 декабря 1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 31.01.2021)
22. Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств ETS №157. 1 февраля 1995. URL: <https://rm.coe.int/16800c1316> (дата обращения: 31.01.2021)
23. Градировский С. Россия и постсоветские государства: искушение диаспоральной политикой. Диаспоры. 1999;2/3:40–58.
24. Затулин К. Россия и ее диаспора в новых государствах. Доклад на конференции Института политических исследований, Париж, 10 июля 2001 г. 10 июля 2001. URL: http://archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/diaspor-politic/zatu-dokl/ (дата обращения: 31.01.2021)
25. Выступление Президента РФ Путина В.В. на Совещании послов и постоянных пред-

- ставителей России. 1 июля 2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46131> (дата обращения: 31.01.2021)
26. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. Москва: Изд-во Института Гайдара; 2017. 520 с.
27. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. Москва: ПЕР СЭ; 2008. 528 с.
28. Кедури Э. Национализм. СПб: Алетейя; 2010. 136 с.
29. Манн М. Темная сторона демократии: Объяснение этнических чисток. Москва: Издательство «Пятый рим»; 2016. 928 с.
30. Линтнер В. Италия. История страны. Москва: Мидгард, Эксмо; 2007. 384 с.
31. Баймухаметов С. Никоновщина как диагноз: почему мы опять поссорились с Казахстаном. 13 декабря 2020. URL: <https://newizv.ru/article/general/13-12-2020/nikonovschina-kak-diagnoz-pochemu-my-opyat-possorilis-s-kazahstanom> (дата обращения: 31.01.2021)
32. Токаев Қ.-Ж. Тәуелсіздік бәрінен қымбат. 5 января 2021. URL: <https://egemen.kz/article/260146-tauelsizdik-barinen-qymbat> (дата обращения: 31.01.2021)
33. Лидер НПК объявил сбор средств на установку флашштока на границе с Россией. 29 декабря 2020. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/lider-npk-obyavil-sbor-sredstv-ustanovku-flagshтока-na-granitse-s-rossiei (дата обращения: 31.01.2021)
34. Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России). Диаспоры. 2000;3:6-32.

REFERENCES

1. Federal Law of May 4th, 1999 №95-FZ "On gratuitous assistance (support) of the Russian Federation and amendments and additions to certain legislative acts of the Russian Federation on taxes and on the establishment of benefits on payments to state extra-budgetary funds in connection with the implementation of gratuitous assistance (support) of the Russian Federation". November 24, 2008. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22942/ [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
2. The main directions of the policy of the Russian Federation in the field of international cultural and humanitarian cooperation. December 18, 2010. URL: https://www.mid.ru/el/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/Cp-tlCk6BZ29/content/id/224550 [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
3. Concept of the foreign policy of Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation V.V. Putin November 30th, 2016, №640). November 30, 2016. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
4. Gromoglasova E.S. The humanitarian component in the foreign policy of the state. [Dissertation for the degree of Doctor of Sciences (Political Science). Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences]. Moscow; 2018. 485 p. (In Russ.)
5. Primakov E.A. About humanitarian policy and a little about foreign policy in general. January 29, 2020. URL: <https://www.vesti.ru/article/1294031> [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
6. Gamova S. Moscow is losing its economic influence over Chisinau and Tiraspol. Moldovan and Pridnestrovian business reoriented to Romania. September 22, 2020. URL: https://www.ng.ru/cis/2020-09-22/1_7970_moldova.html [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
7. Igor Dodon's post on the Facebook page. November 3, 2020. URL: <https://www.facebook.com/dodon.igor/posts/5262701140422515> [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)

8. Exports of the Republic of Moldova by main partner countries (2005-2020). Quarterly data. January 15, 2021. URL: <https://statistica.gov.md/category.php?l=ru&idc=336> [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
9. Secieru S. What awaits Moldova under the new president. November 20, 2020. URL: <https://carnegie.ru/commentary/83281> [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
10. Sociologist: Belarusians assessed negatively the Kremlin's support for Lukashenka. November 30, 2020. URL: <https://p.dw.com/p/3m0VC> [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
11. Tihanovskaya promised to revise Lukashenka's agreements with Russia. November 26, 2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4586326> [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
12. Juranets A. ["Complete withdrawal of Russian troops": how Maia Sandu will return Transnistria. November 21, 2020. URL https://www.gazeta.ru/politics/2020/11/20_a_13369015.shtml [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
13. «An attempt to turn Belarus into a Russian district is fraught with the opposite result». Expert Fedor Lukyanov told how the Russian Federation can get out of the impasse in the country of Lukashenka. December 9, 2020. URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/12/08/popytka-prevratit-belorussiyu-v-okrug-rossii-chrevata-obratnym-rezultatom.html> [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
14. David-Fox M. Showcases of a great experiment. Cultural diplomacy of the Soviet Union and its Western guests. 1921-1941 years. Moscow: NLO; 2015. 568 p. (In Russ.)
15. Rogers B. Accidental Diasporas and External "Homelands" in Central and Eastern Europe: Past and Present. Vienna: Institute for Advanced Studies; 2000. 23 p.
16. Federal Law of 18.06.1998 №84-FZ "On Ratification of the Framework Convention for the Protection of National Minorities". June 18, 1998. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19054/ [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
17. Speech by the President of the Russian Federation V. Putin at the VI World Congress of Compatriots Living Abroad. October 31, 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/59003> [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
18. Federal Law of 24.05.1999 N 99-FZ "On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad". July 23, 2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
19. Zatulyn K. Lukashenko as a child is capricious and offends his mother, and then fawns. May 8, 2019. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/423611> [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
20. Document of the Copenhagen Meeting of the Conference on the Human Dimension of the CSCE. 29 June 1990. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/0/14305.pdf> [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
21. Declaration on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. Adopted by General Assembly Resolution 47/135 of December 18th, 1992. December 18, 1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
22. Framework Convention for the Protection of National Minorities ETS №157. February 1, 1995. URL: <https://rm.coe.int/16800c1316> [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
23. Gradirovsky S. Russia and the Post-Soviet States: Temptation by Diaspora Politics. Diasporas. 1999;2/3:40–58. (In Russ.)
24. Zatulyn K. Russia and its Diaspora in the New States. Presentation at the conference of the Institute for Policy Studies, Paris, July 10th, 2001. July 10, 2001. URL: http://archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/diaspor-politic/zatu-dokl/ [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)

25. Speech by the President of the Russian Federation V. Putin at the Meeting of Ambassadors and Permanent Representatives of Russia. July 1, 2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46131> [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
26. Yack B. Nationalism and the Moral Psychology of Community. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaidara; 2017. 520 p. (In Russ.)
27. Greenfeld L. Nationalism. Five Roads to Modernity. Moscow: PER SE; 2008. 528 p. (In Russ.)
28. Kedourie E. Nationalism. SPb: Aleteya; 2010. 136 p. (In Russ.)
29. Mann M. The Dark Side of Democracy: An Explanation of Ethnic Cleansing. Moscow: Izdatelstvo «Pyatii Rim»; 2016. 928 p. (In Russ.)
30. Lintner V. Italy. Country's History. Moscow: Midgard, Eksmo; 2007. 384 p. (In Russ.)
31. Baymukhametov S. Nikonovshchina as a diagnosis: why we quarreled with Kazakhstan again. December 13, 2020. URL: <https://newizv.ru/article/general/13-12-2020/nikonovshchina-kak-diagnoz-pochemu-my-opyat-possorilis-s-kazahstanom> [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
32. Tokaev K.-Zh. Independence is the most precious thing. January 5, 2021. URL: <https://egemen.kz/article/260146-tauelsizdik-barinen-qymbat> [Accessed: 31.01.2021] (In Kaz.)
33. NPK leader announced fundraising for the installation of a flagpole on the border with Russia. December 29, 2020. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/lid-er-npk-obyavil-sbor-sredstv-ustanovku-flag-shtoka-424528/ [Accessed: 31.01.2021] (In Russ.)
34. Brubaker R. "Diasporas of Cataclysm" in Central and Eastern Europe and Their Relations with Homelands (on the Example of Weimar Germany and Post-Soviet Russia). *Diasporas*. 2000;3:6-32. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексей В. Борисов, кандидат философских наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1; aborisof@gmail.com

Alexey V. Borisov, Ph.D. (Philosophy), Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia; aborisof@gmail.com

<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-207-218>

Регион Черного моря в политике безопасности Румынии: эволюция подходов

Диана С. Айвазян

Институт Европы Российской академии наук, Москва, Россия,

diana.avvazyan87@gmail.com

Аннотация: в статье изучаются место и роль региона Черного моря в политике безопасности Румынии. Рассматриваются подходы, ключевые закономерности и результаты в этой сфере внешней политики Румынии, начиная с периода после распада СССР в 1991 г. Анализируются концепции и стратегии национальной безопасности и стратегии национальной обороны Румынии, принятые с 1994 г. по настоящее время. Автор приходит к выводу, что черноморское направление политики безопасности Румынии последовательно основывается на стратегическом партнерстве с США и солидарности с подходами НАТО и ЕС применительно к региону Черного моря. Этот выбор приводит к дисбалансу в отношениях Румынии с прибрежными черноморскими странами, для которых евроатлантизм не стал идеологической основой внешней политики (России и Турции). В отсутствие поиска новой модели отношений с прибрежными странами политика Румынии приводит к нарастанию конфликтного потенциала в Черноморском регионе.

Ключевые слова: Румыния, Черное море, политика, безопасность, евроатлантизм, мультилатерализм

Для цитирования: Айвазян Д.С. Регион Черного моря в политике безопасности Румынии: эволюция подходов. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(2):207-218. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-207-218>

Статья поступила: 30.04.2021

Принята в печать: 13.05.2021

Опубликована: 25.06.2021

Black Sea Region in the Security Policy of Romania: Evaluation of Approaches

Diana S. Avvazyan

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

diana.avvazyan87@gmail.com

Abstract: The paper is dedicated to the role of the Black Sea region in the security policy of Romania. Approaches, patterns and results of this area of the foreign policy of Romania are

studied since the period after the collapse of the USSR in 1991. The concepts and strategies of the national security and the strategies of national defense of Romania, adopted since 1994 are analysed. The key patterns and results of the security policy pursued by Romania in the Black Sea region are defined. The author concludes that this direction of Romania's policy is consistently based on the strategic partnership with the United States and solidarity with the approaches of the NATO and EU in the Black Sea region. The policy leads to the imbalance in the relations with the littoral states for which euro-atlanticism has not become an ideological basis for their foreign policy (Russia and Turkey). Amidst the absence of the search for a new model of relations with the littoral states, Romania's policy leads to the growth of the potential for confliction in the Black Sea region.

Keywords: Romania, Black Sea, policy, security, euroatlantism, multilateralism

For citation: Ayvazyan D.S. Black Sea Region in the Security Policy of Romania: evaluation of approaches. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(2):207-218. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-207-218>

Received: 30.04.2021

Revised: 13.05.2021

Published: 25.06.2021

ВВЕДЕНИЕ

До настоящего времени морские регионы сохраняют свою традиционную значимость ввиду своего высокого ресурсного потенциала: морских биологических, минеральных, рекреационных ресурсов, транзитного потенциала. Черноморский регион претерпел качественные политико-правовые изменения после распада СССР в 1991 году. Эти изменения до сих пор определяют его развитие. К Черному морю получили выход новообразованные независимые демократические республики — Россия, Украина, Грузия, в 2008 году образовалась частично признанная Республика Абхазия. Болгария и Румыния вышли из состава Совета экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора в 1991 году и к 2004 году вступили в состав НАТО, а к 2007 году стали странами — членами Европейского союза. Кардинальная перестройка внутри и внешнеполитической ориентации большинства черноморских государств привела

к переосмыслению задач их внешней политики в регионе Черного моря. В этой связи, представляет интерес эволюция современной политики Румынии в сфере безопасности в регионе Черного моря, давшей согласие на размещение военно-морских баз США на своей территории.

ПРИОРИТЕТЫ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ РУМУНИИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Черноморское побережье — единственный выход к морю для Румынии, что предопределяет его значимость для внешней политики страны. Рассмотрим подходы к региону в документах Румынии стратегического значения, принятых с момента распада СССР в 1991 году: концепциях и стратегиях национальной безопасности (1994–2010 гг.), стратегиях национальной обороны (2010–2020 гг.).

Демократические преобразования во внутривосточной жизни Румынии

предопределили характер ее отношений с черноморскими странами. В результате революции 1989 года, во время которой был свергнут режим Н. Чаушеску, генерального секретаря Румынской коммунистической партии и президента Социалистической Республики Румыния в стране сформировалось демократическое правительство. На первых многопартийных выборах в Румынии, состоявшихся 20 мая 1990 года, две трети мест в парламенте получил Фронт национального спасения. Его фактический лидер И. Илиеску был избран президентом Румынии, набрав 85 % голосов [1, с. 160]. 8 декабря 1991 года на референдуме в Румынии была одобрена конституция, объявившая Румынию демократическим государством с республиканской формой правления¹. Начиная с этого периода до настоящего времени в Румынии сменилось несколько президентов. Смены политического руководства не повлияли на базовые подходы внутри- и внешнеполитического курса: укрепление демократии и рыночной экономики, европейская и евроатлантическая интеграция. Эти подходы стали основой современной политики безопасности Румынии в регионе Черного моря.

Страны — члены ЕС и НАТО представляли на момент смены политического и экономического устройства в Румынии в 1989 году более экономически развитые и благополучные демократические государства. Членство в ЕС и НАТО должно было принести Румынии социально-экономические выгоды и гарантии коллективной обороны в случае внешней агрессии.

При этом протяженность сухопутных границ Румынии в более чем 11 раз больше протяженности морской границы

(румынское побережье Черного моря составляет 225 км; общая протяженность сухопутной границы — 2508 км, в том числе с Болгарией — 608 км, Венгрией — 443 км, Молдовой — 450 км, Сербией — 476 км, Украиной — 531 км)². Цепочки поставок в Черноморском регионе соединяют его с другими регионами, в основном с Европой и Азией, а не с прибрежными странами [2]. Эта особенность географического положения и экономической конъюнктуры в регионе Черного моря предопределяет то, что Румыния будет уделять особое внимание безопасности сухопутных границ наряду с безопасностью морской границы. В особенности это касается Украины и Болгарии, с которыми Румыния имеет и сухопутную, и морскую границу. В этой связи, как отмечает Д. Г. Драган, Бухарест рассматривает Черноморский регион «в комплексе национальных и союзнических (европейских и евроатлантических) интересов, вследствие чего его географические границы... выходят за рамки узкого понимания региона» [3, с. 159] — т. е. только стран, имеющих выход к Черному морю. Проблемы безопасности региона Черного моря взаимосвязаны с безопасностью Балканского, Дунайского регионов, Южного Кавказа, а также с политикой Румынии в отношении соседней Республики Молдовы.

Политика безопасности Румынии в регионе Черного моря не стала самостоятельным и обособленным направлением внешней политики страны. Лишь в стратегии национальной безопасности Румынии «Европейская Румыния, Евроатлантическая Румыния: для лучшей жизни в демократической, более безопасной и процветающей стране», принятой в 2006 г. в период президентства

¹ Чаушеску, Николае. URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/chaushesku-nikolae>.

² География Румынии. Природа, климат, население, флора и фауна Румынии. URL: <http://www.gecont.ru/articles/geo/romania.htm> (дата обращения: 05.04.2021)

Т. Бэеску (2004–2009; 2009–2014), оценке обстановки в регионе Черного моря был посвящен отдельный раздел — «Румыния — динамичный вектор безопасности и процветания в Черноморском регионе» [4, с.4]. После вступления в НАТО в 2004 году Румыния тем самым выразила готовность усилить стратегическую значимость региона для НАТО и внести большой вклад в его развитие.

Во всех вышеперечисленных документах, касающихся национальной безопасности и обороны Румынии, дается ключевая характеристика Черноморского региона — его нестабильность. Неустойчивость социальной, экономической, военно-политической сфер жизни обществ стран региона, главным образом, обусловлена тем, что до сих пор не преодолены последствия распада СССР и социалистического блока, в том числе, распада Югославии. Как отмечает Дж. Думанлы, после окончания холодной войны, распада Варшавского Пакта в регионе Черного моря образовался «пробел власти», который быстро заполнили США и Евросоюз [5, с. 8]. Создание же и закрепление нового баланса сил на Черном море вновь привело к столкновению интересов региональных и внерегиональных акторов.

С учетом этой конъюнктуры основная цель политики Румынии — обеспечить безопасность в Черноморском регионе. В 1994 году Высший совет национальной обороны Румынии утвердил Интегрированную концепцию национальной безопасности Румынии. В документе Румыния ставит цель укрепить статус страны как фактора стабильности на субрегиональном и континентальном уровнях [6, с. 4]. В период президентства Э. Констатинеску (1996–2000 гг.) в 1999 году была принята Национальная стратегия безопасности Румынии «Стабильность демократии, экономическое развитие и евро-атлантическая интеграция». В стра-

тегии не выделяются проблемы региона Черного моря, однако отмечается, что необходимо стабилизировать Юго-Восточную Европу с учетом ситуации на Балканах (на тот момент продолжался процесс распада Югославии — прим. авт.) [7, с. 95-97].

В период дальнейшего нахождения на посту президента Румынии И. Илиеску (2001–2004) в 2001 году была принята новая Стратегия национальной безопасности Румынии «Защита демократии и фундаментальных прав человека, устойчивое экономическое и социальное развитие и интеграция в НАТО и ЕС». В документе Румыния ставит цель продвигать активную политику на двусторонней или международной основе для того, чтобы обеспечить безопасность и стабильность в Юго-Восточной Европе, на Южном Кавказе, в Дунайском и Черноморском регионах [8]. В стратегии национальной безопасности от 2006 г. в разделе, посвященном Черноморскому региону, Румыния выделяет следующее основное направление своей политики — создание климата безопасности и процветания в Черноморском регионе [4, с.19-22].

После вступления в НАТО в Румынии было модифицировано законодательство в сфере оборонного планирования, и стратегия национальной безопасности была переименована в стратегию национальной обороны, которую как и ранее президент должен представлять парламенту в течение первых шести месяцев своего мандата [8, с. 102]. В 2010 году во время второго срока президентства Т. Бэеску в Румынии была принята Стратегия национальной обороны «Для Румынии, гарантирующей безопасность и процветание будущих поколений». При действующем президенте Румынии, К. Йоханнисе (2014–2019; 2019–2024), в 2015 году была принята Стратегия национальной обороны Румынии 2015–2019 «Сильная Румыния с Европой

и миром», в 2020 году, после его переизбрания на второй срок — Стратегия национальной обороны Румынии 2020–2024 «Вместе к безопасной и процветающей Румынии в мире с новыми вызовами». Во всех последних трех стратегиях Румыния ставит цель обеспечить безопасность, предсказуемость, стабильность и продвигать сотрудничество в Черноморском регионе.

В понимании того, каким образом обеспечить безопасность, а также угроз и рисков безопасности Румыния опирается на принципы евроатлантизма и мультилатерализма. В концепции национальной безопасности Румынии 1994 года, до ее вхождения в ЕС и НАТО выражается намерение участвовать в деятельности субрегиональных политических и экономических организаций, вновь созданных или возрожденных, совместно с государствами, граничащими с Черным морем, а также с балканскими и придунайскими странами [6, с. 4]. Это намерение отражает интерес Румынии внести активный вклад в работу Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), созданной в результате подписания в 1992 году в Стамбуле декларации о Черноморском экономическом сотрудничестве. Документ подписали главы государств и правительств прибрежных черноморских государств — России, Румынии, Турции, Украины, Грузии и близлежащих к ним — Молдовы, Албании, Армении, Азербайджана. Подготовительная работа к созданию ОЧЭС началась с 1990 года, когда ряд черноморских государств провели консультации о возможности заключения соглашения о Черноморском экономическом сотрудничестве [9, с.89].

В последующих стратегиях с 2006 года по настоящее время в результате интеграции политики безопасности Румынии с политикой ЕС и НАТО Румыния последовательно отстаивает идею о том, что без-

опасность в Черноморском регионе будет достижима в случае, если Румыния будет граничить со стабильными, демократическими и процветающими государствами [4]. Румыния полагает, что соответствие критериям членства в евроатлантическом сообществе оказывает благотворное влияние на уровень жизни населения, способы взаимодействия между государствами, безопасность и процветание в Европе. При этом отмечается интерес Румынии в том, чтобы расширение европейских и евроатлантических структур не привело к созданию новых разделительных линий [10, с. 19-22].

Такой подход отражает солидарность Румынии с политикой Европейского союза в отношении пояса соседства, в основу которой заложен принцип создания безопасного, мирного соседства демократических государств и которая реализуется, в том числе, с помощью программы ЕС «Восточное партнерство». В соседство Румынии входят государства с демократическими политическими режимами, что, однако, не приводит к снижению конфликтного потенциала в Черноморском регионе. Ключевой источник противоречий в Большом Черноморском регионе — национально-территориальные конфликты.

РИСКИ, УГРОЗЫ И СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РУМУНИИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Начиная с 2006 года Румыния выделяет эти конфликты в качестве основных региональных рисков и угроз и рассматривает их как сепаратистские (в основу этих конфликтов заложено намерение тех или иных социальных общностей отделиться от государства, в котором они проживали, войти в состав другого государства либо создать свое государство, объявив о независимости – прим. авт.) и замороженные (имеющие глубокий исторический контекст, длящиеся

длительное время и трудно разрешаемые — прим. авт.). В стратегии от 2006 года указываются конфликты в восточной Молдове (Приднестровье), восточной и северной Грузии (Абхазия и Южная Осетия), западном Азербайджане (Нагорный Карабах), юге России (Чечня и другие республики или автономные районы Северного Кавказа) [4, с.20]. В стратегии 2010 года Румыния упоминает конфликт, разразившийся летом 2008 года между Россией и Грузией. В стратегии от 2015 года Румыния оценивает изменение статуса Крыма в 2014 году как аннексию Крыма со стороны России и отмечает факт ухудшения отношений между НАТО и Россией.

В стратегии национальной обороны Румынии на 2020–2024 гг. на фоне политики непризнания изменения статуса Крыма в 2014 году со стороны ЕС и НАТО и солидарности Румынии с ней страна оценивает действия России на Черном море как представляющие угрозу национальным стратегическим интересам Румынии, которые направлены на обеспечение безопасности границ ЕС и НАТО, энергетическую безопасность и стабильность в регионе Черного моря. В частности, выделяются следующие действия России: усиление наступательных военных сил и средств России на Черном море, активные действия по разбалансированию военных сил и средств союзников НАТО на восточном фланге, гибридные действия [11, с. 6, 23].

Румыния считает, что действия России способствует ухудшению региональной стабильности и негативно сказываются на устойчивости государств региона, в частности, Молдовы, Украины и Грузии, на достижение задач этих государств в их отношениях с ЕС и/или НАТО. В этой оцен-

ке Румыния исходит из того, что черноморские государства должны воздерживаться от поддержки сепаратистских движений, экстремистских и террористических организаций [4, с. 20].

В регионе Черного моря Румыния не имеет прямых военных угроз своей безопасности, исходящих от прибрежных государств. Такое видение природы вышеупомянутых конфликтов в Большом Черноморском регионе обусловлено рисками и задачами, которые видит Румыния в своей внутренней этно-социальной политике. 6,5 % населения Румынии составляют венгры (в том числе, секлеры)³. В апреле 2020 года верхняя палата парламента Румынии (Сенат) отклонила законопроект о предоставлении национальной автономии Секейскому краю, где компактно проживают венгры [12]. Не будучи готовой предоставлять автономию этническому меньшинству внутри страны, Румыния поддерживает на международном поле принцип территориальной целостности, а не права на самоопределение.

Негативная оценка Румынией действий России на Черном море как страны — члена ЕС и НАТО связана и с фактором исторической памяти, который продолжает влиять на румыно-российские отношения. Коммунистический режим Н. Чаушеску, павший в 1989 году, оценивался в стратегиях демократической Румынии негативно, Россия же выступает и как правопреемница СССР, который также придерживался коммунистической идеологии.

Румыния выбрала США как гаранта национальной безопасности и рассчитывает на военный потенциал США и НАТО для того, чтобы обеспечить безопасность в регионе Черного моря. Концепция безопасности Румынии от 1994 года ставила

³ Румыния. Общая информация. Посольство Румынии в Российской Федерации. URL: <https://moscova.mae.ro/ru/romania/923#null> (дата обращения: 08.04.2021).

целью развивать отношения с США, все последующие вышеупомянутые стратегии — углублять стратегическое партнерство с США. Политика безопасности Румынии в регионе Черного моря стала составной частью партнерства страны с США, в первую очередь и с НАТО — во вторую.

После распада СССР шансы Румынии найти в своем ближайшем соседстве надежного гаранта безопасности, который мог бы эффективно поддерживать новое, демократическое общественно-политическое устройство страны были предельно низки. Черноморские страны, кроме Турции, а также балканские страны переживали кризис. Евросоюз до сих пор не создал единые вооруженные силы. Региональный формат обеспечения безопасности на Черном море с участием только прибрежных государств Румыния в вышеупомянутых стратегиях не рассматривала, отдав приоритет евроатлантической интеграции.

Можно предположить, что в регионе Черного моря Румыния, в первую очередь, учитывает интересы США, поскольку имеет намерение углублять стратегическое партнерство с Вашингтоном и получать поддержку США и НАТО в своей политике в отношении Молдовы, в частности вокруг конфликта в Приднестровье. Вооруженное противостояние в Приднестровье имело место в конце 1991— начале 1992 г. Румыния оказала поддержку руководству Молдовы, в том числе, направив военную технику, Россия же выступила против военных действий Молдовы, развязанных в отношении Приднестровья [13, с. 15]. В стратегии национальной безопасности на период 2020–2024 Румыния рассматривает в качестве риска возможность переориентации Молдовы с европейской интеграции на евразийское направление [11, с.27]. Для успеха на пути вступления в Евросоюз требуется же разрешение территориальных конфликтов.

Начиная с 2006 года, Румыния последовательно выделяет следующие военные средства реализации национальной безопасности в регионе Черного моря: усиление европейского и евроатлантического присутствия, в том числе с помощью программы НАТО «Партнерство ради мира», а также оперативных возможностей США; военное сотрудничество с США на территории Румынии и в регионе Черного моря; усиление сил сдерживания и оборонных сил НАТО на Черном море, включая развитие партнерств с другими заинтересованными странами, совершенствование средств раннего предупреждения и ситуационной осведомленности.

Среди дипломатических средств реализации в стратегии от 2006 года выделяются организация Черноморского форума диалога и сотрудничества, сотрудничество с Республикой Молдова в процессе ее модернизации, демократизации и европейской интеграции и прямое участие в мирном разрешении конфликтов и споров в ближайшем соседстве [4, с. 19-22]. Среди экономических средств в стратегиях от 2006 и 2010 гг. выделяются развитие энергетических и транспортных коридоров, связывающих Черноморский регион с государствами евро-атлантического сообщества и эффективное использование энергетического потенциала региона Черного моря [4, с. 13], [10, с. 6-16].

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ РУМЫНИИ В РЕГИОНЕ ЧЕРНОГО МОРЯ

Румыния последовательно реализует заявленные в вышеупомянутых документах цели и средства политики безопасности в регионе Черного моря. Исходя из принципа мультилатерализма, Румыния до настоящего времени участвует в работе ОЧЭС наряду с другими странами, входящими в организацию. Румыния председательствовала в ОЧЭС шесть раз.

В период своего председательства в первом полугодии 2020 года приоритеты Румынии заключались в том, чтобы обеспечить устойчивое развитие Черноморского региона, укрепить региональный мир, стабильность и процветание.⁴ Эти принципы согласуются с политикой Евросоюза в регионе Черного моря. Однако наибольший вклад в проектное сотрудничество в рамках ОЧЭС вносят на сегодняшний день Россия и ЕС, вкладывая соответствующие финансовые средства.

По инициативе Румынии 5 июня 2006 года в Бухаресте был создан первый Черноморский форум диалога и сотрудничества. В нем приняли участие 10 из 12 стран ОЧЭС (кроме Албании и Сербии), и лишь 6 из 10 стран были представлены на уровне глав государств. [14, с. 34]. Форум не стал постоянно действующей организацией ввиду незаинтересованности России и Турции. [15, с. 16]: форум частично дублировал функции ОЧЭС в сфере экономического сотрудничества и функции ОБСЕ, ООН в урегулировании национально-территориальных конфликтов. Тем не менее, на неправительственном уровне в Румынии с 2017 года проводится Балканский и Черноморский форум по безопасности. Мероприятие организует Новый стратегический центр Румынии совместно со своими партнерами, при поддержке властей Румынии

и спонсорстве со стороны Управления общественной дипломатии НАТО⁵.

С 1994 года Румыния первой из посткоммунистических стран присоединилась к программе НАТО «Партнерство во имя мира»⁶. После присоединения к НАТО в 2004 году военное сотрудничество Румынии с НАТО и США усилилось. В 2005 году на территории Румынии были созданы американские военно-морские базы. В сентябре 2011 года Румыния и США подписали соглашение, предусматривающее размещение элементов американской ПРО в Румынии, и совместную декларацию о стратегическом партнерстве в XXI веке [16]. В продолжение этих договоренностей 12 мая 2020 года в военно-воздушной базе Девеселу состоялась церемония постановки на боевое дежурство объекта системы ЕвроПРО Aegis Ashore [17, с. 13]. В ноябре 2020 года состоялись румыно-американские военные учения Rapid Falcon («Быстрый сокол») на румынской базе Михаил Когэлничану⁷ и на полигоне Капу Мидия в уезде Констанца на юго-востоке Румынии⁸.

После изменения статуса Крыма в марте 2014 года, которое НАТО оценило как аннексию со стороны России, организация увеличила количество военных учений⁹, в том числе на Черном море. В регулярных учениях на Черном море Румыния прини-

⁴ Priorities of the Romanian BSEC Chairmanship-in-Office. (1 January–30 June 2020). URL: <http://www.bsecorganization.org/chairmanship> (Accessed: 12th March 2021).

⁵ Event concept and panel description. Black Sea and Balkans Security Forum 2020 URL: <https://2bsecurityforum.ro/concept/> (Accessed: 19.04.2021).

⁶ A chronology of Romania – NATO relationship. URL: <https://www.mae.ro/en/node/2131> (Accessed: 20.04.2021).

⁷ Авиабаза «Михай Когэлничану» находится в 12 км от черноморского побережья Румынии и в 30 км от румынского морского порта Констанца

⁸ Румыно-американские учения с артиллерийскими стрельбами прошли на юго-востоке страны. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10050347> (дата обращения: 20.04.2021).

⁹ Exercises. 23 March 2021. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49285.htm (Accessed: 20.04.2021).

мает участие совместно с другими странами-членами НАТО.

Развивая военное сотрудничество с США и с НАТО на своей территории, включая черноморское побережье, Румыния действует вместе со своими союзниками в вопросе евроинтеграции Молдовы и урегулирования конфликта вокруг статуса непризнанной Приднестровской Молдавской Республики (ПМР), находящихся в непосредственной близости от региона Черного моря. При нынешнем президенте Румыния перешла от идеи объединения с Молдовой, имеющей культурную, языковую близость к поддержке ее евроинтеграции. Так, в период президентства Траяна Бэеску (2004–2014 гг.) воспроизводился тезис о едином румынском народе, искусственно разделенном пактом Молотова — Риббентропа, и необходимости его воссоединения под эгидой ЕС¹⁰. Евроинтеграция Молдовы зависит, в первую очередь, от политической воли Молдовы, разрешение конфликта вокруг ПМР — от прямых участников конфликта и посредников (ОБСЕ). Однако Румыния, заинтересованная в евроинтеграции Молдовы, будет поддерживать идею вывода из Приднестровья российских миротворцев, озвученную в ноябре 2020 года новым президентом Молдовы М. Санду¹¹.

В сфере энергетики Румыния предпринимает попытки снизить зависимость от импорта газа, увеличив собственную добычу газа, в том числе на шельфе Черного моря, а в перспективе — начав поставки за рубеж.

Россия — основной поставщик газа в Румынию. В первой четверти 2020 года доля российского газа в импорте Румынии составила более 75 %¹². На румынском шельфе Чёрного моря в 2012 года были обнаружены небольшие месторождения газа, крупнейшим из которых является месторождение «Нептун», запасы которого оцениваются в 40–85 млрд куб. м. Промышленная добыча началась в 2018 году [18, с.119]. До настоящего времени Румыния еще не выступает в качестве транзитера и импортера газа по газотранспортным проектам в Каспийско-Черноморском регионе («Турецкому потоку», Южному газовому коридору, Трансадриатическому газопроводу).

Хотя Румынии не удалось закрепить роль инициатора экономического сотрудничества в Черноморском регионе и стать прямым участником урегулирования конфликтов, Румыния последовательно соотносит свои национальные интересы с политикой ЕС и НАТО в регионе Черного моря. Такое положение усиливает влияние ЕС и НАТО на политику Румынии в регионе Черного моря, увеличивает напряженность в отношениях Румынии с прибрежными государствами, не входящими в ЕС и/или НАТО (Россией, Турцией), усиливает конфронтацию в урегулировании конфликтов вокруг статуса Крыма и Приднестровья и не способствует выработке сбалансированного внешнеполитического курса в регионе Черного моря на принципах добрососедства.

¹⁰ Traian Băsescu la TVR: Următorul proiect pentru România trebuie să fie «Vrem să ne întregim țara!». URL: <http://stiri.tvr.ro/traian-basescu-la-tvr-urmatorulproiect-pentru-romania-trebuie-sa-fie-vrem-sa-ne-intregim-tara-37653.html> ; Траян Бэеску: Разделенный румынский народ объединится в рамках ЕС. URL: <http://forum.md/ru/733261> (дата обращения: 20.04.2021).

¹¹ Санду повторила требование о выводе российских войск из Приднестровья.30 ноября 2020. URL: <https://iz.ru/1093897/2020-11-30/sandu-povtorila-trebovanie-o-yyvode-rossiiskikh-voisk-iz-pridnestrovia> (дата обращения: 20.04.2021).

¹² EU imports of energy products - recent developments. Data extracted in June 2021. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_imports_of_energy_products_-_recent_developments#Main_suppliers_of_natural_gas_and_petroleum_oils_to_the_EU (Accessed: 20.04.2021).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начиная с установления демократического правительства в 1989 году и распада СССР в 1991 году Румыния заинтересована в том, чтобы обеспечить стабильность и безопасность в регионе Черного моря. Стратегии безопасности и обороны Румынии, исходя из понимания региона как выходящего за границы прибрежных стран, в большей степени сосредоточены на вопросах стабильности балканских стран и евроинтеграции Украины и Молдовы. Такой подход способствует тому, что политика безопасности Румынии применительно к отношениям с прибрежными странами становится неотделимой от этих задач. Как следствие, в соответствующих стратегиях Румыния не уделяет внимание мерам доверия в отношениях с черноморскими государствами.

На практике стало труднодостижимым сочетать принципы мультилатерализма

и евроатлантизма в политике безопасности Румынии в регионе Черного моря. В сфере многостороннего экономического сотрудничества в Черноморском регионе преобладает мультилатерализм, выражающийся в поиске взаимовыгодных механизмов и форматов внешнеэкономического взаимодействия в условиях рыночной экономики. Опора на евроатлантизм не учитывает многообразие исторического и культурного опыта, социально-экономического положения черноморских государств и приводит к разногласиям Румынии с прибрежными странами, не руководствующимися принципами евроатлантизма в своей внешней политике (Россией и Турцией). На этом фоне усиливается и конфронтация в военно-политической сфере. Это противоречие в перспективе может привести к пересмотру политики безопасности Румынии применительно к Черноморскому региону.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. Под ред. А. А. Язьковой. Москва: Весь мир; 2007. 352 с.
2. Zhelev P. Challenges of economic integration in the Black Sea. September 27, 2020. URL: <https://www.mei.edu/publications/challenges-economic-integration-black-sea> (дата обращения: 05.04.2021).
3. Драган Д.Г. Черноморский регион: взгляд из Бухареста. Сб.: Геополитическая трансформация Черноморского региона: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 26 сентября 2019 г.). Саратов: изд. «Саринфо»; 2019. С. 158-171.
4. Strategia de Securitate Națională a României. România Europeană, România Euro-Atlantică: pentru o viață mai bună într-o țară democratică, mai sigură și prosperă. București: 2006. 33 p.
5. Думанлы Дж. Изменившийся баланс сил на Черном море после Холодной войны. Сб.: Материалы Симпозиума. Совместный турецко-российский Черноморский симпозиум. 27-28 марта 2008 г. Гиресун: Университет Гиресун; август 2008 г. С. 159-173.
6. Concepția integrată privind securitatea României, Aprobată în aprilie 1994 de CSAT. 15 p. URL: <https://www.studocu.com/ro/document/universitatea-din-craiova/studii-de-securitate/8-conceptia-de-secnat-1994/3752603/> (дата обращения: 01.04.2017).
7. Joja I.-S. Reflections on Romania's role conception in national strategic documents 1990-2014: an evolving security understanding. *Europolity*. 2015;9(1):89-111.
8. Hotărâre nr.36 din 18 decembrie 2001 privind adoptarea Strategiei de securitate națională a României (cdep.ro). URL: http://www.cdep.ro/pls/legis/legis_pck.htm?act_text?idt=%2031060 (дата обращения: 25.03.2021).

9. Ковальский Н. А. Реструктуризация геополитического пространства от Гибралтара до Каспия в 90-е гг. Многоликая Европа: пути развития. Москва: Интердиалект+, 2002. С.83-102.
10. Strategia Națională de Aparare — Pentru o Românie care garantează securitatea și prosperitatea generațiilor viitoare. București, 2010. 29 p. URL: <https://www.antena3.ro/media/comcsatap.pdf> (дата обращения: 25.03.2021).
11. National Defence Strategy 2020–2024 „Together for a safe and prosperous Romania in a world marked by new challenges”. Romania Presidential Administration. Bucharest: 2020. 44 P. https://www.presidency.ro/files/userfiles/National_Defence_Strategy_2020_2024.pdf (дата обращения: 29.03.2021)
12. Волков К. Сенат Румынии отказал в автономии области, где проживают венгры. 29.04.2020. URL: <https://rg.ru/2020/04/29/rumyniia-predostavit-status-avtonomii-oblasti-gde-prozhivaiut-vengry.html> (дата обращения: 08.04.2021).
13. Кириллов В.Б., Путинцев И.С. Отношения России и Румынии после 1989 года в контексте внешнеполитических приоритетов двух стран. *Вестник МГИМО Университета*. 2012;23(2):13-23.
14. Шарова Т.А. Региональный аспект политики Румынии и упрочение ее позиций в ЕС и НАТО. Сб.: Черноморское сотрудничество: на пути к партнерству XXI века: материалы науч-практ. конф. (Ин-т Европы РАН, 8 июня 2007)/ [отв. ред. А. А. Язькова]. Москва: Инст-т Европы РАН: Рус. Сувенир; 2007. С. 32-35.
15. Путинцев И.С. Внешняя политика Румынии в Черноморском регионе. Сб. ст.: Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность [отв. ред. О. В. Буторина]. Москва: Ин-т Европы РАН; 2019. С. 14-17.
16. Язькова А.А. Румыния на рубеже веков: трудный выход из прошлого. 26 января 2021. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rumyniia-na-rube-zhe-vekov-trudnyy-vykhod-iz-proshlogo/> (дата обращения: 15.04.2021).
17. Биткова Т. Военные базы в Румынии: перспективы расширения и развития. *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 2020;58(74):12-16.
18. Айвазян Д.С., Кузьмина Е.М. Газотранспортные проекты в Каспийско-Черноморском регионе и интересы ЕС. *Современная Европа*. 2019;3:114-124. URL: <http://www.sov-europe.ru/2019/3-2019/12.pdf> (дата обращения: 12.01.2020).

REFERENCES:

1. South-Eastern Europe in times of dramatic changes. Ed. by A. A. Yaz'kova. Moscow: Ves'mir; 2007. 352 p. (In Russ.).
2. Zhelev P. Challenges of economic integration in the Black Sea. September 27, 2020. URL: <https://www.mei.edu/publications/challenges-economic-integration-black-sea> [Accessed: 05.04.2021].
3. Dragan D.G. Black Sea region: view from Bucharest. In: Geopolitical transformation of the Black Sea region: materials of the international research-practical conference. (Moscow, 26 September 2019). Saratov: Sarinfo Publishing House; 2019. P. 158-171. (In Russ.).
4. Strategia de Securitate Națională a României. România Europeană, România Euro-Atlantică: pentru o viață mai bună într-o țară democratică, mai sigură și prosperă. București: 2006. 33 p.
5. Dumanli C. Changing balances in Black Sea after Cold War brigadier. 1st Turkish-Russian mutual Black Sea symposium. 27-28 March 2008. Giresun: Giresun University; August 2008. P. 159-173.

6. Concepția integrată privind securitatea României, Aprobată în aprilie 1994 de CSAT. 15 p. URL: <https://www.studocu.com/ro/document/universitatea-din-craiova/studii-de-securitate/8-conceptia-de-sec-nat-1994/3752603> [Accessed: 01.04.2017].
7. Joja I.-S. Reflections on Romania's role conception in national strategic documents 1990-2014: an evolving security understanding. *Europolyty*. 2015;9(1):89-111.
8. Hotărâre nr.36 din 18 decembrie 2001 privind adoptarea Strategiei de securitate națională a României (cdep.ro). URL: http://www.cdep.ro/pls/legis/legis_pck.htm_act_text?idt=%2031060 [Accessed: 25.03.2021].
9. Koval'skii N.A. Restructurisation of the geopolitical area from Gibraltar to the Caspian Sea in 90-es. In: *Diverse Europe: ways of development*. Moscow: Interdialekt+; 2002. P. 83-102. (In Russ.)
10. Strategia Națională de Aparare — Pentru o Românie care garantează securitatea și prosperitatea generațiilor viitoare. București, 2010. 29 p. URL: <https://www.antena3.ro/media/comcsat.pdf> [Accessed: 25.03.2021].
11. National Defence Strategy 2020-2024 „Together for a safe and prosperous Romania in a world marked by new challenges”. Romania Presidential Administration. Bucharest. 2020. 44 P. URL: https://www.presidency.ro/files/userfiles/National_Defence_Strategy_2020_2024.pdf [Accessed: 20.04.2021]
12. Volkov K. The Romanian Senate denied the autonomy of the region where the Hungarians live. 29.04.2020. URL: <https://rg.ru/2020/04/29/rumyniia-predostavit-status-avtonomii-oblas-ti-gde-prozhivaiut-vengry.html> [Accessed: 29.04.2021]. (In Russ.)
13. Kirillov V.B., Putintsev I.S. Relations between Russia and Romania after 1989 in the context of the priorities of two countries. *Herald of MGIMO University*. 2012;2(23):13-23. (In Russ.)
14. Sharova T.A. Regional aspects of the foreign policy of Romania and strengthening its position in EU and NATO. In: *Cooperation in the Black Sea region: on the way to the partnership in the 21st century: materials of the research-practical conference*. (Institute of Europe RAS, 8th June 2007)/ [Editor-in-Chief A. A. Yaz'kova]. Moscow: Institute of Europe RAS: Rus. Souvenir; 2007. P. 32-35. (In Russ.)
15. Putintsev I.S. External policy of Romania in the Black Sea region. In.: *The Wider Black Sea Region: Politics, Economy, Security*. [Editor-in-Chief O.V. Butorina]. Moscow: Institute of Europe RAS; 2019. P. 14-17. (In Russ.)
16. Yaz'kova A.A. Romania at the turn of the century: difficult exit from the past. RIAC. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rumyniya-na-rubezhe-vekov-trudnyy-vykhod-iz-proshlogo/> [Accessed: 15.04.2021]. (In Russ.)
17. Bitkova T. Military bases in Romania: prospects for expansion and development. *European security: events, assessments, forecasts*. 2020;58(74):12-16. (In Russ.)
18. Aivazyan D.S., Kuz'mina E.M. Gas Transportation Projects in the Caspian and Black Sea Region and Interests of the EU. *Contemporary Europe*. 2019;3:114-124. URL: <http://www.sov-europe.ru/2019/3-2019/12.pdf> [Accessed: 12.01.2020]. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Диана С. Айвазян, Кандидат политических наук, Институт Европы Российской академии наук, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3; diana.ayvazyan87@gmail.com

Diana S. Ayvazyan, Candidate of Sciences (Politics), Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 11-3, Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russia; diana.ayvazyan87@gmail.com

Регулятивные инициативы государств Центральной Азии в вопросах решения трансграничных водных проблем

Елена Г. Гарбузарова

*Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Кыргызская Республика,
play_elenag@mail.ru*

Аннотация: После распада СССР страны Центральной Азии оказались перед лицом серьезных региональных вызовов, препятствующих конструктивному межгосударственному сотрудничеству. Среди таких вызовов особо следует выделить проблему трансграничных водных ресурсов. Отсутствие согласованной политики регулирования водных потоков продолжает ставить страны Центральной Азии в уязвимое положение, негативно отражаясь на их национальной безопасности, социально-экономическом развитии и экологической ситуации в регионе. На протяжении всего своего суверенного развития страны региона пытались решать трансграничные водные проблемы путем сочетания внешних и внутренних механизмов. Однако решение проблемы, которое отвечало бы национальным интересам всех заинтересованных стран, найдено не было.

В последнее время правящие элиты стран Центральной Азии активизировали процесс решения водной проблемы, проявив политическую волю, и выдвинули ряд инициатив. Большая роль в оживлении данного вопроса принадлежит Узбекистану, который открыл новую веху в урегулировании водно-энергетических конфликтов в регионе. Руководство Узбекистана демонстрирует желание конструктивно решать водную проблему на региональном уровне. В этой связи большое значение в решении трансграничных водных проблем Центральной Азии приобрели предложения президента Узбекистана Ш. Мирзиёева. В 2018 году Ш. Мирзиёев выдвинул инициативу принятия Региональной программы рационального использования водных ресурсов в Центральной Азии, а также незадолго до этого выразил желание принять участие в реализации совместных гидроэнергетических проектов с Кыргызстаном и Таджикистаном. Анализируя современные сдвиги в водно-энергетическом вопросе, можно говорить о повышении доверия между странами Центральной Азии и начале формирования новой региональной межгосударственной модели отношений по распределению трансграничных водных ресурсов.

Ключевые слова: Центральная Азия, гидроэнергетический потенциал, трансграничные водные проблемы, водные инициативы стран Центральной Азии, бартерная система

Для цитирования: Гарбузарова Е.Г. Регулятивные инициативы государств Центральной Азии в вопросах решения трансграничных водных проблем. *Проблемы постсоветского пространства.* 2021;8(2):219-228. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-219-228>

Статья поступила 23.03.2021

Принята в печать 15.05.2021

Опубликована 25.06.2021

Regulatory Initiatives of Central Asian Countries in Addressing Transboundary Water Issues

Elena G. Garbuzarova

Kyrgyz-Russian Slavic university, Bishkek, the Kyrgyz Republic,

play_elenag@mail.ru

Abstract: After the collapse of the USSR the Central Asian countries found themselves facing serious regional challenges that hinder constructive interstate cooperation. Among such challenges the problem of transboundary water resources should be highlighted. The lack of a coordinated policy for regulating water flows continues to put the Central Asian countries in a vulnerable position, negatively affecting their national security, socio-economic development and the environmental situation in the region. Throughout their sovereign development the countries of the region tried to solve transboundary water problems by combining external and internal mechanisms. However, a solution to the problem that would meet the national interests of all interested countries was not found.

Recently the ruling elites of the Central Asian countries have intensified the process of solving the water problem showing political will. They put forward a number of initiatives. A big role in reviving this issue belongs to Uzbekistan which has opened a new milestone in the settlement of water and energy conflicts in the region. Uzbekistan demonstrates a desire to solve the water problem constructively at the regional level. In this regard the proposals of the President of Uzbekistan Sh. Mirziyoyev acquired great importance in solving the transboundary water problems of Central Asia. In 2018 Sh. Mirziyoyev put forward the initiative to adopt a Regional program for the rational use of water resources in Central Asia. Shortly before that he expressed a desire to participate in the implementation of joint hydropower projects with Kyrgyzstan and Tajikistan. Analyzing the current shifts in the water and energy issue we can talk about increasing trust between the countries of Central Asia and the beginning of the formation of a new regional interstate model of relations on the distribution of transboundary water resources.

Keywords: Central Asia, hydropower potential, transboundary water problems, water initiatives of the Central Asian Countries, barter system

For citation: Garbuzarova E.G. Regulatory Initiatives of Central Asian Countries in Addressing Transboundary Water Issues. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(2):219-228. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-219-228>

Received 23.03.2021

Revised 15.05.2021

Published 25.06.2021

BACKGROUND

After the collapse of the USSR the issue of rational use of water resources became one of the most vital transnational problems for the Central Asian countries. Water issues were of political and socio-economic importance in the process of searching for an independent way of state development. Every country established its sovereign rights to water resources within its state borders at the legislative level. The consequences of these national approaches were particularly sensitive for downstream countries whose irrigation systems depended on transboundary water resources.

Water is the key to successful national development of the all Central Asian countries. However, only Kyrgyzstan and Tajikistan, located in the upstream of the two main regional rivers – the Syr Darya and Amu Darya, have full access to water. Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan, located in the downstream, suffer water scarcity. Unequal distribution of water resources negatively affects the regional situation.

Transboundary water problems between Central Asian countries can be deepened by global climate changes [1]. The Central Asian countries are most vulnerable to climate changes because they are located in arid zones. Climate changes could reflect poorly on the agricultural sector which is an important area of activity in the whole region. Climate changes, population growth can escalate the struggle for water resources and lead to a regional war.

In order to solve the water problems of Central Asian countries measures are tak-

en at the global and regional levels. Through the mechanisms of the UN and particular countries (EU countries, Russia, China, etc.) they are trying to create a legal ground for developing a strategy for the effective use of water and energy resources in Central Asia. Despite the proposed policy initiatives for water resources management and existing mechanisms for coordination of transboundary water problems in the region this issue remains on the agenda. It should be understood that the solution of the transboundary water problems in Central Asia largely depend on the political will of the leaders of the national republics. A number of researchers rightly claim that “the will and the ability of the state to act go hand in hand. They are sure, “without the ability of the state to develop and implement a political line, good political commitments may not be realized” [2]. For example, the adopted strategy of liberal economic transformation in Uzbekistan dictates the country’s leadership to adopt a more conciliatory position in water and energy conflicts with its neighbors. This is one of the factors that stimulate the beginning of the next stage in solving transboundary water problems. In this regard, it is relevant to consider the initiatives of political leaders of Central Asian countries to solve the problems of efficient using transboundary water resources.

The Central Asian countries can be divided into two groups according to their water use goals. Kyrgyzstan and Tajikistan belong to the first group because they are interested

in using water for energy projects. Uzbekistan, Turkmenistan and Kazakhstan belong to the second group because they use water for irrigation systems in the summer. In spite of different goals water resources are the common property of the region and require collective efforts to create an equitable system for their use.

WATER AND ENERGY RESOURCES OF CENTRAL ASIA

The countries of Central Asia are closely connected by four major rivers – the Amu Darya, the Syr Darya, the Tarim and the Irtysh. It is difficult to overestimate the historical significance of the Amu Darya (Oxus) and Syr Darya (Yaxart) for the development of an ultimate life of the region population. Thanks to the flows of these rivers trade, economy, and culture developed.

Central Asia is self-sufficient region in water resources. There are more than 4,000 reservoirs among which the largest are the drying up lake-the Aral Sea, the Issyk-Kul and the Balkhash [3]. Approximately 55,4 % of the total flow of the Aral Sea basin is generated within Tajikistan, 25,3 % in Kyrgyzstan, 7,6 % in Uzbekistan, 3,9 % in Kazakhstan, 2,4 % in Turkmenistan and 5,4 % in Afghanistan, China and Pakistan [4].

Plentiful water resources are concentrated in Kyrgyzstan. Such large rivers as the Chu, Naryn and Talas create favorable opportunities for the development of hydropower. Kyrgyzstan is the third hydropower country in the Post-Soviet space after Russia and Tajikistan. There are 7 major power stations in Kyrgyzstan: Toktogul, Kurpsay, Shamaldysay, Tash-Kumyr, Uch-Kurgan, Kambaratinskaya-2 and At-Bashinskaya. Kyrgyzstan needs foreign investment to develop its hydropower potential.

Tajikistan, which is located in the basin of the Syr Darya and the Amu Darya, forms

about 60 % of transboundary water resources. The main rivers of Tajikistan include the Vanj, Pyanj and Zeravshan. Tajikistan is the 6th hydropower country in the world. The country has such large hydroelectric power stations as Nurek (provides the country with 70 % of electricity) and Rogun (only 2 units operate and 4 need investment to start). However, Tajikistan faces the problem of inefficient use of the country's hydropower potential. According to experts calculations the hydropower potential of rivers in Tajikistan is currently used by an average of only 3,24 % [5].

NATIONAL INTERESTS AND WATER INITIATIVES OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Kyrgyzstan is interested in exporting electricity because of the power hydroelectric potential. It helps to solve a number of socio-economic problems. The governance of the republic considers electricity as a strategic product from the sale of which they can get a good profit. The Kyrgyz ruling elite is based on this approach to transboundary water problems in the region. In 2018 ex-President of Kyrgyzstan S. Jeenbekov, speaking at the 73rd session of the UN General Assembly, noted that the republic “stands for the development and implementation of mutually beneficial economic mechanisms in Central Asia” in solving water problems in the region [6]. In addition, Kyrgyzstan plans to return to the system of compensation for the use of water resources based on the renewal of the agreement of 1998. That agreement signed between Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan in Bishkek. A year later, Tajikistan joined the agreement, which was based on a barter exchange mechanism according to which Kyrgyzstan had to supply water to the downstream countries during the summer period. In exchange for water Kazakhstan and Uzbekistan had to supply Kyrgyzstan with energy resources (coal, gas, heating oil, electricity) or cash [7]. Fuel resources

supplied to Kyrgyzstan from neighboring countries were used for thermal power stations in the autumn-winter period. The signing of the agreement symbolized not only the beginning of a new multilateral stage of cooperation between the countries of the region but also allowed to stabilize the water management situation and energy supply throughout the region [8].

Considering that the country's interests are not taken into account in the framework of the multilateral format of cooperation — the international Fund for saving the Aral Sea (IFAS), established in 1993, Kyrgyzstan stopped its participation in this structure. According to the Kyrgyz government in order to create a fair water allocation system in the region it is necessary to return to the “compensation mechanism for the use of water and energy resources” [9].

Tajikistan pays close attention to water diplomacy as the most important factor in solving socio-economic problems [10]. The Republic is known for its international initiatives on water issues. At the suggestion of Tajikistan the UN General Assembly declared the international year of freshwater in 2003, the International decade of action “Water for life” in 2005, the international year of water cooperation in 2013, and the International decade of action “Water for sustainable development” in 2018. Thus, Tajikistan is more inclined to present its position not at the regional level, but on the platform of international institutions.

Tajikistan, as well as Kyrgyzstan, believes that it is necessary to implement economic mechanisms in the use of transboundary water resources [11]. From the point of view of Tajikistan all countries in the region should strive for closer economic cooperation and create conditions for the free movement of goods, services and labor resources.

Meanwhile, in Tajikistan, there is a factor that generates tension in the water problems

of Central Asia. The largest hydroelectric power station Rogun is being constructed in Tajikistan. It is a national project of the country, which will allow not only to ensure energy security but also to become the main supplier of electricity to neighboring countries. However, countries experiencing water scarcity, especially Uzbekistan, opposed the construction of such large hydroelectric power stations, considering this project as a threat to the environmental security of Central Asia. Back in 2012 the first President of Uzbekistan, Islam Karimov, warned the countries of the region against a possible war that could start over water resources because of such constructions. At the present Uzbekistan behaves rather restrained and shows a desire to solve water problems with Tajikistan in a constructive way. Like Kyrgyzstan, Tajikistan views water as an important strategic resource and links its future sustainable development to hydropower. Thus, in the National development strategy of the Republic of Tajikistan for the period up to 2030 it is noted that “further development of hydropower capacity... will allow Tajikistan to become a regional leader in the production and transit of cheap and environmentally pure energy” [12].

Thus, Kyrgyzstan and Tajikistan, having no hydrocarbon resources, consider water as a strategic resource that allows them to implement their national goals. Significant water supplies allow these two countries in the region to generate electricity not only for domestic needs but also for export. Consequently, these countries' approach to solving transboundary water problems in the region is based on economic pragmatism.

For Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan water is vital for the development of agriculture and food security. In this regard, the countries follow the principle that “water is a free natural gift and cannot be the property of individual countries” [13].

Kazakhstan has always sought to rely on a multilateral approach in solving water problems in the region considering unilateral actions are not effective [14]. In August 2018 at the annual summit of the heads of state of the founders of the international Fund for saving the Aral Sea, former President of Kazakhstan N. Nazarbayev took the initiative to create an International water and energy consortium of Central Asia. N. Nazarbayev first proposed this idea in 2003. During that historical period all five countries of the region gradually moved towards regional integration expanding multilateral cooperation within the regional structure “Central Asian cooperation” (CAC). Then it was proposed three consortia to be created within the CAC: water and energy, food and communications [15]. This would allow the countries of the region to solve domestic problems and reach a new level of interstate cooperation. At the same time the former President of Kyrgyzstan A. Akayev proposed the creation of such a supranational structure. This project was called the “Water code”, which was supposed to develop a legislative act that was obligatory for all participants and “stands above national legislation” [16]. However, this idea was never implemented in practice. An interesting fact is that in 2003 a study was conducted in Kyrgyzstan on the topic related to the prospects for the development of relations between the countries of the region on the water issues [17]. This study was based on the opinions of experts, scientists and government representatives from four Central Asian republics, with the exception of Turkmenistan. Experts’ opinions differed on the issue of creating a water and energy consortium in the region. Most experts from Kyrgyzstan criticized this idea, considering that such a structure would not have any significant effect at the regional level.

Uzbekistan, which is 80 % dependent on transboundary water resources, moved from

an uncompromising position to a constructive dialogue on the water issue after the change of government in 2016. The country is facing an urgent issue of establishing a system of uninterrupted water supply for the development of agriculture which generates a significant part of GDP and employs more than 40 % of the country’s population. When Islam Karimov was president, Uzbekistan had tense relations with its neighbors on the issue of water resources. The water issue repeatedly caused acute contradictions between Uzbekistan and Tajikistan. The next phase of the conflict between the two countries began in 2010 when Uzbekistan categorically opposed the construction of the Rogun hydroelectric power station in Tajikistan. According to Uzbekistan this project would not only disrupt the supply of water to the downstream countries but could also lead to irreversible environmental consequences. At the present Uzbekistan is interested in developing and strengthening regional cooperation on the rational use of water resources. Thus, a new approach to solving water and energy problems in the region was proposed by the President of Uzbekistan Sh. Mirziyoyev in August 2018. Speaking at a meeting of the heads of the countries of the IFAS the President of Uzbekistan took the initiative to adopt a Regional program for the rational use of water resources in Central Asia [18]. This program will be preceded by a regional conference with the participation of representatives of the scientific community. The current Uzbekistan government pursues the reform policy that requires a departure from the irreconcilable position and a transition to the development of new approaches to cooperation with neighboring countries in the hydropower sector. In 2017 in the context of the implementation of a peace-loving policy Uzbekistan expressed its desire to participate in the construction of the Kambarata hydroelectric power station on the Naryn Riv-

er in Kyrgyzstan. In 2018 Uzbekistan showed a desire to implement a number of hydropower projects together with Tajikistan. The two countries signed an agreement that provides for the construction of two hydroelectric power stations on the Zeravshan river [19].

Turkmenistan, as well as other downstream countries, needs transboundary water resources. Turkmenistan's position is based on the need to involve international structures in solving water problems in Central Asia. In 2018, speaking in Dushanbe at an international conference dedicated to the UN Decade of action "Water for sustainable development, 2018-2028", President of Turkmenistan Gurbanguly Berdimuhamedov proposed to create a specialized body on water issues for Central Asia based on the UN. Turkmenistan opposes considering water as a profitable product and believes that a reasonable balance should be achieved "between economic activity and water resources conservation" [20].

CONCLUSION

In recent years Central Asian countries trend to move from an inert state to increased efforts to find solutions to transboundary water problems [21]. A new milestone in the settlement of this problem is associated with the revision of Uzbekistan's approaches to cooperation with upstream states. Also the anniversary summit of the IFAS, held on August 24 2018 in the city of Turkmenbashi, gave an impetus to cooperation on water issues between the countries of the region.

An analysis of the regulatory initiatives of the Central Asian countries shows that all countries of the region demonstrate a desire to solve the transboundary water problems. But they see different ways to solve it. Turkmenistan and Tajikistan tend to use the UN mechanisms while Kazakhstan, Uzbekistan and Kyrgyzstan focus on the regional format of interaction [22]. Of all the countries

in the region Kyrgyzstan and Tajikistan experience the greatest difficulties in their socio-economic development. Therefore, water for them will continue to be considered as a potential source of income. This position of the upstream countries makes almost inevitable political and economic conflicts in the region in the future. However, in all the proposed initiatives of the political leaders of the Central Asian countries, the idea of constructive interstate relations is a refrain. The demonstration of the above-mentioned initiatives opens up an opportunity to reach a new level in solving the water problem. In addition, global climate changes requires a coordinated response to natural and climate challenges that will affect all Central Asian countries without exception.

Considering the different approaches of Central Asian countries to solving transboundary water problems the best solution would be to study the experience of the barter system that existed in the Soviet period. The upstream countries provided water to the downstream countries and the latter paid for it with hydrocarbon resources. Thus, the principle of mutual exchange will guarantee the fair distribution of water resources in the region and will become a stabilizing factor. A return to the barter system will not only provide all the countries of the region with the necessary resources but also bring interstate relations to a higher level, opening the way to strengthening cooperation in the trade and economic sphere. The formation of such a system of interdependence can become a prerequisite for creating a regional integration structure speeding up the processes of regionalization.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орловский Н.С., Зонн И.С., Костяной А.Г., Жильцов С.С. Изменение климата и водные ресурсы Центральной Азии. *Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир.* 2019;1(19):56-78.

2. Тульчинский Г.Л. Политическая воля: феномен и концепт. *Наследие*. 2017;1(10):31-49.
3. Аламанов С.К., Лелевкин В.М., Подрезов О.А., Подрезов А.О. Изменение климата и водные проблемы Центральной Азии. Москва-Бишкек: 2006. С. 104
4. Гидроэнергетические ресурсы Таджикистана и проблемы водопользования в ЦА. 2019. 1 апреля. URL: <http://kazanalytics.kz> (дата обращения: 02.02.2021)
5. Ахророва А.Д., Бобоев Ф.Дж., Саидова Ш.Н. Гидроэнергетический потенциал Таджикистана и эффективность его использования. *Вестник Таджикского технического университета. Серия инженерные исследования*. 2016;4(36):9-15.
6. На 73-й сессии Генассамблеи ООН заговорили о водно-энергетической проблеме Центральной Азии. 2018. 12 октября. URL: <https://e-cis.info/news/566/63711/> (дата обращения: 02.02.2021)
7. Каюмов А. Дефицит водных ресурсов и динамика межгосударственного сотрудничества в бассейне Нарына и Сырдарьи. *Центральная Азия и Кавказ*. 2012;15(3):92-107.
8. Карыбеков Э., Сарыбаева Ж. Энергетическая безопасность Кыргызстана — «кольцо» интеграции. Бишкек: Китеп Компани; 2004. С. 38.
9. Кыргызстан намерен вернуть компенсацию за обеспечение водой региона? 2018. 28 августа. URL: <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-ara-central-asia-summit-water/29456955.html> (дата обращения: 15.03.2021)
10. Амирхонов М.М. Дипломатия водного сотрудничества республики Таджикистан: обеспечение устойчивого развития страны. *Таджикистан и современный мир*. 2017;2(57):73-83.
11. Саммит глав государств — учредителей Международного фонда спасения Арала. Туркменбаши, 2018. 47 с. <http://www.cawater-info.net/library/rus/ifas/summit-ifas-2018.pdf>
12. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. 2017. 20 февраля. URL: <https://www.mfa.tj/ru/bishkek/view/4513/natsionalnaya-strategiya-razvitiya-respubliki-tadzhikistan-na-period-do-2030-goda> (дата обращения: 17.03.2021)
13. Мубаракшин Б.Н. Подходы Центральноазиатских республик к реализации регионального водохозяйственного комплекса. *Вестник МГИМО Университета*. 2014;6:101-107.
14. Калимолдаев М.Н., Коваленко А.Г., Мырзахметов М.М., Хачатуров В.Р. Водные проблемы Центральной Азии: анализ, методы поиска путей решения проблемы. *Вестник СамГУ*. 2014;6(117):239-250.
15. Лидеры стран Центральной Азии создают консорциумы. 2003. 7 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/394018> (дата обращения: 5.01.2021)
16. Сыртанов К. Братья или манкурты? Вода в Центральной Азии не товар, а общее достояние. 2007. 23 марта. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1174603080> (дата обращения: 02.02.2021)
17. Valentini K.L., Orolbaev E.E., Abylgazieva A.K. Water Problems of Central Asia. Bishkek: Friedrich-Ebert-Stiftung; 2004. P.119.
18. Мирзиёев предложил принять Региональную программу рационального использования водных ресурсов в ЦА. 2018. 25 августа. URL: <https://for.kg/news-506622-ru.html> (дата обращения: 02.02.2021)
19. Узбекистан построит в Таджикистане гидроэлектростанцию. 2020. 30 января. URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/uzbekistan-postroit-v-tadzhikistane-gidroelektrostantsiyu.html> (дата обращения: 02.02.2021)
20. Президент Туркменистана предложил учредить специализированную структуру ООН по водным вопросам для Центральной Азии. 2018. 20 июня. URL: <https://turkmenportal.com/blog/14922/prezident--turkmenistana-predlozhit-uchredit-specializirovannuyu-strukturu-oon-po-vodnym-voprosam-dlya-centralnoi-azii> (дата обращения: 18.03.2021)

21. Zhiltsov S.S., Bimenova A. Central Asian Politics Regarding Water use of Transboundary Rivers. *Central Asia and the Caucasus*. 2015;16(1):78-87.
22. Zhiltsov S.S., Zhiltsova M.S., Medvedev N.P., Slizovskiy D.Y. Water Resources of Central Asia: Historical Overview. *The Handbook of Environmental Chemistry*. 2018;85:9-24

REFERENCES

1. Orlovsky N.S., Sonn I.S., Kostyanoy A.G., Zhiltsov S.S. Climate change and water resources of Central Asia. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Russia and the world*. 2019;1(19):56-78. (In Russ.)
2. Tulchinsky G. L. Political will: a phenomenon and a concept. *Legacy*. 2017;1(10):31-49. (In Russ.)
3. Alamanov S.K., Lelevkin V.M., Podrezov O.A., Podrezov A.O. Climate change and water problems of Central Asia. Moscow-Bishkek: 2006. p. 104
4. Hydropower resources of Tajikistan and water use problems in Central Asia. April 1, 2019. URL: <http://kazanalytics.kz> [Accessed 02.02.2021] (In Russ.)
5. Akhrova A.D., Boboev F. J., Saidova Sh. N. The hydropower potential of Tajikistan and the efficiency of its use. *Bulletin of the Tajik Technical University. Engineering research series*. 2016;4(36):9-15.
6. At the 73rd session of the UN General Assembly, they talked about the water and energy problem of Central Asia. October 12, 2018. URL: <https://e-cis.info/news/566/63711/> [Accessed 02.02.2021] (In Russ.)
7. Kayumov A. Shortage of water resources and dynamics of interstate cooperation in the Naryn and Syrdarya basin. *Central Asia and the Caucasus*. 2012;15(3):92-107.
8. Karybekov E., Sarybayeva Zh. Energy security of Kyrgyzstan is the "ring" of integration. Bishkek: Kitep Company; 2004. p. 38.
9. Does Kyrgyzstan intend to return compensation for providing water to the region? August 28, 2018. URL: <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-aral-central-asia-summit-water/29456955.html> [Accessed 15.03.2021] (In Russ.)
10. Amirkhonov M. M. Diplomacy of water cooperation of the Republic of Tajikistan: ensuring sustainable development of the country. *Tajikistan and the modern world*. 2017;2(57):73-83. (In Russ.)
11. Summit of the Heads of the founding States of the International Fund for Saving the Aral Sea. Turkmenbashi, 2018. 47 p. <http://www.cawater-info.net/library/rus/ifas/summit-ifas-2018.pdf>. (In Russ.)
12. National Development Strategy of the Republic of Tajikistan for the period up to 2030. February 20, 2017. URL: <https://www.mfa.tj/ru/bishkek/view/4513/natsionalnaya-strategiya-razvitiya-respubliki-tadzhikistan-na-period-do-2030-goda> [Accessed 17.03.2021] (In Russ.)
13. Mubarakshin B. N. Approaches of the Central Asian republics to the implementation of the regional water management complex. *Bulletin of MGIMO University*. 2014;6:101-107. (In Russ.)
14. Kalimoldaev M. N., Kovalenko A. G., Myrzakhmetov M. M., Khachaturov V. R. Water problems of Central Asia: analysis, methods of finding ways to solve the problem. *Bulletin of the Samara State University*. 2014;6(117):239-250. (In Russ.)
15. The leaders of the Central Asian countries are creating consortia. July 7, 2003. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/394018> [Accessed 5.01.2021] (In Russ.)
16. Syrtanov K. Brothers or mankurts? Water in Central Asia is not a commodity, but a common asset. March 23, 2007. URL: <https://centrasia.org/>

- org/newsA.php?st=1174603080 [Accessed 02.02.2021] (In Russ.)
17. Valentini K.L., Orolbaev E.E., Abylgazieva A.K. Water Problems of Central Asia. Bishkek: Friedrich-Ebert-Stiftung; 2004. P. 119. (In Eng)
 18. Mirziyoyev proposed to adopt a Regional program for the rational use of water resources in Central Asia. August 25, 2018. URL: <https://for.kg/news-506622-ru.html> [Accessed 02.02.2021] (In Russ.)
 19. Uzbekistan will build a hydroelectric power plant in Tajikistan. January 30, 2020. URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/uzbekistan-postroit-v-tadzhikistane-gidroelektrostantsiyu.html> [Accessed 02.02.2021] (In Russ.)
 20. The President of Turkmenistan proposed to establish a specialized UN structure on water issues for Central Asia. June 20, 2018. URL: <https://turkmenportal.com/blog/14922/prezident--turkmenistana-predlozhit-uchredit-specializirovannuyu-strukturu-oon-po-vodnym-voprosam-dlya-centralnoi-azii> [Accessed 18.03.2021] (In Russ.)
 21. Zhiltsov S.S., Bimenova A. Central Asian Politics Regarding Water use of Transboundary Rivers. *Central Asia and the Caucasus*. 2015;16(1):78-87.
 22. Zhiltsov S.S., Zhiltsova M.S., Medvedev N.P., Slizovskiy D.Y. Water Resources of Central Asia: Historical Overview. *The Handbook of Environmental Chemistry*. 2018;85:9-24

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Г. Гарбузарова, Кандидат исторических наук, Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Кыргызская Республика; 720065, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Киевская, 44;
play_elenag@mail.ru

Elena G. Garbuzarova, candidate of historical science, Kyrgyz-Russian Slavic university, Bishkek, the Kyrgyz Republic; bld. 44, Kievskaj Str., Bishkek, 720065, the Kyrgyz Republic;
play_elenag@mail.ru

<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-229-241>

Особенности водной дипломатии в Центральной Азии

Гулбара Ч. Акунова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
akunovag17@gmail.com

Аннотация: Водная проблематика традиционно составляет одно из наиболее сложных и противоречивых вопросов в Центральной Азии. На протяжении 30 лет с момента обретения независимости пять республик не могут прийти к единому соглашению по использованию водных ресурсов. Главным образом потому, что их интересы не совпадают. Условно регион поделен на сельскохозяйственные и энергетические республики. Одним нужно орошать свои земли, другие заинтересованы производить электричество. Каждая из пяти республик стремится учитывать в первую очередь свои интересы, иногда не считаясь с интересами соседей. В статье рассматривается проблемы развития водной дипломатии между государствами Центральной Азии. Отмечается, что данная проблема является актуальной для региона в связи с особенностями положения и правового режима трансграничных рек в Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, трансграничные реки, водная дипломатия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан

Для цитирования: Акунова Г.Ч. Особенности водной дипломатии в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(2):229-241. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-229-241>:

Статья поступила: 28.03.2021

Принята в печать: 07.05.2021

Опубликована: 25.06.2021

Features of Water Diplomacy in Central Asia

Gulbara Ch. Akunova

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,
akunovag17@gmail.com

Abstract: Water issues are traditionally one of the most complex and controversial issues in Central Asia. Over the 30 years since independence, the five republics have not been able to come to a single agreement on the use of water resources. Mainly because their interests do not coincide. The region is conventionally divided into agricultural and energy republics. Some need

to irrigate their lands, others are interested in producing electricity. Each of the five republics strives to take into account primarily its own interests, sometimes disregarding the interests of its neighbors. The article deals with the problems of the development of water diplomacy between the states of Central Asia. It is noted that this problem is relevant for the region due to the peculiarities of the position and legal regime of transboundary rivers in Central Asia.

Keywords: Central Asia, transboundary rivers, water diplomacy, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan

For citation: Akunova G.Ch. Features of water diplomacy in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(2):229-241. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-229-241>

Received: 28.03.2021

Revised: 07.05.2021

Published: 25.06.2021

ВВЕДЕНИЕ

Вода — один из важнейших стратегических ресурсов на земле, «голубое золото», к которому более 2 миллиардов человек не имеют прямого доступа. Качество воды и ее доступность зависят от многих факторов, таких как изменение климата, рост населения, социально-экономические условия, нерациональное использование водных ресурсов и так далее. В ближайшем будущем нагрузка на мировые водные ресурсы будет продолжать расти. Если человечество можно представить без нефти, металла или других полезных ископаемых, то без двух глобальных природных ресурсов — воздуха и воды представить невозможно.

Водный фактор все больше влияет на характер отношений между государствами. Вода не признает политических и государственных границ, что делает государства взаимозависимыми с точки зрения водопользования. Географическое положение позволяет ряду стран контролировать водные ресурсы и использовать такую возможность в политических целях. Особенно остро этот вопрос стоит в Центральной Азии, где вода неравномерно распределена между республиками региона. Две самые

крупные трансграничные реки региона — Амударья и Сырдарья формируются в горах Кыргызстана и Таджикистана. Эти реки стекают в страны нижнего течения — Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. Таким образом, страны низовья находятся в зависимом положении от стран верховья — Кыргызстана и Таджикистана, которые могут самостоятельно регулировать сток крупнейших рек в регионе.

Ситуация осложняется различными подходами к водопользованию. Если для стран низовья, обладающие значительными сельскохозяйственными ресурсами, вода необходима для ирригационных нужд, то для стран верховья для энергетических. Сельское хозяйство одна из основных отраслей экономик Казахстана, Туркменистана и Узбекистана и большая часть населения нижних стран прямо или косвенно зависит от орошаемого земледелия. Гидроэнергетика имеет важное значение для Кыргызстана и Таджикистана, производства энергии удовлетворяет более 90 процентов от общей потребности в верхних странах, а также является экспортным товаром. Конкурирующие отрасли сель-

ского хозяйства стран низовья и гидроэнергетики в странах верховья подогревают серьезные споры в регионе [1], где каждая республика, в первую очередь, учитывает свои национальные интересы. Президенты центральноазиатских республик на протяжении всего периода после обретения независимости не могут прийти к консенсусу относительно водного вопроса в регионе. Следует учесть, что увеличение населения, расширяющаяся экономика, растущее давление на окружающую среду и практика нерационального потребления продолжит создавать нагрузку на общие водные ресурсы Центральной Азии. Все больше вопросов воды рассматривается как инструмент политического влияния. Как отмечают эксперты, «водные проблемы Центральной Азии не являются проблемой дефицита воды как такового, а результатом комплекса политических, геополитических, экономических и социальных мотивов» [2].

РАЗВИТИЕ ВОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Центральная Азия была определена как один из регионов с наибольшей вероятностью возникновения конфликтов из-за воды. Основной причиной этого является ухудшение экологических и социально-экономических условий наряду с ростом политической напряженности. Большая часть используемой в регионе воды берется из двух главных рек — Сырдарьи и Амударьи. После распада СССР единый водохозяйственный комплекс был разрушен и две главные реки обрели трансграничный характер. Теперь новые республики Центральной Азии были разделены не только территориальными границами, но и на так называемые страны верховья — Кыргызстан и Таджикистан, и страны низовья — Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. Страны, расположенные

в верховьях — и низовьях имеют разные экономические интересы. Кыргызстан и Таджикистан генерируют электричество, а Казахстан, Узбекистан и Туркменистан выращивают сельхозпродукцию. Энергетики заинтересованы накапливать воду в летнее время, чтобы зимой вырабатывать свет, а аграриям вода нужна именно летом, в поливной сезон [3]. В советский период в Центральной Азии на первый план ставились ирригационные потребности, разворачивалась бурная деятельность по орошению засушливых земель. Казахстан, Туркменистан и Узбекистан являлись наиболее подходящими для выращивания сельскохозяйственных культур. Кыргызстан и Таджикистан богаты водными ресурсами поставляли воду на нужды орошаемого земледелия соседних республик. Взамен страны низовья снабжали сельскохозяйственной продукцией и энергоносителями страны верховья. Такой подход — взаимной компенсации позволял наиболее оптимально управлять водными ресурсами в регионе. Однако новая геополитическая реальность требовала новых соглашений и договоренностей по использованию трансграничных рек. В первые годы республики договорились сохранить статус-кво т. е. следовать механизму, поставленному еще в советское время.

Важнейшим политическим шагом стала инициатива первых лиц национальных водохозяйственных ведомств государств Центральной Азии о принятии в октябре 1991 года Ташкентского заявления. Оно стало отправной точкой переговорного процесса между центрально-азиатскими государствами в сфере использования водных ресурсов трансграничных рек. В нем стороны договорились о совместном использовании водных ресурсов, с учетом интересов всех сторон [4]. В заявлении были приняты важнейшие принципы общего

водопользования, такие как необходимость принятия мер для предотвращения негативных последствий, связанных с усыханием Аральского моря (пункт 1), сохранение принципа водного квотирования между странами верховья и низовья (пункт 5), обмен информацией об использовании водных ресурсов и инфраструктуре водопользования (пункт 6), решать совместно все спорные вопросы касательно водохозяйственных проблем в регионе (пункт 8) [5]. Следующим этапом стало становление правовой и организационной базы сотрудничества в области водопользования. В 1992 году было принято Алма-Атинское соглашение [6]. В котором было инициировано создание Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК), органа для проведения согласованной политики водопользования в регионе. В состав комиссии вошли руководители водохозяйственных ведомств пяти республик. В целом в соглашении стороны признавали необходимость сохранения советской схемы вододеления. Однако, многие пункты Алма-Атинского соглашения содержали размытые формулировки, без каких-либо обязательств и не были реализованы на практике. Кроме этого, интересы стран верховья учитывались в меньшей степени, к примеру, не оговаривался механизм поставки им дешевой энергии взамен спускаемой воды и механизм компенсации за эксплуатацию водохранилищ, построенных в советское время.

Впервые симптомы конфликтности проявились в 1993 году, когда Узбекистан за долги оставил Кыргызстан без газа. В ответ Бишкек осуществил сброс из Токтогульского водохранилища. Изменение графика работы Токтогульского водохранилища Кыргызстан объяснил необходимостью производства электроэнергии в зимний период и накопления ее в летний период.

К такому шагу Кыргызстан подталкивали объективные факторы: разрыв экономических связей в рамках региона, увеличение стоимости углеводородных ресурсов, тяжелая экономическая ситуация в стране [4]. Водные ресурсы стали предметом торга между центральноазиатскими республиками. Каждая сторона хотела учесть в первую очередь свои интересы, даже если они противоречили интересам соседей. Кыргызстан и Таджикистан считали, что вода, формирующаяся на их территории, является внутригосударственным богатством, когда как Казахстан, Туркменистан и особенно Узбекистан рассматривали воду как общий природный ресурс и все государства региона имеют равные права на его использование. Кроме этого, вода в регионе представляла собой не только природный ресурс, но и мощный рычаг воздействия способный влиять на сопредельные страны. Ситуация в регионе накаляется и осложняется без того напряженные отношения между соседями. Однако республики осознавали, что при сложившихся условиях управление региональными водными ресурсами могло осуществляться лишь при согласованных действиях сторон. В 1995 году на встрече всех президентов стран Центральной Азии была подписана Нукуская декларация. В декларации страны Центральной Азии признавали растущий дефицит воды в регионе и необходимость развивать многостороннее сотрудничество. Кроме этого, республики соглашались с ранее подписанными соглашениями в сфере водных ресурсов [7]. Заключенные соглашения лишь на определенный период сглаживали конфликтный потенциал. Расхождение интересов государств низовья и верховья постепенно углублялся, становился очевиден некий крен в сторону экономически более развитых государств низовья, требующих увеличения попусков воды в вегета-

цию для своих орошаемых земель, что идет вразрез с интересами Кыргызстана и Таджикистана, стремящимися снизить уровень своей энергозависимости, в первую очередь, от Узбекистана [8 с.68]. В связи с постоянными конфликтами, особенно между Кыргызстаном и Узбекистаном, в 1998 году было принято Соглашение о совместном использовании водных и энергетических ресурсов в бассейне реки Сырдарья заключенное между Кыргызстаном, Казахстаном и Узбекистаном [9]. Согласно ему, Кыргызстан брал на себя обязательства летом сбрасывать большую часть воды Казахстану и Узбекистану, которые в свою очередь обещали поставлять Кыргызстану электроэнергию зимой. Планировалось, что точные количества ресурсов будут ежегодно определяться в ходе переговоров. В данном соглашении были заложены положительные принципы, как взаимовыгодное сотрудничество, добрососедство и соблюдение обязательств. Однако оно имело рамочный характер и многие детали остались не проработанными. Например, не удалось прийти к единой тарифной политике по различным видам энергоресурсов, не давалось определений понятиям «дополнительно выработанная электрическая энергия сверх нужд», «необходимые ежегодные и многолетние запасы воды в водохранилищах для ирригационных нужд». С самого начала стороны с нарушением выполняли условия Соглашения. Каждое нарушение сопровождалось взаимными упреками и обвинениями, в итоге оно утратило силу.

На протяжении 30 лет с момента обретения независимости республики Центральной Азии не могут наладить механизм распределения воды в регионе. Казалось бы, решение проблемы лежит на поверхности: верховья поставляют летом воду, тем самым было бы обеспечено орошение сельскохозяйственных земель, а низовья

зимой — электричество. Таким образом, сохранился бы механизм, разработанный еще в советское время. Однако с распадом СССР, отпал и внешний наднациональный контроль, нарушился гидроэнергетический баланс. Теперь каждая республика стала защищать собственные интересы. Туркменистан и Узбекистан перестали снабжать Кыргызстан и Таджикистан дешевой энергией, следовательно, этим двум странам, которые, итак, были экономически слабее своих соседей, пришлось задуматься об альтернативных источниках энергии, как строительство ГЭС. Одним из немногих примером успешного сотрудничества между республиками верхнего и нижнего течения может служить Казахстан и Кыргызстан, которые смогли договориться об обмене электроэнергией «по условной цене». Согласно протокольному поручению, «Кыргызстан за июнь–август выдаст до 300 миллионов киловатт-часов с попуском до 330 миллионов кубометров воды через Уч-Курганскую ГЭС». Возврат эквивалентного объема электроэнергии Казахстан произведет с сентября по ноябрь. [10]. Однако, как показывает опыт наличие межгосударственных соглашений и договорённостей не гарантирует успешного сотрудничества в Центральной Азии. На региональном уровне существует общая информационная система и принятые странами совместные подходы по водным вопросам, могут не соблюдаться при политических и экономических разногласиях. [11]. В конечном итоге, вопрос эффективного использования водных ресурсов остается одной из важнейших стратегических задач государств Центральной Азии.

ВОДА КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТОВАР

В ближайшее десятилетие мировое потребление воды будет только расти. В докладе ООН говорится, что глобальное

водопользование увеличилось в 6 раз за последние 100 лет и продолжает неуклонно расти со скоростью 1% в год. Такими темпами мир может столкнуться с 40-процентным глобальным дефицитом воды к 2030 году [12]. Дефицит воды усиливается в результате двух основных факторов как потепления климата и увеличения населения земли. С 1970-х годов зарегистрированная температура воздуха в регионе повысилась на 0,3–0,4 °С. В дальнейшем прогнозируется рост среднегодовой температуры на 3,7 °С к 2100 году [13]. Согласно ООН, «численность населения Центральной Азии вырастет до 82 миллионов человек к 2050 году» [14]. Значение воды в XXI веке можно сравнить с нефтью в XX. Однако реальность такова, что у нефти есть альтернативы, такие как природный газ, энергия ветра, солнца и атомная энергия. Напротив, для промышленности и сельского хозяйства, а также для питья и санитарии единственной альтернативой воде — является вода [15].

Кыргызстан активной всего в регионе продвигает идею, что вода является таким же товаром, как нефть и газ. Бишкек не устраивало то, что необходимо было закупать топливо у соседей, в частности у Узбекистана по высоким ценам, за которое республика была не в состоянии платить своевременно и в полной мере. В связи с этим в политических кругах Кыргызстана все громче звучала идея, о необходимости закрепить на законодательном уровне воду как товар. Одной из первых инициатив стало издание в июне 1997 Постановления «О межгосударственном водопользовании Узбекистаном, Казахстаном и Таджикистаном водными ресурсами Кыргызстана» [16]. В постановлении говорилось о необходимости установлении платы за воду, поступающую из водохранилищ Кыргызстана в соседние республики. В 2001 году вышел

Закон Кыргызской Республики «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики» [17], в котором вода признавалась как вид природных ресурсов, имеющей свою экономическую стоимость и являющейся товаром. Кыргызстан это объяснял необходимостью тратить деньги на поддержание своих водохранилищ, и поэтому хотел, чтобы государства, расположенные ниже по течению, разделили часть финансового бремени. Идею взаимодействия на принципах рыночной экономики для решения водных проблем продвигают, прежде всего, «верхние» страны, рассчитывающие на компенсацию за воду трансграничных рек в денежном или углеводородном эквиваленте [18].

В своей статье в журнале «Хроника ООН» под названием «Вода для устойчивого развития» Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмон отметил, что «...тенденции мирового развития таковы, что стоимость воды может превзойти стоимость нефти, газа, угля и других ресурсов, необходимых для устойчивого будущего каждой страны и региона» [19]. Президент Кыргызстана Сооронбай Жээнбеков на 73 Генассамблее ООН в сентябре 2018 года заявил, что «Кыргызстан последовательно выступает за разработку и внедрение в Центральной Азии взаимовыгодных экономических механизмов в данной сфере». Однако страны низовья придерживались прямо противоположной точки зрения. На той же сессии Генассамблеи ООН Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов выступил со следующим посылом: «Наша страна твердо придерживается принципа, что вода — это общее достояние всех народов планеты, а равный и справедливый доступ к чистой питьевой воде является фундаментальным правом человека» [20]. Исходя из всего следует, что стра-

ны верховья, являясь экономически более слабые пытаются убедить соседей рассматривать воду как товар. В первую очередь потому, что страны верховья не обладают сельскохозяйственным потенциалом, а располагают значительными водными ресурсами. Вода является одним из основных богатств Кыргызстана и Таджикистана, и, главным образом, ее рассматривают в качестве рычага для поднятия своих экономик. В регионе существует две прямо противоположные точки зрения на вопрос воды как товара. Базовые права на воду усложняют процесс взимания платы за право пользования водными ресурсами. Однако наличие цены на воду даст четкий сигнал о том, что вода действительно является дефицитным товаром, который следует использовать экономно. Это будет стимулировать к сохранению, более бережному отношению и использованию воды для высокоэффективных целей.

СТРОИТЕЛЬСТВО ГЭС КАК ИСТОЧНИК КОНФЛИКТА

Уровень напряжения в регионе возрос с заявлением стран низовья об возобновлении строительства Камбаратинского Каскада ГЭС в Кыргызстане и Рогунской ГЭС в Таджикистане. Такие заявления находили резко отрицательную реакцию у стран низовья, которые опасались, что строительства ГЭС приведет к дефициту воды в их странах. Особенную озабоченность выражал Первый Президент Узбекистана Ислам Каримов. Так, в 2012 году во время официального визита в Казахстан Ислам Каримов высказался относительно возобновления строительства гидроэлектростанций в Кыргызстане и Таджикистане. По его мнению, такие решения должны происходить с согласия всех стран, проживающих вдоль стока рек в Центральной Азии «те, кто живут наверху, я имею в виду Таджи-

кистан и Кыргызстан, они заинтересованы в энергетическом использовании стока. Но, к сожалению, они забывают, что Амударья и Сырдарья — это трансграничные реки. Водные ресурсы могут стать проблемой, вокруг которой обострятся отношения в Центрально-Азиатском регионе. Все может усугубиться настолько, что это может вызвать не просто религиозное противостояние, а войны» [21]. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев поддержал его позицию. По его словам, Казахстану и Узбекистану, являющимся странами нижнего течения рек Сырдарьи и Амударьи, необходимы гарантии безопасности. «Это нужно не нам, президентам, а нашим народам, нашей экологической, экономической безопасности. Речь идет о водообеспечении миллионов людей», — отметил Назарбаев [22]. Опасения соседних республик, связаны с тем, что возможность регулировать сток рек Амударьи и Сырдарьи сократит количество получаемой воды для орошения их сельскохозяйственных угодий. Кроме этого, это усилит позиции Кыргызстана и Таджикистана в регионе, что означает они смогут использовать воду, как инструмент влияния в различных спорах.

Острее всего вопрос стоял в отношении строительства Рогунской ГЭС располагавшееся на реке Вахш, в Таджикистане. Возведение ГЭС было начато еще в советское время, а после распада СССР строительство было заморожено. Независимый Таджикистан долгое время был в поиске инвесторов для своего «национального проекта». В 2008 году в связи с отсутствием других инвесторов Таджикистан решил возобновить работы за свой счет. Для властей Таджикистана строительство Рогунской ГЭС имело не только экономическое и политическое значение, но и пропагандистское. После перенесенной гражданской войны, Таджикистан остро нуждался

в объединяющей идее. Рогунское ГЭС своего рода озаменовал светлое будущее для страны. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон лично участвовал во всех значимых событиях связанные с Рогунской ГЭС, как церемония перекрытия русла реки Вахш и запуска первого агрегата. Такая активность только усиливало напряженность в регионе. Узбекская сторона обвиняла таджикские власти в стремлении построить слишком высокую плотину и «перехватить» всю воду, установив, тем самым, контроль над водоснабжением Узбекистана. В свою очередь, таджикская сторона обвиняла Узбекистан в том, что тот мешал развивать таджикскую гидроэнергетику, а также периодически отключает поставки газа и устраивает транспортную блокаду [23]. Несмотря на давление соседей, президент Таджикистана Эмомали Рахмон твердо решил завершить «национальный проект», представляющий гордость республики. В 2018 году был запущен первый агрегат, а в 2019 второй. Когда строительство Рогунской ГЭС завершится, ее плотина будет самой высокой в мире (335 м) [24]. Конфликтный потенциал сохранялся и в вопросе строительства Камбаратинских ГЭС в Кыргызстане. В первую очередь против выступал Узбекистан. Узбекская сторона была крайне недовольна амбициозными гидроэнергетическими планами Кыргызстана. Президент Узбекистана Ислам Каримов опасался, угрозы прорыва плотин в Кыргызстане и Таджикистане, поскольку строительство ГЭС (и Рогунской, и Камбар-Атинской-1) шла в местах тектонического разлома. Кроме этого, по его мнению, строительство ГЭС изменит режим ирригационного на энергетический, тем самым, будет нанесен значительный ущерб орошаемому земледелию и экологии стран низовья [8 с.83]. Острые противоречия накаляли конфликт между странами верховья

и Узбекистаном. Было очевидно, что позиция Ислама Каримова останется неизменной, как и позиция Кыргызстана и Таджикистана, что могло впоследствии привести к эскалации конфликта.

Ситуация изменилась с приходом нового президента Узбекистана — Шавката Мирзиёева, который взял курс на налаживание отношения с соседями и снижения конфликтного потенциала в регионе. Новоизбранный Президент определил Центральную Азию как приоритетное направление во внешней политике Узбекистана. На сегодняшний день позиция Узбекистана избавилась от эмоциональной составляющей и делает акцент лишь на важности учета интересов всех республик Центральной Азии при строительстве ГЭС в регионе. При этом, демонстрирует, что готов к более конструктивному сотрудничеству в гидроэнергетике, заявляя о готовности совместного строительства ГЭС в странах верховья. Так в ходе визита в Кыргызстан в 2017 году Президент Узбекистана заявил о совместном строительстве Камбаратинской ГЭС-1: «Мы будем вместе строить Камбаратинскую станцию. Потому что она нам необходима, нужна. Потому что, если мы возрождаем и говорим, что история нас не простит, мы должны это делать взвешенно, разумно, чтобы это было выгодно для двух сторон. А это выгодно» [25]. Достигнутые договоренности были подтверждены и в ходе последнего визита Шавката Мирзиёева в Бишкек, в марте 2021 года. Относительно Рогунской ГЭС позиция Узбекистана также смягчилась. По итогам своего визита в Таджикистан в 2018 году Президенты двух стран выпустили совместное заявление, в котором отмечалось «важное значение для Центральной Азии существующих и строящихся гидроэнергетических сооружений для решения водно-энергетических проблем» [26].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Острые вопросы по совместному водопользованию в регионе остаются нерешенными. Невысокая степень успешности объясняется следованием исключительно национальных интересов своей страны. При этом в политической активности недостатка не было. После обретения независимости было подписано множество межгосударственных соглашений по вопросам водных ресурсов, также созданы новые учреждения, призванные регулировать водные вопросы. Однако соглашения и договоренности часто несут декларативный характер и остаются лишь на бумаге. В регионе сохраняется проблема недостаточного взаимодействия [27]. Требуется реформа в вопросе водопользования. Необходимо вовлечения всех республик региона в процессы водной дипломатии. Ключевым компонентом успешности водной дипло-

матии в регионе является учет взаимных интересов. Для этого необходимо усадить все стороны за стол переговоров и наладить процесс выстраивания общей концепции управления водными ресурсами. Снять излишнюю политизированность в вопросах воды и сосредоточиться на социально-экономических компонентах. Увеличить обмен данными и информацией, что приведет к росту доверия между республиками. Поскольку доверие является основополагающим компонентом водной дипломатии, облегчится процесс прояснения недоразумений и неопределенности в отношении решений по управлению водными ресурсами. Кроме этого, важно следовать установленным договоренностям. В конечном итоге вода сможет стать не инструментом политического торга, а сотрудничеством в регионе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Духовный В., Соколов В., Зиганшина З. Интегрированное управление водными ресурсами в Центральной Азии: Проблемы управления большими трансграничными реками. Стокгольм: ГВП; 2014. 60 с. URL: <http://www.cawater-info.net/library/rus/gwp/iwrm-ca.pdf> (дата обращения: 10.01.2021)
2. Ларуэль М. Водный вопрос в Центральной Азии — излишняя секьюритизация? / Женщины и вода в Центральной и Южной Азии — 2015 г. URL: <https://www.caa-network.org/archives/6905> (дата обращения: 5.01.2021)
3. Каражанов З. У стран Центральной Азии есть желание решить водную проблему, но нет готовых рецептов//Ритм Евразии. 2018. URL:<http://www.ritmeurasia.org/news--2018-10-12--u-stran-centralnoj-azii-est-zhelanie-reshit-vodnuju-problemu-no-net-gotovyh-receptov-38991> (дата обращения: 10.01.2021)
4. Жильцов С.С., Бименова А. Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек. *Центральная Азия и Кавказ*. 2015;18:90-100 с.
5. Заявление руководителей водохозяйственных органов республик Средней Азии и Казахстана от 12.10.1991. Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии. URL: http://www.icwc-aral.uz/statute2_ru.htm (дата обращения: 2.01.2021)
6. Соглашение между Республикой Казахстан, Республикой Кыргызстан, Республикой Узбекистан, Республикой Таджикистан и Туркменистаном «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» от 18.02.1992. Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии. URL:

- http://www.icwc-aral.uz/statute1_ru.htm (дата обращения: 2.01.2021).
7. Нукусская декларация государств Центральной Азии и международных организаций по проблемам устойчивого развития бассейна Аральского моря от 5 сентября 1995, г. Нукус. URL: <http://mkur.uznature.uz/rus/nukusdeklaraciya.html> (дата обращения: 15.01.2021)
 8. Бояркина О.А. Проблемы и перспективы урегулирования международных конфликтов в сфере водопользования в Центрально-азиатском регионе: диссертация кандидата политических наук. Дипломатическая академия МИД РФ, Москва 2015. 83 с.
 9. Соглашение между Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Узбекистан об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья от 17.03.1998. URL: <http://www.cawater-info.net/library/rus/gov1.pdf> (дата обращения от 10.01.2021)
 10. Кыргызстан и Казахстан договорились об обмене электроэнергией. 2020. URL: <https://sptnkne.ws/C6Cx> (дата обращения: 12.01.2021)
 11. Ормышева Т.А. Кукеева Ф.Т. Сотрудничество стран Центральной Азии по решению проблемы трансграничных рек: анализ основных соглашений. *Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право*. 2016;73(1):65-69.
 12. UNESCO, UN-Water, 2020: United Nations World Water Development Report 2020: Water and Climate Change, Paris, UNESCO. 22 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000372985.locale=en> (дата обращения: 20.01.21)
 13. German Advisory Council on Global Change. Schubert R., Schellnhuber H.J., Buchmann N. Climate change as a security risk. UK and USA: Earthscan; 2008. 271 p.
 14. Ergashev B., Avliyokulov B. Urbanization in Central Asia: Challenges, Issues and Prospects. Tashkent: Center for Economic Research; 2013. 64p. URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/Urbanization-in-CA-ENG.pdf> (дата обращения: 02.02.2021)
 15. Waslekar S. Water is more than a strategic resource. We need to acknowledge that. 2017. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/water-water-everywhere-so-why-dont-we-pay-it-more-attention/> (дата обращения: 08.02.2021)
 16. «О межгосударственном водопользовании Узбекистаном, Казахстаном и Таджикистаном водными ресурсами Кыргызстана». Постановление собрания Народных Представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 26 июня 1997 года № 650-1. URL: <https://clck.ru/Vwg7r> (дата обращения: 20.01.21)
 17. «О Межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики» Закон Кыргызской Республики от 23 июля 2001 года №76. Сайт Минюста КР URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/483> (дата обращения: 20.01.21)
 18. Искандерова А. Ждет ли Центрально-Азиатский регион экологическая катастрофа? Институт исследований Центральной Азии — 2019. URL: <https://central-asia.institute/vodnyj-prognoz-czentralnoj-azii-chetyre-sczenariya-razvitiya-sobytij/> (дата обращения 04.02.2021)
 19. Статья Президента Республики Таджикистан в журнале «Хроника ООН» под названием «Вода для устойчивого развития». URL: <https://clck.ru/TxMit> (дата обращения: 10.02.2021)
 20. Научно-информационный центр МКБК. 2018 Ежегодник «Вода в Центральной Азии и мире» Ташкент: НИЦ МКБК; 2019. 326 с. URL: <https://unrcca.unmissions.org/sites/>

- [default/files/yearbook2018_ru.pdf](#) (дата обращения: 10.02.2021)
21. Соков К. Грозит ли Средней Азии война за воду? 2015. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2015-10-23--grozit-li-srednej-azii-vojna-za-vodu-20210> (дата обращения: 15.03.21)
 22. Лиллис Д. Узбекистан: Нурсултан Назарбаев пришел к дипломатическому компромиссу с Исламом Каримовым. 2010. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/58099> (дата обращения 15.02.2021)
 23. Хуррамов Х.Х. Политический аспект водно-энергетических проблем в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2015:4:100-108.
 24. Таджикистан: Рогун слегка продвинулся, но не хватает денег. 2019. URL: <https://clck.ru/TxRyV> (дата обращения:22.02.2021)
 25. Элкеева К. Как Бишкек и Ташкент будут строить ГЭС? 2017. URL: <https://rus.azattyk.org/a/28721985.html> (дата обращения: 22.02.2021)
 26. Совместное заявление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева и Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона об укреплении дружбы и добрососедства. 10.03.2018 г. URL: <https://www.gov.uz/ru/news/view/15249> (дата обращения: 01.03.2021)
 27. Zhiltsov S.S., Zhiltsova M.S., Medvedev N.P., Slizovskiy D.Y. Water Resources of Central Asia: Historical Overview. The *Handbook of Environmental Chemistry*. 2018;85:9-24

REFERENCES:

1. Dukhovny V., Sokolov V., Ziganshina Z. Integrated water resources management in Central Asia: The challenges of managing large transboundary rivers. Stockholm; GWP; 2014. p. 60. URL: <https://clck.ru/Vx9t9> [Accessed: 10.01.2021]
2. Laruelle M. The Over-Securitization of Water Issues in Central Asia/Women and Water in Central Asia and South Asia. 2015 г. URL: <https://www.caa-network.org/archives/6905> [Accessed: 5.01.2021](In Russ.)
3. Karajanov Z. There is a desire in the countries of Central Asia to solve the water problem, but there are no ready-made recipes. 2018. URL: <http://www.ritmeurasia.org/news--2018-10-12--u-stran-centralnoj-azii-est-zhelanie-reshit-vodnuju-problemu-no-net-gotovyh-receptov-38991> [Accessed: 10.01.2021] (In Russ.)
4. Zhiltsov S.S., Bimenova A. Central Asian politics regarding water use of transboundary rivers. *Central Asia and the Caucasus*. 2015;18:90-100.
5. Statement of heads of water economy organizations of Central Asian Republics and Kazakhstan adopted on 10-12 October 1991. Interstate Commission for Water Coordination of Central Asia. URL: <http://www.icwc-aral.uz/statute2.htm> [Accessed: 2.01.2021]
6. Agreement between the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan on Cooperation in the Field of Joint Management on Utilization and Protection of Water Resources from Interstate Sources adopted on 18 February 1992. Interstate Commission for Water Coordination of Central Asia. URL: <http://www.icwc-aral.uz/statute1.htm> [Accessed: 2.01.2021]
7. Nukus Declaration of the Central Asian countries and international organizations on issues of sustainable development of the Aral Sea Basin adopted on 5 September 1995. URL: <http://mkur.uznature.uz/rus/nukusdeklaraciya.html> [Accessed: 15.01.2021] (In Russ.)

8. Boyarkina O.A. Problems and prospects for the settlement of international conflicts in the field of water use in the Central Asian region: dissertation of the candidate of political sciences. Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow 2015. P.68.
9. Agreement between the Government of the Republic of Kazakhstan, the Government of the Kyrgyz Republic and the Government of the Republic of Uzbekistan on the Use of Water and Energy Resources of the Syrdarya River Basin adopted on March 3 1998. URL: <http://www.cawater-info.net/library/rus/gov1.pdf> [Accessed: 10.01.2021] (In Russ.)
10. Kyrgyzstan and Kazakhstan agreed to exchange electricity//Sputnik Kyrgyzstan. 2020. URL: <https://sptnkne.ws/C6Cx> [Accessed: 12.01.2021] (In Russ.)
11. Ormysheva T.A. Kukeyeva F.T. Central Asian states cooperation to solve the issue of transboundary rivers: analysis of the main agreements. *International Relations and International Law Journal*. 2016;73(1):65-69.
12. UNESCO, UN-Water, 2020: United Nations World Water Development Report 2020: Water and Climate Change, Paris, UNESCO. 22 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000372985.locale=en> [Accessed: 20.01.21]
13. German Advisory Council on Global Change. Schubert R., Schellnhuber H.J., Buchmann N. Climate change as a security risk. UK and USA: Earthscan; 2008. 271 p.
14. Ergashev B., Avliyokulov B. Urbanization in Central Asia: Challenges, Issues and Prospects. Tashkent: Center for Economic Research; 2013. 64p. URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/Urbanization-in-CA-ENG.pdf> [Accessed: 02.02.2021]
15. Waslekar S. Water is more than a strategic resource. We need to acknowledge that 2017. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/water-water-everywhere-so-why-dont-we-pay-it-more-attention/> [Accessed: 08.02.2021]
16. «On interstate water use by Uzbekistan, Kazakhstan and Tajikistan of water resources of Kyrgyzstan» Resolution of the Assembly of Peoples Representatives of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic dated June 26, 1997 №. 650-1. The website of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. URL: <https://clck.ru/Vwg7r> [Accessed: 20.01.21] (In Russ.)
17. «On interstate use of water objects, water resources and water management constructions of the Kyrgyz Republic» Law of the Kyrgyz Republic dated July 23, 2001 № 76. The website of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/483> [Accessed: 20.01.21] (In Russ.)
18. Iskanderova A. Will the Central Asian region face an ecological catastrophe? Institute for Central Asian Studies — 2019.URL: <https://central-asia.institute/vodnyj-prognoz-czentralnoj-azii-chetyre-sczenariya-razvitiya-sobytij/> [Accessed: 4.02.2021] (In Russ.)
19. An article by the President of the Republic of Tajikistan in the UN Chronicle magazine «Water for Sustainable Development». Ministry of foreign affairs of the Republic of Tajikistan - 2018. URL: <https://clck.ru/TxMit> [Accessed: 10.02.2021] (In Russ.)
20. Scientific-Information Center ICWC. 2018 YEAR BOOK “WATER IN CENTRAL ASIA AND THE WORLD” Tashkent: SIC ICWC; 2019. 326 c. URL: https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/yearbook2018_ru.pdf [Accessed: 10.02.2021] (In Russ.)
21. Sokov K. Is Central Asia threatened by a war for water? 2015. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2015-10-23--grozit-li-srednej-azii-vojna-za-vodu-20210> [Accessed: 15.03.2021] (In Russ.)
22. Joanna Lillis. Uzbekistan: Nursultan Nazarbayev reached a diplomatic compromise with Islam Karimov. 2010. URL: <https://russian.eura>

- sianet.org/node/58099 [Accessed: 15.02.2021] (In Russ.)
23. Khurramov Kh.Kh. The political aspect of water and energy problems in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2015;4:100-108.
24. Tajikistan: Rogun slightly advanced, but not enough money. 2019. URL: <https://clck.ru/Tx-RyV> [Accessed: 22.02.2021] (In Russ.)
25. Elkeeva K. How will Bishkek and Tashkent build hydroelectric power plant? 2017. URL: <https://rus.azattyk.org/a/28721985.html> [Accessed: 22.02.2021] (In Russ.)
26. Joint statement of the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev and the President of the Republic of Tajikistan Emomali Rahmon on strengthening friendship and neighborliness. URL: <https://www.gov.uz/ru/news/view/15249> [Accessed: 1.03.2021] (In Russ.)
27. Zhiltsov S.S., Zhiltsova M.S., Medvedev N.P., Slizovskiy D.Y. Water Resources of Central Asia: Historical Overview. *The Handbook of Environmental Chemistry*. 2018;85:9-24

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гулбара Ч. Акунова, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
akunovag17@gmail.com

Gulbara Ch. Akunova, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
akunovag17@gmail.com

Политика администрации Трампа по сдерживанию Китая в области технологий

Шаолу Чжан

*Шаньдунский университет, Циндао, Китай,
chimchimy1013@163.com*

Аннотация: В статье исследуется политика администрации Трампа по сдерживанию Китая в области технологий. Особое внимание уделяется содержанию этой политики, ее причинам и влиянию на китайско-американские отношения. После вступления в должность Трамп стал рассматривать Китай в качестве конкурента США в глобальной научно-технологической сфере. Администрация Трампа пыталась воспрепятствовать свободному обмену технологиями с Китаем. Политика сдерживания, проводимая США, ослабила стратегическое взаимное доверие между Китаем и США и усилила напряженность в китайско-американских отношениях. Несмотря на предпринятые усилия, США не смогли оказать влияние на технологическое развитие Китая. В статье делается вывод, что Китай по-прежнему проводит активную политику в сфере технологий, чтобы ослабить негативные последствия политики сдерживания США.

Ключевые слова: Китай, США, политика сдерживания, китайско-американские отношения, технологии

Для цитирования: Чжан Ш. Политика администрации Трампа по сдерживанию Китая в области технологий. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(2):242-255. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-242-255>

Статья поступила: 23.01.2021

Принята в печать: 19.03.2021

Опубликована: 25.06.2021

The Trump Administration's Policy to Contain China in The Field of Technology

Shaolu Zhang

*Shandong University, Qingdao, China,
chimchimy1013@163.com*

Abstract: The article examines the Trump administration's policy to contain China in the field of technology. Particular attention is paid to the content of this policy, its reasons and impact

on Sino-US relations. Since taking office, Trump has begun to regard China as a competitor of USA in the global science and technology field. The Trump administration has tried to prevent free technological exchanges with China. The United States' containment policy has weakened the strategic mutual trust between China and the United States and has aggravated the tension in Sino-US relations. Despite the efforts of the United States, it failed to influence China's technological development. The conclusion of the article is that China continues to pursue an active technology policy to mitigate the negative impact of the US containment policy.

Keywords: China, USA, containment policy, Sino-US relations, technology

For citation: Zhang Sh. The Trump administration's policy to contain China in the field of technology. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(2):242-255. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-242-255>

Received: 23.01.2021

Revised: 19.03.2021

Published: 25.06.2021

ВВЕДЕНИЕ

После вступления в должность Трамп проводил политику, направленную на сдерживание технологического развития Китая. В центре внимания американской администрации была борьба за право устанавливать международные правила в сфере технических стандартов. В последние годы технологический разрыв между Китаем и США имел тенденцию к сокращению. Китай превзошел США по уровню развития отдельных технологических областей.

МЕРЫ США ПО СДЕРЖИВАНИЮ КИТАЯ В ОБЛАСТИ ТЕХНОЛОГИЙ

Научно-технические отношения между Китаем и США являются важной частью китайско-американских отношений. Именно конкуренция в области разработки и внедрения инноваций и современных передовых технологий стала одной из главных и наиболее чувствительных для США и Китая. Администрация Трампа тесно увязывала свою политику в отношении Китая в области технологий с политикой в области торговли. Для этого была разработана

стратегия сдерживания Китая. Основное содержание политики Трампа в области науки и технологий в отношении Китая заключалась в сдерживании китайских высокотехнологических предприятий, замедлении развития высоких технологий в Китае и ограничении технологического обмена между двумя странами. Суть политики США по сдерживанию Китая в области науки и технологий — технологический протекционизм со стороны США. Для этого американская сторона использовала следующие подходы:

США противодействуют доступу КНР к новым технологиям. Для этого они вводили санкции против китайских компаний, ужесточали меры в области экспорта технологий в КНР. 15 мая 2019 года Министерство торговли США внесло китайскую компанию Huawei и 70 связанных с ней фирм в особый список, попадание в который запрещает Huawei закупать у американских производителей компоненты и технологии без одобрения сделок американскими властями [1]. Уже 14 августа вступил в силу

запрет на закупку американскими ведомствами (министерство обороны, Управление служб общего назначения и НАСА) продуктов и услуг корпораций Huawei и ZTE. Под запрет попали также корпорации Hytera Communications Corporation, Hangzhou Hikvision Digital Technology Company и Dahua Technology Company, а также связанные с ними подразделения [2].

Во-вторых, администрация Трампа усилила систему экспортного контроля. Были введены ограничения на многие китайские компании, действующие в области информационных технологий. США активно применяли положения Раздела 201 Закона¹ «О торговле от 1974 г.» [3] и Раздела 301 Закона² «О торговле от 1974 г.» [4]. Эти законы позволяли начинать расследования против Китая и принимать меры в области налогообложения в отношении импортируемых фотоэлектрических продуктов [5] и в области интеллектуальной собственности [6].

Администрация Трампа совершенствовала систему экспортного контроля и использовала запреты на продажу технологий и товаров с высокой добавленной стоимостью в Китай. 13 августа 2018 года Трамп подписал Закон о финансировании министерства обороны страны на 2019 финансовый год (National Defense Authorization Act of 2019) [7]. «Закон о реформе экспортного контроля» (Export Control Reform Act, ECRA) [8] как часть этого закона от-

ражал экспортный контроль США в области новых технологий и базовых технологий. США добавили несколько китайских высокотехнологичных предприятий и научно-исследовательских институтов в «чёрный список» (Entity List) экспортного контроля, тем самым ограничив экспорт важных сырьевых материалов, оборудования и программного обеспечения. Был нанесен ущерб китайским высокотехнологичным предприятиям и парализована деятельность ряда предприятий. В мае 2020 года министерство торговли сообщило, что внесло в «чёрный список» 33 китайские компании и организации, которые, по мнению американских властей, имеют отношение к ущемлению прав мусульманского населения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР или угрожают безопасности США [9].

В-третьих, США ограничили возможности для слияния китайских компаний с американскими. В докладе Министерства обороны США о стратегии передачи технологий Китая (China's Technology Transfer Strategy) содержится требование к правительству с осторожностью относиться к инвестициям Китая в технологии в США. Объясняется это угрозой передачи американских технологий в Китай [10]. В 2018 году Соединенные Штаты обновили Закон «О модернизации системы оценки рисков иностранных инвестиций» (The Foreign

¹ Разд. 201 (19 U.S.C. §2251 (1990)) предусматривает предоставление временной защиты американскому предприятию, чтобы оно могло приспособиться к условиям усилившейся конкуренции от импорта, проводимого по честным правилам. Действие этого законодательного акта распространяется на ввозимые товары в целом, в том числе на товары, ввозимые на основе встречной торговли

² Разд. 301 (19 U.S.C. §2411 (1990)) имеет своей целью облегчить доступ американской продукции на зарубежные рынки. Он направлен против таких законодательных актов и практических действий зарубежных стран, которые либо нарушают соглашения и имеют своей целью лишить Соединенные Штаты прав или преимуществ, которые они должны иметь по условиям торговых соглашений, либо направлены на введение ничем не оправданных, несправедливых или дискриминационных действий по ограничению торговли США. Разд. 301 наделяет торгового представителя США правом (а в некоторых случаях обязывает) принимать ответные меры против тех стран, которые прибегают к использованию нечестных методов в торговой практике. Существует возможность того, что это положение может быть применено и против практического использования методов встречной торговли, санкционируемого правительствами зарубежных стран.

Investment Risk Review Modernization Act of 2018–FIRRMA) [11], чтобы реформировать систему проверки инвестиций Комитета по иностранным инвестициям (Committee on Foreign Investment in the United States, CFIUS). Документ расширил сферу деятельности Комитета по иностранным инвестициям. Он предусматривал, что обо всех инвестициях, связанных с «критическими технологиями» и «критической инфраструктурой», необходимо сообщать Комитету по иностранным инвестициям [12]. Примером ограничения китайских компаний стал срыв сделки по приобретению Китаем компаний Canyon Bridge и Fairchild [13].

В целом администрация Трампа расширила санкции против китайских компаний, усилила экспортный контроль США и ограничила инвестиции и слияния китайских компаний в США в качестве своих основных мер, чтобы повлиять на работу китайских высокотехнологичных предприятий и помешать развитию Китая в сфере высоких технологий.

ПОДАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ НОВЫХ СЕТЕЙ 5G В КИТАЕ

Технология 5G стала одним из важных элементов стратегического соперничества между Китаем и США. Коммуникационные технологии связаны с экономическим развитием и играют чрезвычайно важную роль в укреплении общей национальной мощи. Конкуренция развернулась за право устанавливать международные правила в отношении стандартов коммуникационных технологий. По некоторым прогнозам, применение стандарта новых сетей 5G принесёт мировой экономике к 2034 году около 565 млрд долл. [14].

Китай добился значительного прогресса в разработке стандартов новых сетей 5G. Среди законодательных стандартов новых сетей 5G, принятых во всем мире, в Китае

уже есть 21 [15]. Также Huawei — мировой лидер в создании сверхскоростных сетей 5G, который опередил своих конкурентов, включая американские компании. На начало 2019 года корпорация Huawei зарегистрировала 1529 патентов, связанных с разработкой и внедрением технологии новых сетей 5G [14]. Qualcomm (американская компания по исследованию и развитию коммуникационных технологий) имела 787 патентов [16]. Технические преимущества новых сетей 5G корпорации Huawei делают ее главной целью сдерживания со стороны США.

Для сдерживания развития 5G Китая США приняли следующие основные меры. Во-первых, администрация Трампа запрещала продажу основных компонентов корпорации Huawei. В мае 2019 года Д. Трамп подписал указ, запрещающий американским фирмам и организациям использовать информационные и коммуникационные технологии иностранных компаний, которые могут представлять собой риски для национальной безопасности США. В соответствии с этим документом американские лидеры телекоммуникационной индустрии Google и Apple, а также другие производители чипов лишились возможности продавать китайской компании свою продукцию и технологические разработки. При этом Huawei было запрещено вести дела с фирмами США без получения соответствующих лицензий. Американским компаниям, взаимодействующим с Huawei без данных документов, грозили судебные преследования и крупные штрафы.

Во-вторых, администрация Трампа пыталась сформировать альянс, который должен был противостоять китайским продуктам новых сетей 5G. США использовали свою систему альянсов и механизм международного сотрудничества, требуя от других стран присоединиться

к сдерживанию Китая в области науки и технологий. С одной стороны, США использовали разведывательное сотрудничество Альянса «Пять глаз» для оказания давления на государства-члены, с тем чтобы они запретили Huawei участвовать в строительстве сетей 5G в своих странах. Когда Великобритания, Франция и Германия первоначально решили разрешить Huawei в ограниченном объеме участвовать в строительстве новых сетей 5G, США усилили лоббирование своих интересов в этих странах. США вынудили своих союзников изменить свое отношение на основании сокращения обмена разведанными и военной защиты [17]. С другой стороны, США пытались включить Австралию, Индию и Южную Корею в G7, чтобы сформировать группу из десяти государств (G10) для сдерживания и блокады Huawei [18]. Администрация Трампа убеждала своих союзников запретить использование продуктов Huawei и неоднократно критиковала сети 5G на том основании, что они могут угрожать их национальной безопасности. По инициативе США многие страны, включая Великобританию, Германию, запретили продажу мобильных телефонов Huawei или использование продуктов Huawei при закупке государственного оборудования [19].

В-третьих, администрация Трампа потребовала от Канады арестовать Мэн Ваньчжоу [20] (финансовый директор компании Huawei, дочь основателя и президента компании Жэнь Чжэнфэя), чтобы ограничить развитие новых сетей 5G Китая. Правительство США рассчитывало добиться ее экстрадиции из Канады на основе обвинений в нарушении санкций США против Ирана и участия в незаконных деловых операциях.

В целом администрация Трампа ставила целью подавить высокотехнологичные

предприятия Китая и уменьшить долю Huawei на мировом рынке, чтобы не дать Китаю стать мировым лидером в области новых сетей 5G и ограничить статус Китая в глобальной производственной цепочке.

ОГРАНИЧЕНИЯ НА ОБМЕН ЭКСПЕРТАМИ И СТУДЕНТАМИ МЕЖДУ ДВУМЯ СТРАНАМИ

Администрация Трампа использовала визы как «оружие» в соперничестве между Китаем и США, не позволяя китайским ученым приезжать в Соединенные Штаты для обмена научными и технологическими достижениями. Позиция США заключалась в том, что Китай может достичь военной модернизации и экономического развития за счет использования инновационной системы, включая первоклассные университеты [21]. В то же время США настаивали на том, что китайские студенты могут украсть американские права на интеллектуальную собственность и участвовать в шпионской деятельности. На этом основании они ужесточили выдачу виз китайским студентам [22]. Согласно Стратегии национальной безопасности США 2018 года (2018 National Security Strategy of the United States of America), «Мы рассмотрим ограничение иностранных студентов STEM (естествознание, технология, инженерия и математика) из указанных стран, чтобы гарантировать, что права интеллектуальной собственности не будут переданы нашим конкурентам» [23]. Китайские аспиранты и исследователи из университетов, связанных с Народно-освободительной армией Китая, также стали объектами внимания США [24].

Таким образом, США использовали различные средства для сдерживания китайских высокотехнологичных компаний, препятствуя развитию сети 5G Китая

и ограничивая обмен научно-техническим персоналом. Действуя такими методами, США рассчитывали заставить Китай скорректировать свою политику в области высоких технологий.

ПРИЧИНЫ ПОЛИТИКИ США ПО СДЕРЖИВАНИЮ КИТАЯ В ОБЛАСТИ ТЕХНОЛОГИЙ

Политика сдерживания администрации Трампа в отношении Китая в области науки и технологий является результатом сочетания внутренних и международных факторов. Сдерживание Китая стало итогом «политического консенсуса» между двумя партиями в США.

Победу Трампа на выборах обеспечила его стратегия «Америка прежде всего». Это дало ему широкую поддержку в США [25]. В то же время «ястребы», отстаивающие жесткую политику в отношении Китая, доминировали в институтах власти. Они призывали правительство США сдерживать Китай [26].

В области военной безопасности, американские военные рассматривали искусственный интеллект, как ключ к новому витку военной трансформации. Американские военные не хотели, чтобы Китай приобретал технологии, способные сократить военный разрыв с США. В феврале 2019 года Министерство обороны США опубликовало «Стратегию искусственного интеллекта» [27], в которой говорилось, что Китай и Россия увеличивают инвестиции в искусственный интеллект в военной области. Эти инвестиции могут подорвать технологическое превосходство США и международный порядок, который они возглавляют. Эта озабоченность побудила американские военные рассматривать прогресс Китая в области передовых технологий как угрозу. С другой стороны, тема «российского вмешательства в выбо-

ры в США» заставила Вашингтон осознать важность безопасности данных. Позиция США заключалась в том, что другие крупные конкуренты США могли подорвать их информационную безопасность с помощью высоких технологий. Американские военные и спецслужбы настаивали на том, что необходимо рассматривать китайские предприятия и научно-исследовательские учреждения, которые, по их мнению, обладают «военным потенциалом» и «передовыми технологиями», как ключевыми объектами подавления и разорвать их научные и технологические связи с США.

После «холодной войны» центр научных и технологических инноваций США переместился из военного в частный сектор. Масштабы частных инвестиций в науку и технологии стали намного выше, чем у военных, и большая часть передовых и ключевых технологий была освоена американскими компаниями и научно-исследовательскими учреждениями.

Китай обогнал США в области новых сетей 5G, что вызвало озабоченность в США. С одной стороны, наличие патентов, связанных со стандартами в области связи, означало, что огромная прибыль могла быть получена от продажи оборудования и программного обеспечения. С другой стороны, США очень внимательно следили за лидирующими позициями Китая в области мобильной широкополосной связи 5G. Это было связано не столько с так называемой угрозой подслушивания со стороны Китая. Причина состояла в том, что передовая технология квантовой криптографии Китая сделала невозможным электронное подслушивание США [28]. Такая перспектива не устраивает Вашингтон, который резко выступил против участия Huawei в создании сетей 5G не только в США, но и в других странах. Таким образом, американская сторона рассчитывала сохранить свое ли-

дерство в слезке за коммуникациями среди своих союзников.

Трамп пытался убедить своих союзников в том, что технология новых сетей 5G Huawei может быть использована Китаем для шпионской деятельности. Фактически, США являлись реальным «контролером» глобальной гегемонии. Кроме того, США никогда не ослабляли своего разведывательного наблюдения за своими союзниками [29]. Позиция Вашингтона заключалась в том, что развитие высоких технологий в Китае поставило под угрозу лидирующее положение США.

Усиление роли Китая в мировой политике и его стабильный экономический рост рассматривались американской политической элитой как стратегический вызов [30]. Китай стремительно двигался к лидирующим позициям в экономическом, технологическом и инновационном пространстве [31]. КНР в последние годы уделяла большое внимание развитию передовых технологий. Государственная программа КНР «Сделано в Китае 2025» [32] ориентирована на достижение мирового лидерства по 10 категориям стратегических технологий, включая искусственный интеллект, полупроводники, робототехнику, автономные транспортные средства и биотехнологии. Особенно значительный прогресс был достигнут в развитии новых сетей 5G в Китае. Позиция США заключалась в том, что при этом главную опасность видят в том, что создаваемая китайцами инфраструктура 5G-интернета будет неподконтрольна США, что может привести к утрате ими роли лидера в области информационных технологий.

В официальном документе «Сделано в Китае 2025» [32] говорится, что приверженность Китая технологическим инновациям обусловлена тем, что «в Китае постоянно усиливаются нехватка ресурсов и окружающей среды, стоимость произ-

водственных факторов, таких как рабочая сила, растет, а рост инвестиций и экспорта значительно замедляется. Модель экстенсивного развития, основанную на вводе ресурсов и расширении масштабов, трудно поддерживать, поэтому необходимы срочные структурные изменения, трансформация и модернизация». США видят слабость китайской экономики в переходный период и его стремление продвинуться вверх по цепочке добавленной стоимости высокого уровня. Некоторые меры, изложенные в «Стратегии национальной безопасности США 2017», такие как «защита интеллектуальной собственности», «ужесточение визовых процедур» и другие меры были направлены на сдерживание китайской стороны.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ США В ОБЛАСТИ ТЕХНОЛОГИЙ НА ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

Политика сдерживания США в отношении Китая в области науки и технологий сильно повлияла на развитие научно-технического сотрудничества между сторонами. Под влиянием политики сдерживания США Китай потеряет часть поставок высокотехнологичной продукции и основных компонентов, включая программное и аппаратное обеспечение, в то время как американские компании потеряли рынок и сборочные мощности Китая.

Обрабатывающая промышленность Китая достигла значительного прогресса. Однако она по-прежнему сталкивается с дилеммой слабых независимых инновационных возможностей и высокой внешней зависимости от ключевых базовых технологий и высокотехнологичного оборудования [32]. В период 2017–2019 годов Китай в основном импортировал высокотехнологичную продукцию, такую как авиационная продукция и детали, полупроводники и компоненты из США [33]. Политика США

по сдерживанию Китая, которая постоянно укреплялась с 2018 года, постепенно отключила некоторые ключевые китайские производственные компании и исследовательские учреждения от глобальной цепочки высокотехнологичных отраслей.

Политика Соединенных Штатов по сдерживанию Китая в области науки и технологий напрямую привела к сокращению торговли и инвестиций между Китаем и США. В 2019 году объем импорта и экспорта товаров США с Китаем снизился примерно на 77 миллиардов долларов США по сравнению с 2017 годом [34]. Значительно снизились инвестиции Китая в США, особенно общие инвестиции в науку и технологии. После падения на 79 % в годовом исчислении инвестиций Китая в американские технологии в 2018 году инвестиции Китая в технологические компании США достигли рекордно низкого уровня в первом квартале 2020 года. Было завершено всего 11 сделок с участием технологических компаний США на сумму 400 миллионов долларов США, что меньше, чем за тот же период прошлого года. 1,8 млрд долларов США [35].

БУДУЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ СДЕРЖИВАНИЯ США

В долгосрочной перспективе США не откажутся от ограничений и подавления Китая в области науки и технологий. В США вызывает беспокойство подъем Китая в области высоких технологий. В тоже время политика сдерживания США имеет ограничения.

В долгосрочной перспективе технологический протекционизм может задержать технологический процесс НИОКР в Китае. При этом для сохранения технологической гегемонии США необходимо увеличить инвестиции в технологические исследования и разработки, создать новые технологиче-

ские компании и привлечь иностранные инвестиции и высокотехнологичные таланты. Однако в 2017 году расходы федерального правительства США на НИОКР едва превысили 0,7 % ВВП, что является самым низким показателем за 40 лет [36]. Это резко контрастирует с увеличением инвестиций Китая в научные исследования.

В технологической конкуренции США больше всего беспокоит то, что Китай превосходит их в ключевых передовых технологиях, таких как 5G, искусственный интеллект и квантовые вычисления, с инвестиционным преимуществом в виде национального капитала. Политика сдерживания не изменила структуру инвестиций в инновационную область США, в которой преобладают частные инвестиции.

Основным институциональным преимуществом Китая в области науки и технологий является стратегическая роль правительства в инвестициях, на рынке и в технологических приложениях. Хотя политика сдерживания может оказать негативное влияние на некоторые китайские предприятия и технологические отрасли в краткосрочной перспективе, она не может помешать Китаю использовать внутренний рынок и экономическую поддержку для продолжения поддержки их развития. В долгосрочной перспективе политика сдерживания вместо этого подтолкнула к реализации стратегии импортозамещения в технологической отрасли Китая, которая поможет китайской технологической отрасли снизить издержки рыночной конкуренции [37].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стратегия администрации Трампа по сдерживанию Китая в области науки и технологий в основном включала санкции в отношении китайских технологических компаний, инвестиционный контроль, экспортный контроль и ограничения на обмен

научно-техническим персоналом. Правительство США пыталось заставить Китай отказаться от своей устоявшейся высоко-технологической промышленной политики.

Политика США по сдерживанию Китая в области науки и технологий создает для Китая как проблемы, так и возможности. Политика сдерживания США не только нанесет ущерб технологической отрасли Китая, но и побудит китайские компании увеличить свои инвестиции в научные исследования и стремиться к расширению своих технологических возможностей. В краткосрочной перспективе Китаю трудно полностью превзойти США в технологическом развитии. Однако Китай начал догонять США в некоторых ключевых стратегических технологиях и даже превзошел их.

Будущее технологической войны между Китаем и США будет зависеть от следующих аспектов. Во-первых, способность

Китая и США поддерживать стабильное внутреннее экономическое развитие и обеспечивать благоприятные условия для технологического развития в контексте новой коронной эпидемии. Во-вторых, политический выбор Китая и США в отношении научных и технологических инноваций и эффективность моделей НИОКР, то есть кто может лучше способствовать преобразованию результатов научных и технологических инноваций в экономические выгоды. В-третьих, способность Китая и США предоставлять более экономичные технологические продукты и услуги.

Формирование китайско-американских отношений, которые способствуют прагматическому сотрудничеству и конструктивной конкуренции, эффективно управляют рисками и предотвращают крупные конфликты, по-прежнему является основным направлением дипломатии Китая.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Власти США запретили Huawei закупать компоненты у американских компаний без специального разрешения. 2019. 16 мая. URL: https://www.newsru.com/hitech/16may2019/huawei_usa.html (дата обращения: 04.10.2020)
2. В США вступит в силу запрет на госзакупки оборудования Huawei и ZTE. 2019. 13 августа. URL: <https://www.interfax.ru/business/672512> (дата обращения: 04.10.2020)
3. TRADE ACT OF 1974. URL: <https://www.agriculture.senate.gov/imo/media/doc/93-618.pdf> (дата обращения: 04.10.2020).
4. TRADE ACT OF 1974. URL: <https://www.agriculture.senate.gov/imo/media/doc/93-618.pdf> (дата обращения: 04.10.2020).
5. The White House. Presidential Proclamation to Facilitate Positive Adjustment to Competition from Imports of Certain Crystalline Silicon Photovoltaic Cells. 2018. January 23. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-proclamation-facilitate-positive-adjustment-competition-imports-certain-crystalline-silicon-photovoltaic-cells/> (дата обращения: 04.10.2020)
6. Office of the U.S. Trade Representative Executive Office of the President. Findings of the Investigation into China's Acts, Policies, and Practices Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation under Section 301 of the Trade Act of 1974. 2018. March 22. URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/Section%20301%20FINAL.PDF> (дата обращения: 04.10.2020)
7. Оборонный бюджет США. История и статистика. 2019. 21 декабря. URL: <https://tass.ru/info/7395907> (дата обращения: 04.10.2020)
8. United States: Export Control Reform Act (ECRA). November 2019. URL: <https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/>

- [BRI/2019/644187/EPRS_BRI\(2019\)644187_EN.pdf](https://www.eprs.com/BRI/2019/644187/EPRS_BRI(2019)644187_EN.pdf) (дата обращения: 04.10.2020)
9. США добавили в торговый «черный список» более 30 китайских организаций. 2020. 23 мая. URL: <https://www.interfax.ru/business/709954> (дата обращения: 4.10.2020)
 10. Brown M., Singh P. China's Technology Transfer Strategy: How Chinese Investments in Emerging Technology Enable A Strategic Competitor to Access the Crown Jewels of U.S. Innovation. January 2018. URL: [https://www.govexec.com/media/diux/chinatechnologytransferstudy_jan_2018_\(1\).pdf](https://www.govexec.com/media/diux/chinatechnologytransferstudy_jan_2018_(1).pdf) (дата обращения: 05.10.2020)
 11. The Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2018. 2018. August 13. URL: https://home.treasury.gov/sites/default/files/2018-08/The-Foreign-Investment-Risk-Review-Modernization-Act-of-2018-FIRRMA_0.pdf (дата обращения: 05.10.2020)
 12. Foreign Investment Risk Review Modernization Act (FIRRMA) 2018. July 3. URL: https://www.everycrsreport.com/files/20180703_IN10924_ed2b0dab57415940570e4476591ed5cef67ad2df.pdf (дата обращения: 05.10.2020)
 13. 滕涛, 徐雪峰: 《美国对中国企业在美并购安全审查的现状、趋势以及应对之策——兼论美国投资安全审查机制的新进展》, 载《对外经贸实务》2019年第9期, 第41-44页。(Тэн Тао, Сюй Сюэфэн. Текущая ситуация, тенденции и контрмеры проверки безопасности слияний и поглощений китайских предприятий в США — еще одно обсуждение новых изменений в механизме проверки безопасности инвестиций в США. *Внешнеэкономическая и торговая практика*. 2019;9:41-44)
 14. Гамза Л.А. Технологическое противостояние США и Китая в АТР. *Россия и АТР*. 2020;3:110-133
 15. 赵俊杰, 杨静, 朱梦卓: 《从国际评价看中美科技创新力量对比》, 载《全球科技经济瞭望》2019年第4期, 第54-63页。(Чжао Цзюньцзе, Ян Цзин, Чжу Мэнцжо. Противопоставление научно-технических инновационных сил США и Китая в свете международных оценок. *Глобальные технологии и экономические перспективы*. 2019;4:54-63)
 16. 阎学通: 《美国遏制华为反映的国际竞争趋势》, 载《国际政治科学》2019年第2期, 第30页。(Янь Сюэтун. Международные конкурентные тенденции отражаются в ограничениях США в отношении Huawei. *Международная политология*. 2019;2:30)
 17. Seely B., Varnish P., Hemmings J. Defending our data: Huawei, 5G and the Five Eyes. Asia Studies Centre. Henry Jackson Society. May, 2019. 75 p.
 18. Andrew Tillet. Expanded G7 likely to Tackle Huawei's 5G Dominance. 2020. June 1. URL: <https://www.afr.com/politics/federal/expanded-g7-likely-to-tackle-huawei-s-5g-dominance-20200601-p54ybv> (дата обращения: 18.10.2020)
 19. 袁永, 王子丹: 《特朗普政府有关科技创新政策研究》, 载《科学管理研究》2018年第4期, 第97-100页。(Юань Юн, Ван Цзыдань. Исследование политики администрации Трампа в отношении НТИ. *Научные исследования в области управления*. 2018;4:97-100)
 20. Ответит за Иран: в Америке арестовали директора Huawei. 2018. 12 июня. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2018/12/06/12084979/cfo_arrested_shtml (дата обращения: 18.10.2020)
 21. The White House. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-1.pdf> (дата обращения: 18.10.2020)
 22. Meirong Fu. Can China's Brain Drain to the United States Be Reversed in the Trump Era?: Trends in the Movements of American — Trained Chinese STEM Talent and Its Implications. *The Global Studies Journal*. 2018;10(4):39-56
 23. The White House. National Security Strategy of the United States of America. 2017.

- December 18. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-1.pdf> (дата обращения: 18.10.2020)
24. Белый дом. Постановление о приостановке въезда в качестве неиммигрантов некоторых студентов и исследователей из Китайской Народной Республики. 2020. 29 мая. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/proclamation-suspension-entry-nonimmigrants-certain-students-researchers-peoples-republic-china/> (дата обращения: 18.10.2020)
25. Gottfried J., Barthel M., Mitchell A. Trump, Clinton Voters Divided in Their Main Source for Election News. 2017. January 18. URL: <https://www.journalism.org/2017/01/18/trump-clinton-voters-divided-in-their-main-source-for-election-news/> (дата обращения: 18.10.2020)
26. Stay the Course on China: An Open Letter to President Trump. 2019. July 18. URL: <https://www.jpolorisk.com/stay-the-course-on-china-an-open-letter-to-president-trump/> (дата обращения: 18.10.2020)
27. Summary of the 2018 Department of Defense Artificial Intelligence Strategy. 2019. February 12. URL: <https://media.defense.gov/2019/Feb/12/2002088963/-1/-1/1/SUMMARY-OF-DOD-AI-STRATEGY.PDF> (дата обращения: 18.10.2020)
28. СМИ Гонконга раскрывают истинную причину, по которой разведывательное сообщество США подавляет развитие 5G Китая 2019. 11 июля. URL: <http://column.cankaoxiaoxi.com/2019/0711/2385139.shtml> (дата обращения: 18.10.2020)
29. Parker E. Hack Job: How America Invented Cyberwar. *Foreign Affairs*. 2017;96(3):134
30. Давыдова Ю.А., Кокоулина О.П., Денисенкова Н.Н. Внешняя политика США в начале XXI века: отношения с Китаем. *История и политические науки*. 2019;2:95
31. Борисенко А.В. США и Китай: борьба за лидерство. *Южно-российский политологический конвент*. 2019;4:221
32. Центральное народное правительство КНР. Уведомление Государственного совета выпуске «Сделано в Китае 2025». 2015. 19 мая. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm (дата обращения: 18.10.2020)
33. The US — China Business Council. 2018 State Export Report. April 2018. URL: https://www.uschina.org/sites/default/files/final_uscbc_state_report_2018.pdf (дата обращения: 18.10.2020); The US — China Business Council. 2019 State Export Report. July 2019. URL: https://www.uschina.org/sites/default/files/2019_state_export_report_0.pdf [Accessed: 18.10.2020] The US — China Business Council. 2020 State Export Report. April 2020. URL: https://www.uschina.org/sites/default/files/2020_state_export_report_full_report_1.pdf (дата обращения: 18.10.2020)
34. Statista.Total Value of U.S. Trade in Goods (Export and Import) with China from 2009 to 2019. URL: <https://www.statista.com/statistics/277679/total-value-of-us-trade-in-goods-with-china-since-2006/> (дата обращения: 18.10.2020)
35. GP Bullhound. Asia Insights: Q1 Wrap-up from One of the First Markets to Reopen. May 2020. URL: https://docsend.com/view/55r4qmv6s5wnf3h5?_hstc=45195259.e8a0637788eea69c98775887e720acab.1625191258283.1625191258283.1625191258283.1&_hssc=45195259.1.1625191258284&_hsfp=1818698307&submissionGuid=105c543b-b152-4f01-863c-ef61f9ae8b21 (дата обращения: 18.10.2020)
36. American Association for the Advancement of Science. Federal R&D as a Percent of GDP, 1976-2020. URL: <https://www.aaas.org/programs/r-d-budget-and-policy/>

[historical-trends-federal-rd](#) (дата обращения: 18.10.2020)

37. Harry G. Broadman. Forced U.S.-China Decoupling Poses Large Risks. 2019.

September 30. URL: <https://www.forbes.com/sites/harrybroadman/2019/09/30/forced-u-s-china-decoupling-poses-large-risks/> (дата обращения: 5.11.2020)

REFERENCES:

1. The US government has banned Huawei from purchasing components from US companies without special permission. May 16, 2019. URL: https://www.newsru.com/hitech/16may2019/huawei_usa.html [Accessed: 04.10.2020] (In Russ.)
2. In the United States, a ban on government purchases of Huawei and ZTE equipment will come into force. August 13, 2019. URL: <https://www.interfax.ru/business/672512> [Accessed: 04.10.2020] (In Russ.)
3. TRADE ACT OF 1974. URL: <https://www.agriculture.senate.gov/imo/media/doc/93-618.pdf> [Accessed: 04.10.2020].
4. TRADE ACT OF 1974. URL: <https://www.agriculture.senate.gov/imo/media/doc/93-618.pdf> [Accessed: 04.10.2020].
5. The White House. Presidential Proclamation to Facilitate Positive Adjustment to Competition from Imports of Certain Crystalline Silicon Photovoltaic Cells. 2018. January 23. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-proclamation-facilitate-positive-adjustment-competition-imports-certain-crystalline-silicon-photovoltaic-cells/> [Accessed: 04.10.2020]
6. Office of the U.S. Trade Representative Executive Office of the President. Findings of the Investigation into China's Acts, Policies, and Practices Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation under Section 301 of the Trade Act of 1974. 2018. March 22. URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/Section%20301%20FINAL.PDF> [Accessed: 04.10.2020]
7. U.S. Defense Budget. History and Statistics. December 21, 2019. URL: <https://tass.ru/info/7395907> [Accessed: 04.10.2020] (In Russ.)
8. United States: Export Control Reform Act (ECRA). November 2019. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/644187/EPRS_BRI\(2019\)644187_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/644187/EPRS_BRI(2019)644187_EN.pdf) [Accessed: 04.10.2020]
9. The United States has added more than 30 Chinese organizations to the trade blacklist. 2020. 23 May. URL: <https://www.interfax.ru/business/709954> [Accessed: 04.10.2020]
10. Brown M., Singh P. China's Technology Transfer Strategy: How Chinese Investments in Emerging Technology Enable A Strategic Competitor to Access the Crown Jewels of U.S. Innovation. January 2018. URL: [https://www.govexec.com/media/diux_chinatechnologytransferstudy_jan_2018_\(1\).pdf](https://www.govexec.com/media/diux_chinatechnologytransferstudy_jan_2018_(1).pdf) [Accessed: 05.10.2020]
11. The Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2018. 2018. August 13. URL: https://home.treasury.gov/sites/default/files/2018-08/The-Foreign-Investment-Risk-Review-Modernization-Act-of-2018-FIRRMA_0.pdf [Accessed: 05.10.2020]
12. Foreign Investment Risk Review Modernization Act (FIRRMA) 2018. July 3. URL: https://www.everycrsreport.com/files/20180703_IN10924_ed2b0dab57415940570e4476591ed-5cef67ad2df.pdf [Accessed: 05.10.2020]
13. 滕涛, 徐雪峰: 《美国对中国企业在美并购安全审查的现状、趋势以及应对之策——兼论美国投资安全审查机制的新进展》, 载《对外经贸实务》2019年第9期, 第41-44页。(Teng Tao, Xu Xuefeng. The current situation, trend and countermeasures of American M & A security review of Chinese enterprises

- in the United States — and on the new development of American investment security review mechanism. *Foreign Economic and Trade practice*. 2019;9:41-44)
14. Gamza L.A. Technological confrontation between the United States and China in the Asia Pacific Region. *Russia and Asia-Pacific*. 2020;3:110-133 (In Russ.)
 15. 赵俊杰, 杨静, 朱梦卓: 《从国际评价看中美科技创新力量对比》, 载《全球科技经济瞭望》2019年第4期, 第54-63页。(Zhao Junjie, Yang Jing, Zhu Mengzhuo. A Comparison of the Power of Science and Technology Innovation in the United States from International Evaluation. *Global Science and Technology Economic Outlook*. 2019;4:54-63)
 16. 阎学通: 《美国遏制华为反映的国际竞争趋势》, 载《国际政治科学》2019年第2期, 第30页。(Yan Xuetong. International Competition Trends in American Containment Huawei. *International Political Science*. 2019;2:30)
 17. Seely B, Varnish P, Hemmings J. Defending our data: Huawei, 5G and the Five Eyes. Asia Studies Centre. Henry Jackson Society. May, 2019. 75 p.
 18. Andrew Tillet. Expanded G7 likely to Tackle Huawei's 5G Dominance. 2020. June 1. URL: <https://www.afr.com/politics/federal/expanded-g7-likely-to-tackle-huawei-s-5g-dominance-20200601-p54yby> [Accessed: 18.10.2020]
 19. 袁永, 王子丹: 《特朗普政府有关科技创新政策研究》, 载《科学管理研究》2018年第4期, 第97-100页。Yuan Yong, Wang Zidan. Research on the Trump Administration's Policy on Science, Technology and Innovation. *Scientific Management Research*. 2018;4:97-100
 20. Deterring Iran: Huawei director arrested in America. June 12, 2018. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2018/12/06/12084979/cfo_arrested.shtml [Accessed: 18.10.2020] (In Russ.)
 21. The White House. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-1.pdf> [Accessed: 18.10.2020]
 22. Meirong Fu. Can China's Brain Drain to the United States Be Reversed in the Trump Era?: Trends in the Movements of American — Trained Chinese STEM Talent and Its Implications. *The Global Studies Journal*. 2018;10(4):39-56
 23. The White House. National Security Strategy of the United States of America. 2017. December 18. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-1.pdf> [Accessed: 18.10.2020]
 24. The White House. Proclamation on the Suspension of Entry as Nonimmigrants of Certain Students and Researchers from the People's Republic of China. 2020. May 29. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/proclamation-suspension-entry-nonimmigrants-certain-students-researchers-peoples-republic-china/> [Accessed: 18.10.2020]
 25. Jeffrey Gottfried, Michael Barthel, Amy Mitchell. Trump, Clinton Voters Divided in Their Main Source for Election News. 2017. January 18. URL: <https://www.journalism.org/2017/01/18/trump-clinton-voters-divided-in-their-main-source-for-election-news/> [Accessed: 18.10.2020]
 26. Stay the Course on China: An Open Letter to President Trump. 2019. July 18. URL: <https://www.jpolorisk.com/stay-the-course-on-china-an-open-letter-to-president-trump/> [Accessed: 18.10.2020]
 27. Summary of the 2018 Department of Defense Artificial Intelligence Strategy. 2019. February 12. URL: <https://media.defense.gov/2019/Feb/12/2002088963/-1/-1/1/SUMMARY-OF-DOD-AI-STRATEGY.PDF> [Accessed: 18.10.2020]
 28. 港媒揭秘美国情报界抵制中国5G的真实原因. 2019.07.11. URL: <http://column.cankao.com>

- xiaoxi.com/2019/0711/2385139.shtml (Hong Kong media reveal the real reason why the US intelligence community suppresses China's 5G development. July 11, 2019. URL: <http://column.cankaoxiaoxi.com/2019/0711/2385139.shtml> [Accessed: 18.10.2020])
29. Parker E. Hack Job: How America Invented Cyberwar. *Foreign Affairs*. 2017;96(3):134
30. A. A. Davydova, O. P. Kokoulina, N. N. Denisenkova. U.S. Foreign Policy at the Beginning of the 21st Century: Relations with China. *History and Political Science*. 2019;2:95. (In Russ.)
31. Borisenko A.V. The United States and China: the Struggle for Leadership. *The Southern Russian Political Science Convention*. 2019;4:221. (In Russ.)
32. 中华人民共和国中央人民政府. 《国务院关于印发〈中国制造 2025〉的通知》. 2015.05.19. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm (The Central People's Government of the People's Republic of China. Notice of the State Council on Issuing "Made in China 2025". 2015. May 19. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm. [Accessed: 18.10.2020])
33. The US — China Business Council. 2018 State Export Report. April 2018. URL: https://www.uschina.org/sites/default/files/final_uscbc_state_report_2018.pdf [Accessed: 18.10.2020] The US — China Business Council. 2019 State Export Report. July 2019. URL: https://www.uschina.org/sites/default/files/2019_state_export_report_0.pdf [Accessed: 18.10.2020] The US — China Business Council. 2020 State Export Report. April 2020. URL: https://www.uschina.org/sites/default/files/2020_state_export_report_full_report_1.pdf [Accessed: 18.10.2020]
34. Statista. Total Value of U.S. Trade in Goods (Export and Import) with China from 2009 to 2019. URL: <https://www.statista.com/statistics/277679/total-value-of-us-trade-in-goods-with-china-since-2006/> [Accessed: 18.10.2020]
35. GP Bullhound. Asia Insights: Q1 Wrap—up from One of the First Markets to Reopen. May 2020. URL: https://docsend.com/view/55r4qmv6s5wnf3h5?_hstc=45195259.e8a0637788eea69c98775887e720acab.1625191258283.1625191258283.1625191258283.1&_hssc=45195259.1.1625191258284&_hsfp=1818698307&submissionGuid=105c543b-b152-4f01-863c-ef61f9ae8b21 [Accessed: 18.10.2020]
36. American Association for the Advancement of Science. Federal R&D as a Percent of GDP, 1976-2020. URL: <https://www.aaas.org/programs/r-d-budget-and-policy/historical-trends-federal-rd> [Accessed: 02.11.2020]
37. Harry G. Broadman. Forced U.S.-China Decoupling Poses Large Risks. 2019. September 30. URL: <https://www.forbes.com/sites/harrybroadman/2019/09/30/forced-u-s-china-decoupling-poses-large-risks/> [Accessed: 05.11.2020]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шаолу Чжан, Магистр политических наук, Шаньдунский университет, Циндао, Китай; 266237, Китай, Провинция Шаньдун, Циндао, ул. Биньхай, д. 72; chimchimy1013@163.com

Shaolu Zhang, Master of Political Science, Shandong University, Qingdao, China; bld. 72, Binhai st., Qingdao, Shandong Province, 266237, China; chimchimy1013@163.com

Основные движущие силы энергетического перехода и проблемы его достижения

Алексей М. Мастепанов

Института проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия,

amastepanov@mail.ru

Аннотация. Коронавирусная пандемия не только привела к экономическому спаду во всём мире и оказала самое непосредственное влияние на состояние энергетических рынков, но и ускорила те глобальные перемены, которые годами и десятилетиями накапливались в обществе, послужила катализатором глобальных трансформаций, в том числе и энергетического перехода. В статье рассмотрена роль коронавирусной пандемии в ускорении энергоперехода, показаны основные его составляющие, проанализированы движущие силы этого процесса и основные бенефициары его реализации. В целях ответа на вопрос, насколько достижим энергопереход в объявленные сроки, проведены расчёты потребности человечества в первичной энергии в 2050 г. исходя из необходимости значительного сокращения разрыва в душевом энергопотреблении населения развитых и развивающихся стран, сделан анализ основных проблем энергетического перехода.

Ключевые слова: коронавирусная пандемия, энергетический переход, технологии, инновации, инвестиции, энергетическая бедность, энергопотребление, ВИЭ, энергоэффективность

Для цитирования: Мастепанов А.М. Основные движущие силы энергетического перехода и проблемы его достижения. *Проблемы постсоветского пространства.* 2021;8(2):256-276. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-256-276>

Статья поступила: 25.04.2021

Принята в печать: 26.05.2021

Опубликована: 25.06.2021

The Main Driving Forces of The Energy Transition And The Problems of Achieving It

Alexey M. Mastepanov

Oil and Gas Research Institute of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

amastepanov@mail.ru

Abstract: The coronavirus pandemic not only led to an economic downturn around the world and had a very direct impact on the state of energy markets, but also accelerated the global changes that had accumulated in society for years and decades, and served as a catalyst for global transformations, including the energy transition. The article examines the role of the coronavirus pandemic in accelerating the energy transition, shows its main components, analyzes the driving forces of this process and the main beneficiaries of its implementation. In order to answer the question of whether the energy transition is achievable within the announced time frame, the calculations of the human demand for primary energy in 2050 are carried out. Based on the need to significantly reduce the gap in per capita energy consumption of the population of developed and developing countries, the analysis of the main problems of the energy transition is made.

Keywords: coronavirus pandemic, energy transition, technologies, innovations, investments, energy poverty, energy consumption, renewable energy, energy efficiency

For citation: Mastepanov A.M. The main driving forces of the energy transition and the problems of achieving it. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(2):256-276. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-256-276>

Received: 25.04.2021

Revised: 26.05.2021

Published: 25.06.2021

КОРОНАВИРУСНАЯ ПАНДЕМИЯ КАК КАТАЛИЗАТОР ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Прошедший год для всего человечества прошёл под флагом коронавирусной пандемии, сопровождаемой экономическим спадом и обвалом цен на нефть и другие энергоносители, получившей, в результате этого, неофициальное название — коронакризис или пандемический кризис, поскольку пандемия коронавируса — это не только здоровье и жизнь населения планеты. В сложившихся условиях пандемия «оказала самое непосредственное влияние на состояние глобальных энергетических рынков, энергетическую устойчивость и безопасность, и даже на отношение к проблеме глобального изменения климата» [1, с.8]. Именно с ней ассоциируется и развертывание мирового финансового кризиса. Как отмечено в совместном заявлении Министра иностранных дел России С. Лаврова

и Министра иностранных дел КНР Ван И, «Продолжающаяся пандемия коронавирусной инфекции послужила катализатором изменений в мироустройстве и спровоцировала дальнейшую разбалансировку системы глобального управления. Под ударом оказались процессы экономического развития, возникают многочисленные новые вызовы и угрозы. Мир вступил в период высокой турбулентности и быстрых перемен» [2].

Беспрецедентная пандемия коронавируса уже погубила более трёх миллионов человек (по состоянию на 20 апреля 2021 года — 3029815 чел. [3]), привела, по оценкам ООН, к сокращению мировой экономики в 2020 году на 4,3%. Это более чем в два с половиной раза превышает спад, который наблюдался в результате мирового финансового кризиса 2009 года [4]. Разрушительные социально-экономические

последствия пандемии COVID-19 будут ощущаться ещё долгие годы. «Глубина и тяжесть нынешнего беспрецедентного кризиса предвещают медленное и болезненное восстановление», — заявил главный экономист Организации Объединенных Наций и помощник Генерального секретаря по вопросам экономического развития Эллиотт Харрис [5].

С другой стороны, журнал Forbes 6 апреля 2021 года опубликовал ежегодный рейтинг богатейших людей мира. «Год пандемии и кризиса оказался для миллиардеров весьма успешным. Их совокупное состояние выросло больше чем на 60% и установило новый рекорд, и в списке Forbes стало вчетверо больше людей с состоянием свыше 100 млрд долл.» [6].

«Масштабные и своевременные меры стимулирования в размере 12,7 триллиона долларов США предотвратили полный крах мировой экономики и позволили избежать Великой депрессии» [5]. Однако, как подчеркивается в докладе ООН «Мировое экономическое положение и перспективы», опубликованном 25 января 2021 года, «большое неравенство в размерах пакетов стимулирующих мер, проводимых развитыми и развивающимися странами, направит их по различным траекториям восстановления» [5]. Так, «стимулирующие расходы на душу населения в развитых странах почти в 580 раз превышают расходы наименее развитых стран (НРС), хотя средний доход на душу населения в развитых странах лишь в 30 раз выше, чем в НРС» [5].

Коронавирусная пандемия обострила и сделала максимально чёткими и пугающими те процессы, которые накапливались не только в мировой экономике и энергетике, но и во многих других сферах жизнедеятельности общества в последние десятилетия, ускорила те глобальные перемены,

которые ожидают человечество во всех измерениях его жизни. «Коронавирусный кризис — словно лупа, через неё видны все болевые точки общества» — образно высказалась Директор благотворительной организации Volkshilfe Таня Весели [7].

Специалисты осознали надвигающиеся глобальные изменения как в мировой экономике и энергетике, так и особенно в международных отношениях и геополитике, задолго до пандемии, ещё на рубеже столетий, и стали «открыто говорить о том, что мир ожидает глобальные энергетические трансформации, смена не только технологических, но и цивилизационных укладов» [8, 9, 10, 11]. Причём, как мы уже писали, «процесс подобных трансформаций специалистами виделся достаточно продолжительным, скорее эволюционным, чем революционным, вполне укладывающимся в постулаты теории больших экономических циклов (длинных волн) Н. Кондратьева или концепции системных циклов накопления капитала Дж. Арриги. Однако за последние полтора года ситуация в мире резко изменилась: «на мировое общество и глобальную экономику опустилась стая черных лебедей» — привходящих, объективно необязательных и поэтому трудно прогнозируемых во времени и пространстве событий и факторов» [1]. Важнейшим из них как раз и стал коронакризис, который сделал настоящим то, что ещё недавно казалось отдалённым будущим.

В наших исследованиях, как и в работах других специалистов, на протяжении многих лет отмечалось, что мир стоит на пороге системного кризиса, охватывающего как саму экономику и энергетику, так и политику, стоит на пороге смены базовых парадигм своего развития и глобальных энергетических изменений, включая международные отношения (см., напр., [1, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и др.]).

Делался вывод и о том, что современная мировая энергетика находится «на изломе», то есть в состоянии, характеризующимся необходимостью решения таких проблем, которые означают серьезные качественные сдвиги в её развитии [8, 9, 10, 11]. Понимание этих проблем, понимание тех экономических потрясений, которые ждут человечество, а также анализ причин этих потрясений, неоднократно обсуждались и на различных конференциях, саммитах и форумах. В последние 3-5 лет о них стали говорить и на ежегодных встречах Всемирного экономического форума в Давосе.

Выявились и многочисленные кризисы, которые на нас надвигаются, и через которые необходимо пройти. В их числе специалисты называют следующие:

- кризис существующей модели капитализма, то есть либеральной экономической системы, который исчерпал свой ресурс;
- кризис мирового управления экономикой;
- интеллектуальный кризис;
- военно-политический кризис и кризис безопасности;
- цивилизационный кризис.

Сюда же следует отнести стремительный рост загрязнения окружающей среды и уничтожения биоразнообразия, а в обществе — большой разрыв имущественного неравенства. На эти процессы большое влияние оказал коронавирусный кризис. Причём, как отметил философ и политолог С.Е. Кургиян, эти кризисы сопровождаются самой настоящей экономической и информационной войной [14].

В последнее десятилетие проблематика глобальных изменений в энергетике получила новое звучание (рис. 1). Причин тому несколько. Это и переломом в энергетической философии — философии угрозы нехватки энергии, которая довлекла

над человечеством более полувека со времён Римского клуба с осознанием того, что энергетический дефицит человечеству больше не грозит, что на него надвигается глобальный профицит энергоресурсов. Это и широкое распространение концепции «энергетического перехода», вызванное озабоченностью климатическими проблемами [12, 13, 15, 16, 17]. Это и нарастающая практика введения США и их союзниками различных экономических санкций. Причём, все эти изменения происходили и происходят в условиях высокой неопределённости их дальнейшего развития, что затрудняет не только принятие соответствующих превентивных мер, но даже само понимание этих процессов.

Анализ всех этих процессов и явлений позволяет сделать вывод, что воплощением идущих и грядущих трансформаций в глобальной энергетике как раз и является энергопереход, подразумевающий, в целях устойчивого развития и предотвращения негативных изменений климата нашей планеты, переход общества к экологически «чистой» энергетике (и экономике в целом).

КОНЦЕПЦИЯ ЭНЕРГОПЕРЕХОДА

Энергопереход как понятие на начальном этапе относился исключительно к энергетике. Однако «мировая энергетика, как важнейшая составная часть глобальной экономики, «развивается под воздействием самых различных факторов, большинство из которых взаимозависимо и взаимообусловлено. Особая роль в этом процессе принадлежит базовым, фундаментальным факторам, имеющим долгосрочное влияние» [18] (подробнее об этом см. [13]). Именно с этим связаны и основные факторы неопределённости в развитии производства и потребления энергетических ресурсов. Эти факторы, в сочетании с усилением влияния политических и геополитических

Новое звучание проблематики глобальных изменений в энергетике

Рис. 1. Основные причины и составные части нового звучания проблематики глобальных изменений в энергетике

факторов, в последнее время выходят на первый план, оттесняя такие фундаментальные факторы развития энергетики, как спрос-предложение, ценовой, технико-технологический, ресурсная обеспеченность и др. [18]. «В эпоху бурного развития глобальных сетей, потоков и глобализации в целом, в условиях научно-технического и технологического прогресса, особенно информационных технологий, на развитие мировой энергетики всё большее и большее влияние оказывают процессы и явления, лежащие далеко за её пределами» [18]. Изменения в каждой из этих сфер в условиях усиления мировой политической турбулентности находят свои отражения и в развитии энергетики.

«Концепция энергоперехода (Energy Transition или энергетическая трансформация — Global Energy Transformation) родилась и получила широкое распространение под воздействием глобального потепления. Причины данного явления даже специалистам пока ещё не совсем понятны, но последствия представляются весьма угрожающими самому существованию всей человеческой цивилизации. Так, по оценке Межправительственной группы экспертов по изменению климата — МГЭИК (Intergovernmental Panel on Climate Change, IPCC), сделанной в 2018 году, если глобальное потепление продолжится в нынешнем темпе, повышение температуры на 1,5 °C выше доиндустриаль-

ного уровня может произойти уже в 2030 году, вызвав катастрофическую засуху, наводнения и нищету» [19]. Именно в целях недопущения такого развития «необходим переход к более инклюзивной, устойчивой, доступной и безопасной энергетической системе, которая решает глобальные проблемы при одновременном обеспечении потребителей всеми необходимыми им видами энергии» [22], к экологически чистой энергетике (и экономике в целом) в целях устойчивого развития и предотвращения негативных изменений климата нашей планеты. При этом, как подчёркивается в исследованиях Всемирного экономического форума (ВЭФ), этот переход должен состояться без нарушения баланса «энергетического треугольника»: безопасность и доступ; экологическая устойчивость; экономическое развитие и рост [20,22].

Соответственно, экологическая составляющая становится движущей силой развития энергетической политики в большинстве стран. И направлена эта составляющая на решение проблемы изменения климата путем перехода к малоуглеродной и безуглеродной энергетике, поскольку считается, что потребление и производство энергии обеспечивают около двух третей глобальных выбросов парниковых газов [21].

Как было показано в [22 и 23, с.10-11], в настоящее время «в международных научно-аналитических и экспертных кругах рассматривается целый ряд различных концепций, постулатов, сценариев и дорожных карт, направленных на обеспечение такого перехода в глобальном масштабе. Наиболее известны из них следующие:

- постулаты Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA) «Преобразование глобальной

энергетической системы: дорожная карта до 2050 г.» (Global energy transformation: A roadmap to 2050) — издания 2018 и 2019 гг. В 2020 г. к ним добавилась работа Energy transformation 2050;

- инициатива Всемирного экономического форума по содействию эффективному энергетическому переходу (World Economic Forum Fostering Effective Energy Transition initiative);
- концепция энергетического перехода международного сертификационного и классификационного общества DNV GL¹;
- сценарии устойчивого развития и Net Zero Emissions by 2050 МЭА и др.

И там было отмечено, что «общим для всех этих исследований является то, что энергетический переход трактуется как комплекс инновационных мероприятий в ходе индустриальной трансформации всего общества; как процесс, определяющий средне- и долгосрочную эволюцию энергетических систем на базе значительного расширения применения ВИЭ и соответствующего сокращения использования ископаемого топлива, прежде всего угля и нефти, при одновременном существенном росте эффективности использования энергоресурсов/энергии по всей цепочке от производства до конечного потребления» [22, с. 6; 23, с. 11].

Высший приоритет — он и цель, и задача энергетического перехода — декарбонизация (decarbonization) энергетики. Под этим термином идеологи энергоперехода подразумевают резкое сокращение эмиссии CO² и стабилизацию глобальных выбросов парниковых газов, прежде всего — того же диоксида углерода, в целях предотвращения негативных изменений климата нашей

¹ Руководство DNV GL, в соответствии с решением принятым после пересмотра своей стратегии, постановило с 1 марта 2021 года сократить прежнее название компании до DNV.

планеты. «Другими декларируемыми приоритетами перехода к экологически чистой энергетике по замыслу идеологов этой концепции являются полное удовлетворение будущего спроса на энергию, обеспечение всеобщего доступа к надёжной и «чистой» электроэнергии и др.» [23].

Высший приоритет обеспечивается достигнутыми успехами и результатами научно-технического прогресса, как в сфере производства энергии, так и в сферах её преобразования, транспорта и использования. В первом случае — это солнечная энергетика, особенно фотовольтаика, масштабное использование энергии ветра и первые успехи в области создания накопителей энергии. Во втором — это развитие электрических транспортных средств и рост энергоэффективности. В обоих случаях — цифровизация производственных процессов и другие достижения 4-й промышленной революции (подробнее см., напр. [22, 23]). В период до 2040–2050 гг. в число важнейших технологий, которые обеспечат энергетический переход, войдут, кроме технологий накопления и хранения энергии, технологии водородной энергетики, внедрения цифровых и интеллектуальных систем в электроэнергетике, технологии улавливания, утилизации и хранения углерода (CCUS) и др. [24].

Важнейшими направлениями развития энергоперехода (они же одновременно и его цели) являются [23]:

- рост энергоэффективности и связанные с ним замедление темпов роста энергопотребления и снижение общего энергопотребления в мире;
- резкое сокращение потребления ископаемых видов топлива;
- рост использования возобновляемой энергии.

Эти направления, как показали проведенные нами исследования по этой теме,

одновременно являются и важнейшими направлениями обеспечения энергетической безопасности. Поэтому эти две категории — энергетическая безопасность и энергетический переход, являясь основными целями энергетической политики и основными движущими силами энергетических трансформаций, всё чаще и чаще рассматриваются и анализируются как единое целое [25] (подробнее см. [18]).

Коронавирусная пандемия придала энергетическому переходу новое звучание в двух измерениях. Во-первых, в результате снижения энергопотребления снизилась и эмиссия двуокиси углерода. Как отмечается в последнем докладе Программы ООН по окружающей среде (UNEP), опубликованном в декабре 2020 года, меры по сдерживанию пандемии COVID-19 привели к значительному сокращению глобальных выбросов ПГ в 2020 году [26]. В этом докладе подчёркивается, что кратковременное сокращение выбросов двуокиси углерода, вызванных пандемией COVID-19, не будет иметь существенного значения для долгосрочного изменения климата. Во-вторых, за последний год резко выросло число стран, принявших так называемые чистые нулевые обязательства. В их число теперь входят Китай, США, ЕС, Япония, Республика Корея, Великобритания и ряд других стран. Так, Китай собирается достичь нулевого уровня выбросов углерода к 2060 году, а Япония и Европейский союз заявили о том, что они достигнут углеродно-нейтрального состояния к 2050 году. В мае 2021 года Международное энергетическое агентство представило специальный доклад «Чистый ноль к 2050 г.: Дорожная карта для глобального энергетического сектора» («The World's Roadmap to Net Zero by 2050»), в котором предложена базовая программа перехода к новой энергетической системе, предполагающей полную декарбонизацию мировой экономики [27].

Лидерами и драйверами энергетического перехода выступают экономически развитые государства, хотя его идеологию, как было показано нами на примере Индии, поддерживают и разделяют также ведущие развивающиеся экономики. Развивающимся странам — потребителям энергоресурсов, особенно самым бедным, необходим доступ к относительно дешевой энергии для обеспечения экономического роста, сокращения отставания от развитых экономик для ликвидации энергетической бедности [17].

«В этих условиях во многих развивающихся странах на первый план выходят, при всей их важности, не проблемы глобального изменения климата, а проблемы экономического роста и преодоления (ликвидации) энергетической бедности. Поэтому поддержка полного отказа от углеродосодержащих энергоресурсов в угоду политическим амбициям, а энергетический переход в настоящее время, прежде всего, политическая цель, означает для большинства развивающихся стран дополнительные трудности в решении наиболее сложных для них проблем. Дефицит или высокая стоимость энергоресурсов может перечеркнуть для них перспективы экономического роста и достижения хотя бы минимального уровня благосостояния населения» [17, с.76].

Важность подобного подхода признается, как было отмечено выше, и в исследованиях Всемирного экономического форума, в которых подчеркивается, «что энергетический переход должен состояться без нарушения баланса “энергетического треугольника”: безопасность и доступ; экологическая устойчивость; экономическое развитие и рост» [20].

Для энергоперехода характерна высокая степень неопределенности развития всех составных частей этого процесса, влекущая за собой невозможность предсказать единственно рациональный путь дости-

жения поставленных целей. Эта неопределённость, касающаяся будущего спроса на энергоресурсы, возможностей его покрытия, роли новых технологий, потенциальных мер, которые могут быть приняты обществом для устранения рисков, связанных с изменением климата, включая возможности инвестиций, признаётся большинством специалистов, в том числе и МЭА. «Никакой из этих возможных путей заранее не предопределён — возможны все варианты», отмечают эксперты МЭА [28].

Хорошей иллюстрацией неопределённости с достижением цели недопущения глобального потепления свыше 1,5–2,0 °C, как уже отмечалось [23], являются результаты моделирования энергетики с акцентом на сценарии климатической политики, проведенного международным коллективом учёных в рамках деятельности Energy Modeling Forum, в частности — комплексного многомодельного исследования “The EMF27 Study on Global Technology and Climate Policy Strategies” [29]. Energy Modeling Forum (EMF) является международным форумом экспертов и специалистов в области моделирования для обмена мнениями, обсуждения и изучения важнейших энергетических и экологических проблем. EMF был создан в Стэнфорде в 1976 году для объединения ведущих экспертов и лиц, принимающих решения от правительства, промышленности, университетов и других научно-исследовательских организаций. Деятельность EMF осуществляется путём создания специальных рабочих групп для проведения исследований по тем или иным проблемам, анализа и сравнения результатов каждой модели и обсуждения ключевых выводов. С конца 1990-х гг. EMF вносит свой вклад в исследования экономики, связанные с изменением климата, о чем свидетельствуют доклады Межправительственной группы экспертов по изме-

нению климата (МГЭИК), и в более общем плане — в моделирование комплексных оценок экологии и энергетики. Подробнее см. [30, 31].

В рамках упомянутого многомодельного исследования “The EMF27 Study on Global Technology and Climate Policy Strategies” было проанализировано множество энерго-экономических моделей для оценки возможных технологий и политик, связанных с различными целями стабилизации климата, глобальная эмиссия CO² которых лежит на уровне 2100 года в диапазоне от 120 до -20 млрд т [29, 32], что свидетельствует, в том числе, о большой неопределённости развития энергоперехода.

В научном сообществе была проделана значительная работа по изучению потенциальных путей достижения глобальной цели энергоперехода — декарбонизации энергетики. Однако вопросов по-прежнему остается больше, чем ответов.

КТО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ЗАИНТЕРЕСОВАН В ПРОЦЕССАХ ЭНЕРГОПЕРЕХОДА И ДОСТИЖЕНИЯ УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ, КАКИЕ ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ПОДНИМАЮТ ЭТИ ВОПРОСЫ

В отечественной, и тем более в западной литературе преобладает один ответ на эти вопросы — общественность, озабоченная изменением климата. Однако такая постановка вопроса вызывает сомнения. Внимательный анализ СМИ, информации из социальных сетей и небольшого количества соответствующих социологических исследований показывает, что эти проблемы в первую очередь волнуют «наиболее прогрессивную» часть общества — представителей науки, творческой и технической интеллигенции, госслужащих, менеджмент экологически ориентированных компаний и корпораций. Парадокс заключается в том, что именно эта часть общества по своему

социальному положению относится к наиболее обеспеченному слою населения, находится ближе всего к так называемой «элите» — наиболее богатой его части. А последняя как раз и является основным потребителем энергии как непосредственно на энергетические нужды (отопление и кондиционирование больших роскошных домов и больших квартир, энергообеспечение большого числа различных бытовых приборов и гаджетов, поездки на личных автомобилях, частые авиапутешествия и др.), так и косвенно — через потребление дорогих и эксклюзивных товаров и услуг.

Далеко не каждый из тех, кто призывает к отказу от использования углеводородной энергии, задумывается над тем, что он сам и/или его окружение много потребляют такой энергии. Возможно, даже на порядок больше, чем среднестатистический житель его страны. Соответственно, карбоновый след каждого из таких потребителей гораздо больше не только чем у десятков, а то и сотен тысяч потребителей в бедных странах, пользующихся керосиновыми лампами для освещения и примусами или кострами для приготовления пищи, но и тысяч обычных потребителей в развитых экономиках, использующих бензиновые или дизельные автомобили, газовое, а то и угольное, отопление своих жилищ.

Этот вывод подтверждается и данными доклада Программы ООН по окружающей среде, согласно которым объём выбросов, обусловленных образом жизни наиболее обеспеченных людей, составляющих всего 1% населения мира, более чем в два раза превышает суммарную долю выбросов наименее обеспеченной половины населения всей планеты [26].

В этом же докладе делается вывод, что достижение цели удержания глобального потепления в соответствии с Парижским соглашением, то есть в пределах 1,5 °С,

потребуется сокращения к 2030 году объёма выбросов, связанных с потребительским образом жизни, до уровня порядка 2–2,5 т CO² эквивалента на душу населения. Другими словами, наиболее обеспеченным жителям планеты, которых всего 1% от общего населения мира, необходимо будет снизить уровень своих текущих выбросов, по крайней мере, раз в 30 раз. В этом случае можно было бы несколько продвинуться и в решении проблемы бедности, поскольку такое снижение даёт возможность увеличить в среднем примерно в три раза по сравнению с существующим уровнем подушевые выбросы наименее обеспеченных слоев, составляющих половину населения мира [26].

Проблему неравенства, в том числе энергетического, многие специалисты считают одной из самых опасных для дальнейшего развития цивилизации. На одном полюсе этой проблемы, согласно докладу «Экономика для 99% населения» международной благотворительной организацией Oxfam, опубликованному в январе 2017 года, находятся 8 самых богатых людей в мире, капитал которых равен состоянию беднейших 50% населения Земли. По данным Oxfam, совокупное мировое богатство в 2017 году оценивалось примерно в 255 трлн долл., и более половины этой суммы находилось в руках 1% населения планеты [33]. Этому одному проценту принадлежало и 82% прироста богатства, появившегося в 2017 году [33]. Аналогичные данные приводятся и в докладе «Миллиардеры 2018 года — Billionaires Report-2018», подготовленном экспертами UBS и PwC: суммарный капитал 2158 миллиардеров из 43 стран мира в 2017 году составил 8,9 трлн долл. [34].

Схожая ситуация в такой сфере деятельности, как майнинг криптовалют. Потребление электроэнергии для добычи бит-

коинов по оценке американских учёных из Университета Нью-Мексико, уже больше, чем её потребляют целые страны — например, Ирландия [35].

На другом «полюсе» в 2017–2018 годах находился почти миллиард человек, которые не имели доступа к электроэнергии, а 2,5 млрд готовили еду на открытом огне. Согласно последним данным международной организации Устойчивая энергетика для всех (SEforALL), которая работает в партнёрстве с ООН по достижению Седьмой Цели устойчивого развития², в 2019 году 759 млн человек во всем мире по-прежнему не имели доступа к электричеству. В том же году около 2,6 миллиарда человек, что составляет треть населения мира, были не в состоянии готовить пищу чисто и безопасно [36].

По оценкам Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, в 2020 году из-за коронавирусной пандемии число людей, живущих в условиях крайней бедности, увеличится примерно на 115 миллионов [37]. По оценкам МЭА, число людей, не имеющих доступа к электричеству, в результате коронакризиса выросло примерно на 2%. К 2030 году не будут иметь доступа к электроэнергии более 660 млн чел., что примерно на 35 миллионов больше, чем прогнозировалось ранее [28].

Таким образом, в то время как жители «золотого миллиарда» озабочены если и не самим уровнем энергопотребления, то его структурой, сотни миллионов людей волнуют совсем другие проблемы, связанные с продовольствием и обогревом жилища в холодный период. Это позволяет сделать вывод, что основная движущая сила энергоперехода — бизнес и деньги. Рынок возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в последние годы измеряется

² SDG7 — доступ к доступной, надёжной, устойчивой и современной энергии для всех к 2030 году.

сотнями миллиардов долларов. По оценкам МЭА объём ежегодных инвестиций в возобновляемую энергетику в мире в последние предшествующие пандемии годы составлял от 300 до 350 млрд долл. В период же до 2030 г. ожидается их рост ещё в 2–2,5 раза [28].

Свою оценку дали эксперты агентства Bloomberg. По их расчётам, глобальные инвестиции, направленные в «зеленые» технологии и декарбонизацию в 2020 году, достигли рекордного уровня в 501 млрд долларов, превзойдя результат 2019 года на 9%. Из них на проекты в возобновляемой энергетике в 2020 году потрачено более 300 млрд долларов. Кроме того, порядка 140 млрд составили инвестиции в разработку и производство электромобилей [38].

В целом для реализации сценария энергетического перехода, то есть на создание условий для достижения цели по нулевым выбросам, только в ближайшие 10 лет потребуется не менее 28 триллионов долларов в качестве инвестиций. Оценка стоимости варианта полного отказа от ископаемого топлива к середине века варьирует от 50 трлн долл. в работах МЭА до 90 трлн в исследованиях Международного агентства по возобновляемой энергетике.

РЕАЛЬНОСТЬ ДОСТИЖЕНИЯ ЭНЕРГОПЕРЕХОДА В ОБЪЯВЛЕННЫЕ СРОКИ

Не касаясь всех аспектов и проблем энергетического перехода — это задача большого специального исследования, а не краткой статьи — следует разобраться лишь с одним вопросом — насколько энергетический переход достижим, реален в объявленные сроки и реально ли этого достичь. Для ответа на этот вопрос следует исследовать динамику и оценку общей численности населения на планете к середине XXI века.

Наиболее обоснованные прогнозные оценки такого рода сделал Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. В августе 2019 года по оценкам этой организации общая численность населения планеты по среднему варианту прогноза в середине 2030 года составит 8548 млн чел., а в 2050 году — уже 9123 млн чел. [39]. Из них: 1315 млн будет проживать в странах с развитой экономикой (в первом приближении — в странах ОЭСР), а остальные 8420 млн чел. — в странах с переходной и развивающейся экономикой. По мере экономического роста и улучшения жизни людей в странах вне ОЭСР произойдет рост потребления энергии. Результаты этого расчёта представлены на графике 1.

Если исходить из того, что в странах ОЭСР душевое энергопотребление за счёт мер по повышению энергоэффективности к 2050 году не вырастет, а в остальном мире будет находиться на среднемировом уровне последних лет, то глобальное потребление первичной энергии в мире к 2050 году вырастет почти в полтора раза, превысив 21,2 млрд т н.э. Если душевое энергопотребление в развивающемся мире к 2050 году достигнет современного уровня в странах ОЭСР, то понадобится уже почти 37,6 млрд т н.э., то есть глобальное потребление первичной энергии в мире к 2050 году вырастет в 2,63 раза. Даже в случае, если развитых экономиках душевое энергопотребление к 2050 году снизится вдвое, общее энергопотребление превысит 18,5 млрд т н.э. Обеспечить подобный рост возобновляемая энергетика не сможет.

Кроме того, по высокому варианту прогноза ООН общая численность населения будет в 2050 году на 1,5 млрд больше, достигнув 10 680 млн чел. В этом случае решить проблему энергетического перехода будет ещё сложнее.

	2018	2050	Энергопотребление в 2050 г. по			Рост за период, раз
			душевому средне-мировому	душевому уровню ОЭСР	варианту максим. э/эффект.	
Численность населения, млн чел.:						
• всего	7 588	9 123				1,20
• в странах ОЭСР	1 302	1 315				1,01
• в развив. странах	6 286	8 420				1,34
Душевое э/потребление, т н.э./чел.:						
• среднемировое	1,88		2,33	4,12	2,03	1,24/2,19/1,08
• в странах ОЭСР	4,12		4,12	4,12	2,06	0,00/-2,00
• в развив. странах	1,42		1,88	4,12	1,88	1,33/2,90/1,33
Потребление первичных энергоресурсов, млн т н.э.:						
• всего	14 282		21 248	37 587	18 539	1,49/2,63/1,30
• в странах ОЭСР	5 369		5 418	5 418	2 709	1,01/1,01/0,50
• в развив. странах	8 913		32 169	32 169	15 830	1,78/3,61/1,78
	1,88 – факт	1,88 – прогноз	1,88 – допущение	1,88 – расчет		

График 1. Примерный расчёт глобальной потребности в первичной энергии в 2050 г.

Тем не менее, идеологи и сторонники энергетического перехода в своих сценариях и дорожных картах, направленных на обеспечение энергетического перехода, показывают перспективный объём глобального потребления первичных энергоресурсов существенно ниже. Так, в 2040 году согласно прогностическому исследованию «Energy Transition Outlook 2020. A global and regional forecast to 2050» компании DNV GL — он составит всего 13,6 млрд т н.э. (570 эксаджоулей в год) [40], сценарии Renewal компании Equinor — 13,5 млрд т н.э. [41], а в Сценарии устойчивого развития МЭА (SDS Scenario WEO-2020) — 13,02 млрд т н.э. [28]. Ещё ниже он оценивается Секретариатом ОПЕК (World Oil

Outlook 2020) — в 11,9 млрд т н.э. (352,3 млн барр. н.э./сут.) [42].

Анализ прогнозов и прогностических оценок апологетов энергетического перехода показывает, что важнейшим условием достижения ими заявленных целей энергоперехода является сохранение энергетического неравенства между развитым и развивающимся миром. Так, в исследовании «Energy Transition Outlook 2020» компании DNV GL предусматривается, что в 2050 году душевое энергопотребление в странах Северной Америки будет втрое выше, чем в странах Латинской Америки, в Европе — более чем в два раза выше, чем в Индии, Пакистане и Бангладеш; в Австралии, Республике Корея и Японии — почти вдвое

выше, чем в странах Юго-Восточной Азии. Разрыв между странами Северной Америки и странами Африки к югу от Сахары составит 6 раз (не в пользу стран Африки).

Другая проблема энергетического перехода, которая также ставит под сомнение возможность его достижения в объявленные сроки, — это достаточно низкий коэффициент использования установленной мощности (КИУМ) возобновляемой энергетики и низкая плотность поступающей энергии. Так, КИУМ ветростанций составляет в среднем 18–22%, солнечных станций — 9–24%, тогда как атомных и тепловых электростанций — 80–90% [43]. Для отдельных стран и регионов эти показатели выше. Так, в Европе в целом КИУМ в материковой ветроэнергетике в среднем составляет примерно 24%, в морской — 41% [44]. Кроме того, с развитием технологий КИУМ ветряных и солнечных электростанций растёт, но в обозримой перспективе принципиальных изменений в этой области не ожидается. Соответственно, для выработки того же количества энергии в случае с ВИЭ требуется в 4 раза больше установленных мощностей, чем для тепловых и атомных электростанций. Низкая плотность поступающей энергии обуславливает и высокую пространственную ёмкость возобновляемой энергетики: для размещения ветропарков и солнечных станций требуются на порядки большие площади по сравнению с тепловыми электростанциями [43, с.12].

По различным оценкам, США придётся выделить от 25 до 50% своей суши на солнечные, ветровые и биотопливные энергосистемы, если они надеются обеспечить потребление страной электричества только за счет ВИЭ [45]. В Великобритании, согласно исследованию Массачусетского технологического института, придётся использовать половину всей территории острова для уста-

новки ветряных турбин, если страна полностью перейдет на ветроэнергетику [45].

Сейчас в самом большом наземном ветроэнергетическом парке Европы Markbygden, который строится на территории Швеции, собираются установить ветряки высотой 300 метров. Их размер будет сопоставим с высотой Эйфелевой башни [46].

Возобновляемая энергетика, которая, по идее, должна заменить нынешнюю, должна быть столь же стабильной. Этого пока нет. Как считает Билл Гейтс, один из способов справиться с этой проблемой — научиться лучше сохранять энергию, повысив ёмкость батарей раз в двадцать. К сожалению, отмечает он, велика вероятность, что это невозможно [47]. Самые мощные в мире системы накопления и хранения энергии на основе литий-ионных аккумуляторов создаются в Калифорнии, США. Это объект Gateway Energy Storage, имеющий мощность 250 МВт ёмкостью, по оценке экспертов, в 1-1,5 ГВт-ч, и объект Moss Landing, который будет иметь ёмкость для хранения и отправки в сеть до 730 МВт-ч энергии с максимальной выдчей мощности 182,5 МВт в течение четырех часов в периоды высокого спроса [48].

Ещё одна проблема — возможный дефицит различных металлов и материалов, необходимых для развития возобновляемой энергетики. Согласно докладу Всемирного банка, спрос на некоторые из них, такие как медь, литий, кобальт и графит, к 2050 году вырастет на 500%. И рынок некоторых из них, например, меди, уже близок к дефициту. Всего, по оценкам экспертов Всемирного банка, для реализации энергоперехода потребуется 3 миллиарда тонн различных металлов и минералов [49].

Подводя итог рассмотрению проблем реализуемости энергоперехода, его движущих сил, выгодополучателей или бенефициаров, следует со всей определённо-

стью сказать, что энергетический переход не только сократит выбросы углекислого газа, но и перераспределит энергетическую власть на Земле, скажется на геополитике. Каждая крупная страна захочет предложить миру — и уже предлагает — свою модель энергетического перехода, чтобы получить доступ к новым рынкам и открыть новые возможности для сотрудничества. В последние годы в этой гонке лидируют Китай, США и Европейский союз. Так, Китай производит более 70% всех солнечных фотоэлектрических панелей, половину мировых электромобилей и треть ветровой электроэнергии. Он также является крупнейшим производителем аккумуляторов и контролирует многие виды сырья, важного для цепочек поставок экологически чистых технологий, например, кобальт, редкоземельные минералы и поликремний — ключевой ингредиент солнечных панелей [50].

Трудно не согласиться с проф. А. Коноплянником, что зелёная революция — это новый геополитический передел мира, передел сфер влияния в мировой энергетике. Причём, это передел мира одновременно и технологический, по линии «невозобновляемые энергоресурсы — возобновляемые источники энергии», и корпоративный: от доминирования компаний сырьевой ренты к корпорациям, нацеленным на получение технологической ренты от использования ВИЭ [51]. Так, по оценке британского аналитического центра Carbon Tracker, к 2040 году в результате энергетического перехода страны-производители нефти рискуют потерять 13 трлн долларов [52].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Сама постановка вопроса о необходимости перехода к инновационной, экологически чистой (устойчивой) энергетике вполне закономерна. Более того, такой переход к принципиально иной энергетике — энергетике будущего — обусловлен

необходимостью реагирования на целый ряд не климатических вызовов и факторов [53, с.13]. Однако оценивать сроки реализации энергоперехода надо реалистично. При всех достижениях и успехах в области новых технологий, роста энергоэффективности и снижения энергоёмкости экономики, полная реализация концепции энергетического перехода к середине текущего столетия представляется маловероятной, поскольку большинство населения планеты относится к так называемому «развивающемуся миру», который требует огромного экономического развития и устойчивого роста потребления энергии (в частности — электроэнергии).

2. Достижение такой масштабной цели, как обеспечение энергетического перехода — стабилизации глобальных выбросов парниковых газов, удовлетворения будущего спроса на энергию и расширения доступа к надёжной чистой электроэнергии — потребует не только больших дополнительных инвестиций в мировую энергетику. Необходимы значительные социально-экономические преобразования в масштабах всего общества, поскольку достижение этой цели в рамках только энергетики представляется нереальным. Поэтому необходимы соответствующие трансформации не только всей глобальной экономики, но самого современного социально-экономического устройства общества, в частности, ликвидация как энергетической бедности, так и бедности в целом [53, с.16]. Но самое главное, как отмечает Билл Гейтс, надо увеличивать бюджеты на исследования и разработки, задействовать лучших специалистов из университетов и лабораторий. Надо стимулировать финансирование инициатив в этой области. Нельзя добиться значимого успеха, просто урезая какие-то инвестиции и сокращая потребление. Единственный

путь — это путь инноваций. Причём, надо придумать, как обойтись для достижения поставленных целей десятками миллиардов, а не триллионами долларов [47].

3. Для процесса энергетического перехода характерна высокая степень неопределённости развития всех его составных частей. Это касается будущего спроса на энергоресурсы, возможностей его покрытия, роли новых технологий, потенциальных мер, которые могут быть приняты обществом для устранения рисков, связанных с изменением климата, включая возможность инвестиций, и др. Хотя в научном сообществе была проделана значительная работа по изучению потенциальных путей достижения глобальной цели энергоперехода — декарбонизации энергетики, вопросов здесь по-прежнему остаётся больше, чем ответов на них. Тем более, что энергетический переход идёт с большими трудностями.

4. Согласимся с приглашённым учёным в Карнеги-Европа Оливией Лазард [54]: США при новой администрации стали относить изменение климата к вопросам безопасности. Это значит, что США будут считать угрозой собственной и глобальной стабильности те государства, которые подрывают борьбу с изменением климата. Такой подход не может не сказаться на России. Как считает госпожа Оливия Лазард, не исключено, что на очередной конференции ООН по изменению климата в Глазго (COP26), перенесенной из-за глобальной ситуации с коронавирусом на ноябрь 2021 года, США попытаются предложить новые, более амбициозные цели. Дипломаты США, Великобритании и ЕС вместе будут добиваться удвоения показателей, которые послужат ориентирами в будущей борьбе против изменения климата [54]. Кроме того, по словам Оливии Лазард, Президент США Джо «Байден планирует поручить

Госдепартаменту разработать новую форму отчётности... о глобальном изменении климата, сопоставимый по статусу с отчётами о торговле людьми и нарушениях прав человека. Это важный шаг, поскольку он может означать, что в будущем нежелание совершать энергетический переход повлечет за собой американские санкции» [54].

5. Отдельная проблема — это возможное влияние энергетического перехода на экономику России. Потребление углеводородов не рухнет в одночасье и ещё достаточно долго нефть и природный газ сохранят свою роль в формировании мирового энергодобаванса. Поэтому «безусловно, пока есть спрос в мире на наши сырьевые, особенно энергетические, ресурсы, этим надо воспользоваться, тем более что экономика России характеризуется сырьевой зависимостью и находится в состоянии структурно-технологического неравновесия, характеризующегося неэффективным распределением факторов производства и финансовых ресурсов, которое препятствует формированию устойчивой экономической динамики. Но чтобы сырьевой, прежде всего нефтегазовый, сектор мог обеспечить ресурсами выполнение поставленных крайне необходимых целей и задач, позволяющих России и в XXI веке быть в числе ведущих держав мира, нужна и его своевременная модернизация» [18, 53].

В условиях энергоперехода, независимо от того, будет он завершён к середине века или нет, бюджетные поступления России от экспорта энергоресурсов неизбежно будут снижаться. Это должно стать дополнительным доводом для руководства страны принимать все возможные меры по ускоренной диверсификации российской экономики, обеспечению развития нефтегазохимии и других отраслей, связанных с глубокой переработкой природных ресурсов [54, с.17].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мастепанов А.М. Большие циклы и «чёрные лебеди». *Энергетическая политика*. 2020;6:4-19
2. Совместное заявление Министра иностранных дел РФ С. Лаврова и Министра иностранных дел КНР Ван И по некоторым вопросам глобального управления в современных условиях. 23 марта 2021 г. URL: https://www.mid.ru/main_de/-/asset_publisher/G51iJnfMMNKX/content/id/4647776 (дата обращения: 25.03.2021).
3. Коронавирус COVID-19. Статистика. 20 апреля 2021 г. URL: <https://news.mail.ru/coronavirus/stat/msk/> (дата обращения: 20.04.2021).
4. В ООН заявили о сокращении мировой экономики в 2020 году на 4,3%. 25 января 2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10542613> (дата обращения: 25.03.2021).
5. Восстановление мировой экономики остается неустойчивым — ООН. ТВ БРИКС. 26 января 2021. URL: https://finance.rambler.ru/markets/45680251/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 25.03.2021).
6. Батыров Т. Forbes назвал богатейших миллиардеров мира. 06.04.2021. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/425331-forbes-nazval-bogateyshih-milliarderov-mira> (дата обращения: 10.04.2021).
7. Hans von der Brelie. Испания и Австрия: ковид разоряет средний класс. 12.12.2020. URL: <https://ru.euronews.com/2020/12/11/covid-poverty-spain-austria> (дата обращения: 29.03.2021).
8. Мастепанов А.М. Мировая энергетика — новые вызовы. Доклад на ежегодном форуме Клуба Ниццы «Энергетика и геополитика». URL: http://www.clubdenice.eu/2009/Cpte_rendu_forum_2009.pdf (в настоящее время не функционирует).
9. Энергетика и геополитика/под ред. В.В. Костюка и А.А. Макарова. Москва: Наука; 2011. 397 с.
10. Энергетические приоритеты и безопасность России (нефтегазовый комплекс)/ Под общей редакцией А.М. Мастепанова. Москва: ООО «Газпром экспо»; 2013. 336 с.
11. Мастепанов А.М. Мировая энергетика: ещё раз о новых вызовах. *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом*. 2014;11:4-6
12. Мастепанов А.М., Шафраник Ю.К. Российская энергетика: выбор развития в новых условиях. *Энергетическая политика*. 2014;5:21-31.
13. Современная мировая политика / Под ред. Е. П. Бажанова; Дипломатическая академия МИД России. 2-е изд. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К»; 2019. 450 с.
14. Кургиян С.Е. Онлайн-семинар «Текущая экономическая ситуация: инструкция по применению». Выпуск №6. 24.03.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pR-WhvUdaMw> (дата обращения: 25.03.2021).
15. Шафраник Ю.К. Многополярный энергетический мир современности: состояние и тенденции. *Энергетическая политика*. 2016;6:3-8.
16. Мастепанов А.М. Перелом энергетической философии. *Нефть России*. 2014;11-12:17-24
17. Мастепанов А.М., Сумин А.М. Энергетическая политика Индии в период энергетического перехода. *Энергетическая политика*. 2020;9(151):74-91
18. Мастепанов А.М. Основные тенденции и факторы развития мировой энергетики в 2010-е годы. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2019;2(20):40-63
19. Summary for Policymakers. Special Report on Global Warming of 1.5 °C. URL: <https://www.ipcc.ch/report/sr15/>

- ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/05/SR15_SPM_version_report_LR.pdf (дата обращения: 1.04.2021).
20. Future of Energy. Global Issue. Co-curated with: Massachusetts Institute of Technology. August 27, 2020. URL: <https://intelligence.weforum.org/topics/a1Gb00000038oN6EAI?tab=publications> (дата обращения: 25.03.2021).
 21. Top 10 Emerging Technologies 2019. Insight Report. World Economic Forum, June 2019. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Top_10_Emerging_Technologies_2019_Report.pdf (дата обращения: 29.03.2021).
 22. Мастепанов А.М. Энергетический переход: к чему готовиться мировому нефтегазу. *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. Научно-экономический журнал.* 2019;10(178):5-14
 23. Мастепанов А.М. Энергетический переход как генеральное направление развития энергетики будущего. *Экологический вестник России.* 2020;1:10-15
 24. Energy Technology Perspectives 2017. Catalysing Energy Technology Transformations. International Energy Agency. OECD/IEA; 2017. 443 p.
 25. Мастепанов А.М., Чигарев Б.Н. The Energy Trilemma Index как оценка энергетической безопасности. *Энергетическая политика.* 2020;8(150):66-83
 26. Emissions Gap Report 2020. United Nations Environment Programme (2020). UNEP, UNEP DTU Partnership, Nairobi. 124 P. URL: <https://www.unep.org/emissions-gap-report-2020> (дата обращения: 5.04.2021).
 27. Pathway to critical and formidable goal of net-zero emissions by 2050 is narrow but brings huge benefits, according to IEA special report. Press release. 18 May 2021. URL: <https://www.iea.org/news/pathway-to-critical-and-formidable-goal-of-net-zero-emissions-by-2050-is-narrow-but-brings-huge-benefits> (дата обращения: 25.03.2021).
 28. World Energy Outlook 2020. OECD/IEA, 2020. 464 p. URL: <https://webstore.iea.org/world-energy-outlook-2020> (дата обращения: 25.03.2021).
 29. 2019. Outlook for energy: a perspective to 2040. ExxonMobil. 58 p. URL: <http://www.exxonmobil.com/energyoutlook> (дата обращения: 25.03.2021).
 30. Energy efficiency 2018. Analysis and outlooks to 2040. OECD/IEA, 2018, 174 p. URL: https://webstore.iea.org/download/direct/2369?fileName=Market_Report_Series_EnergyEfficiency2018.pdf (дата обращения: 25.03.2021).
 31. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Energy_Modeling_Forum (дата обращения: 25.03.2021).
 32. EMF 27: Global Model Comparison Exercise. URL: <https://emf.stanford.edu/projects/emf-27-global-model-comparison-exercise> (дата обращения: 25.03.2021).
 33. An economy for the 99%. JANUARY 2017. URL: https://oi-files-d8-prod.s3.eu-west-2.amazonaws.com/s3fs-public/file_attachments/bp-economy-for-99-percent-160117-summ-en.pdf (дата обращения: 28.03.2021).
 34. Oxfam International. Just 8 men own same wealth as half the world. 16th January 2017. URL: <https://www.oxfam.org/en/pressroom/pressreleases/2017-01-16/just-8-men-own-same-wealth-half-world> (дата обращения: 28.03.2021).
 35. Aratani L. Electricity needed to mine bitcoin is more than used by 'entire countries'. 27 Feb 2021. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2021/feb/27/bitcoin-mining-electricity-use-environmental-impact> (дата обращения: 28.03.2021).
 36. Understanding Sustainable Development Goal 7 (SDG7). URL: <https://www.seforall.org/data-and-evidence/understanding-sdg7> (дата обращения: 29.03.2021).
 37. Из-за пандемии число неимущих вырастет на 115 миллионов. 17 октября 2020. URL:

- <https://news.un.org/ru/story/2020/10/1388252> (дата обращения: 10.04.2021).
38. Кутузова М. Полтриллиона долларов на декарбонизацию. 26.02.2021. URL: <http://neftianka.ru/poltrilliona-dollarov-na-dekarbonizaciyu/> (дата обращения: 10.04.2021).
39. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Population Prospects 2019, Online Edition. Rev. 1. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения: 25.03.2021).
40. Energy Transition Outlook 2020. A global and regional forecast to 2050. 306 p. URL: <https://www.dnv.com/Publications/energy-transition-outlook-2020-186774> (дата обращения: 5.04.2021).
41. Equinor. Energy Perspectives 2018. Long-term macro and market outlook 2018. 60 P. URL: <https://www.equinor.com/en/news/07jun2018-energy-perspectives.html> (дата обращения: 5.04.2021).
42. Organization of the Petroleum Exporting Countries. 2020 World Oil Outlook 2045. October 2020. 309/332 p. URL: <http://www.opec.org> (дата обращения: 5.04.2021).
43. Дегтярёв К.С., Залиханов А.М., Соловьёв А.А., Соловьёв Д.А. К вопросу об экономике возобновляемых источников энергии. *Энергия: экономика, техника, экология*. 2016;10:10-20
44. Сидорович В. КИУМ в ветроэнергетике: все выше и выше. 19.02.2017. URL: <https://renew.ru/wind-energy-capacity-factor/> (дата обращения: 5.04.2021).
45. Давыдов Д. Скорый энергопереход — это иллюзия, он невозможен. 21 марта 2021. URL: https://teknoblog.ru/2021/03/21/110881?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 5.04.2021).
46. Дятел Т. Европейская энергетика озеленилась. *Коммерсантъ*. 2021;12.
47. Игнейшес А. Билл Гейтс: «Человечество должно сделать самый невероятный шаг в истории». 31 марта 2021. URL: <https://hbr-russia.ru/liderstvo/lidery/862148?noredir=true> (дата обращения: 5.04.2021).
48. Накопители энергии. В Калифорнии введена в строй крупнейшая в мире батарейная система накопления энергии мощностью 250 МВт (август 2020). URL: <https://energy.hse.ru/accenergy> (дата обращения: 5.04.2021).
49. Давыдов Д. Энергопереход приведет огромному дефициту важных металлов. 9 марта 2021. URL: <https://teknoblog.ru/2021/03/09/110683> (дата обращения: 5.04.2021).
50. Hook L., Sanderson H. How the race for renewable energy is reshaping global politics. *Financial Times*, 4.02.2021. URL: <https://www.ft.com/content/a37d0ddf-8fb1-4b47-9fba-7ebde29fc510?segmentId=114a04fe-353d-37db-f705-204c9a0a157b> (дата обращения: 5.04.2021).
51. Конопляник А. Борьба за климат и за новый передел мира. 31 января 2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/01/31/856109-borba-peredel> (дата обращения: 5.04.2021).
52. «Зеленая» энергетика лишит нефтепроизводителей \$13 трлн 12 февраля 2021. URL: http://www.ngv.ru/news/zelenaya_energetika_lishit_nefteproizvoditeley_13_trln/ (дата обращения: 25.03.2021).
53. Мастепанов А.М. Энергетический переход как генеральное направление развития энергетики будущего. *Экологический вестник России*. 2020;2:12-19
54. Lazard О. Климатическое разоружение. Может ли изменение климата сблизить Россию и США. 26.03.2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/84034> (дата обращения: 5.04.2021).

REFERENCES:

1. Mastepanov A.M. Big cycles and “black swans”. *Energy policy*. 2020;6:4-19. (In Russ.).
2. Joint Statement by the Foreign Ministers of China and Russia on Certain Aspects of Global Governance in Modern Conditions. March 23, 2021. URL: https://www.mid.ru/main_de/-/asset_publisher/G51jInfMMNKX/content/id/4647776 [Accessed: 25.03.2021] (In Russ.).
3. Coronavirus COVID-19. Statistics. April 20, 2021. URL: <https://news.mail.ru/coronavirus/stat/msk/> [Accessed: 20.04.2021] (In Russ.).
4. The UN announced the reduction of the world economy in 2020 by 4.3%. January 25, 2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10542613> [Accessed: 25.03.2021]. (In Russ.).
5. Global economic recovery remains fragile - UN. TV BRICS. January 26, 2021. URL: https://finance.rambler.ru/markets/45680251/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink [Accessed: 25.03.2021] (In Russ.).
6. Batyrov T. Forbes names the richest billionaires in the world. 06.04.2021. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/425331-forbes-nazval-bogateyshih-milliardrov-mira> [Accessed: 10.04.2021]. (In Russ.).
7. Hans von der Brellie. Spain and Austria: Covid is devastating the middle class. URL: <https://ru.euronews.com/2020/12/11/covid-pover-ty-spain-austra> [Accessed: 29.03.2021] (In Russ.).
8. Mastepanov A.M. World energy - new challenges. Report at the annual forum Club of Nice “Energy and Geopolitics”. URL: http://www.clubdenice.eu/2009/Cpte_rendu_forum_2009.pdf (The site is currently not functioning) (In Russ.).
9. Energy and Geopolitics / ed. V.V. Kostyuk and A.A. Makarov. Moscow: Nauka; 2011. 397 p. (In Russ.).
10. Energy priorities and security of Russia (oil and gas complex) / Edited by A.M. Mastepanov. Moscow: OOO Gazprom Expo; 2013. 336 p. (In Russ.).
11. Mastepanov A.M. World energy: once again about new challenges. *Problems of Economics and Management of the Oil and Gas Complex*. 2014;11:4-6 (In Russ.).
12. Mastepanov A.M., Shafranik Yu. K. Russian energy: the choice of development in new conditions. *Energy policy*. 2014;5:21-31. (In Russ.).
13. Modern world politics: Textbook / Ed. E. P. Bazhanova; Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. 2nd ed. Moscow: Publishing and Trade Corporation “Dashkov and K”; 2019. 450 p. (In Russ.).
14. Kurginyan S.E. Online seminar “Current economic situation: instructions for use.” Issue №6. 03.24.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pR-WhvUdaMw> [Accessed: 25.03.2021] (In Russ.).
15. Shafranik Yu. K. The multipolar energy world of our time: the state and trends. *Energy policy*. 2016;6:3-8. (In Russ.).
16. Mastepanov A.M. The turning point of energy philosophy. *Oil of Russia*. 2014;11-12:17-24. (In Russ.).
17. Mastepanov A.M., Sumin A.M. Energy policy of India in the period energy transition. *Energy Policy*. 2020;9(151):74-91 (In Russ.).
18. Mastepanov A.M. The main trends and factors in the development of world energy in 2010s. Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world. 2019;2(20):40-63 (In Russ.).
19. Summary for Policymakers. Special Report on Global Warming of 1.5 °C. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/05/SR15_SPM_version_report_LR.pdf [Accessed: 1.04.2021].
20. Future of Energy. Global Issue. Co-curated with: Massachusetts Institute of Technology. August 27, 2020. URL: <https://intelligence.weforum.org/topics/a1Gb0000038oN6EAI?tab=publications> [Accessed: 25.03.2021].

21. Top 10 Emerging Technologies 2019. Insight Report. World Economic Forum, June 2019. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Top_10_Emerging_Technologies_2019_Report.pdf [Accessed: 29.03.2021].
22. Mastepanov A.M. Energy transition: what to prepare for the global oil and gas. *Problems of Economics and Management of the Oil and Gas Complex*. 2019;10(178):5-14 (In Russ.).
23. Mastepanov A.M. Energy transition as a general direction for the development of energy of the future. *Ecological Bulletin of Russia*. 2020;1:10-15. (In Russ.).
24. Energy Technology Perspectives 2017. Catalysing Energy Technology Transformations. International Energy Agency. OECD/IEA; 2017. 443 p.
25. Mastepanov A.M., Chigarev B. N. The Energy Trilemma Index as an assessment of energy security. *Energy Policy*. 2020;8(150):66-83 (In Russ.).
26. Emissions Gap Report 2020. United Nations Environment Programme (2020). UNEP, UNEP DTU Partnership, Nairobi. 124 P. URL: <https://www.unep.org/emissions-gap-report-2020> [Accessed: 5.04.2021].
27. Pathway to critical and formidable goal of net-zero emissions by 2050 is narrow but brings huge benefits, according to IEA special report. Press release. 18 May 2021. URL: <https://www.iea.org/news/pathway-to-critical-and-formidable-goal-of-net-zero-emissions-by-2050-is-narrow-but-brings-huge-benefits> [Accessed: 25.03.2021].
28. World Energy Outlook 2020. OECD/IEA, 2020. 464 p. URL: <https://webstore.iea.org/world-energy-outlook-2020> [Accessed: 25.03.2021].
29. 2019. Outlook for energy: a perspective to 2040. ExxonMobil. 58 p. URL: <http://www.exxonmobil.com/energyoutlook> [Accessed: 25.03.2021].
30. Energy efficiency 2018. Analysis and outlooks to 2040. OECD/IEA, 2018, 174 p. URL: https://webstore.iea.org/download/direct/2369?file-Name=Market_Report_Series_Energy_Efficiency_2018.pdf [Accessed: 25.03.2021].
31. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Energy_Modeling_Forum [Accessed: 25.03.2021].
32. EMF 27: Global Model Comparison Exercise. URL: <https://emf.stanford.edu/projects/emf-27-global-model-comparison-exercise> [Accessed: 25.03.2021].
33. An economy for the 99%. January 2017. URL: https://oi-files-d8-prod.s3.eu-west-2.amazonaws.com/s3fs-public/file_attachments/bp-economy-for-99-percent-160117-summ-en.pdf [Accessed: 28.03.2021].
34. Oxfam International. Just 8 men own same wealth as half the world. 16th January 2017. URL: <https://www.oxfam.org/en/press-room/pressreleases/2017-01-16/just-8-men-own-same-wealth-half-world> [Accessed: 28.03.2021].
35. Aratani L. Electricity needed to mine bitcoin is more than used by “entire countries”. 27 Feb 2021. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2021/feb/27/bitcoin-mining-electricity-use-environmental-impact> [Accessed: 28.03.2021].
36. Understanding Sustainable Development Goal 7 (SDG7). URL: <https://www.seforall.org/data-and-evidence/understanding-sdg7> [Accessed: 29.03.2021].
37. Pandemic will increase the number of poor by 115 million. October 17, 2020. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/10/1388252> [Accessed: 10.04.2021]. (In Russ.).
38. Kutuzova M. Half a trillion dollars for decarbonization. 26.02.2021. URL: <http://neftianka.ru/poltrilliona-dollarov-na-dekarbonizaciyu/> [Accessed: 10.04.2021]. (In Russ.).
39. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Population Prospects 2019, Online Edition. Rev. 1. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> [Accessed: 25.03.2021].

40. Energy Transition Outlook 2020. A global and regional forecast to 2050. 306 pages. URL: <https://www.dnv.com/Publications/energy-transition-outlook-2020-186774> [Accessed: 5.04.2021].
41. Equinor. Energy Perspectives 2018. Long-term macro and market outlook 2018. 60 p. URL: <https://www.equinor.com/en/news/07jun2018-energy-perspectives.html> [Accessed: 5.04.2021].
42. Organization of the Petroleum Exporting Countries. 2020 World Oil Outlook 2045. October 2020. 309/332 p. URL: <http://www.opec.org>. [Accessed: 5.04.2021].
43. Degtyarev K.S., Zalikhhanov A.M., Solovyov A.A., Solovyov D.A. On the question of the economics of renewable energy sources. *Energy: economics, technology, ecology*. 2016;10:10-20 (In Russ.).
44. Sidorovich V. ICUF in wind energy: higher and higher. 19.02.2017. URL: <https://renew.ru/wind-energy-capacity-factor/> [Accessed: 5.04.2021]. (In Russ.).
45. Davydov D. A quick energy transition is an illusion, it is impossible. March 21, 2021. URL: https://teknoblog.ru/2021/03/21/110881?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop [Accessed: 5.04.2021]. (In Russ.).
46. Dyatel T. The European energy sector is greening. *Kommersant*. 2021;12 (In Russ.).
47. Ignace A. Bill Gates: «Humanity must take the most incredible step in history». March 31, 2021. URL: <https://hbr-russia.ru/liderstvo/lidery/862148?noredir=true> [Accessed: 5.04.2021]. (In Russ.).
48. Energy storage. The world's largest battery energy storage system with a capacity of 250 MW has been commissioned in California (August 2020). URL: <https://energy.hse.ru/accenergy> [Accessed: 5.04.2021]. (In Russ.).
49. Davydov D. The energy transition will lead to a huge shortage of important metals. March 9, 2021. URL: <https://teknoblog.ru/2021/03/09/110683> [Accessed: 5.04.2021]. (In Russ.).
50. Hook L., Sanderson H. How the race for renewable energy is reshaping global politics. *Financial Times*, 4.02.2021. URL: <https://www.ft.com/content/a37d0ddf-8fb1-4b47-9fba-7ebde29fc510?segmentId=114a04fe-353d-37db-f705-204c9a0a157b> [Accessed: 5.04.2021].
51. Konoplyanik A. Struggle for the climate and for a new redivision of the world. January 31, 2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/01/31/856109-borba-peredel> [Accessed: 5.04.2021]. (In Russ.).
52. «Green» energy will deprive oil producers of \$ 13 trillion. February 12, 2021. URL: http://www.ngv.ru/news/zelenaya_energetika_lishit_nefteproizvoditeley_13_trln/ [Accessed: 25.03.2021]. (In Russ.).
53. Mastepanov A.M. Energy transition as a general direction for the development of energy of the future. *Ecological Bulletin of Russia*. 2020;2:12-19. (In Russ.).
54. Olivia Lazard. Climatic disarmament. Can climate change bring Russia and the US closer together. 26.03.2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/84034> [Accessed: 5.04.2021]. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексей М. Мастепанов, Доктор экономических наук, Института проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 14; amastepanov@mail.ru

Alexey M. Mastepanov, Doctor of Economic Sciences, Oil and Gas Research Institute of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 14, Lelinsky pr., Moscow, 119991, Russia amastepanov@mail.ru

<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-277-287>

К вопросу о влиянии внутривластных факторов на внешнюю политику Румынии и «имидж» государства

Даниела Г. Драган

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,,

E-mail: dragan_dana90@yahoo.com

Аннотация: В статье отражены внутривластные процессы Румынии после падения коммунистического режима. Автором делается попытка определения связи между внешней и внутренней политикой государства. Интерес был вызван тем, что оборонная Стратегия Румынии 2020–2024 гг. вводит приоритет превращения страны в устойчивое (resilient) государство, одновременно с повышением международного статуса страны. В данном контексте дана авторская оценка факторов внутренней политики, которые оказали влияние на международный имидж Румынии.

Ключевые слова: Румыния, внутренняя политика, внешняя политика, стратегия, имидж

Для цитирования: Драган Д.Г. К вопросу о влиянии внутривластных факторов на внешнюю политику Румынии и «имидж» государства. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(2):277-287. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-277-287>

Статья поступила 26.02.2021

Принята в печать 14.04.2021

Опубликована 25.06.2021

On the Influence of Internal Factors on Romania's Foreign Policy and Image

Daniela G. Dragan

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

E-mail: dragan_dana90@yahoo.com

Abstract: The article describes the internal processes in Romania after the collapse of the communist regime. The author attempts to determine the connection between the domestic and foreign policy of the country. This issue deserves attention since Romania's National Defence Strategy 2020–2024 prioritises the strengthening of the country's resilience and at the same time increasing international political weight. Having taken this into consideration, the author evaluates the

domestic policy factors which have influenced the image of Romania in the international arena.

Keywords: Romania, domestic policy, foreign policy, strategy, image

For citation: Dragan D.G. On the Influence of Internal Factors on Romania's Foreign Policy and Image. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(2):277-287. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-277-287>

Received 26.02.2021

Revised 14.04.2021

Published 25.06.2021

ВВЕДЕНИЕ

Одной из основных целей внешней политики государства является завоевание международного престижа (имиджа, чести и т. д.) и его защита. Заявленный в начале 1990-х гг. внешнеполитический приоритет Румынии на интеграцию страны в ЕС и НАТО отвечал такой цели. Как политическая элита, так и общество рассматривали в этом возможность встраивания в цивилизованный и развитый мир.

На современном этапе, несмотря на то, что страна является членом данных структур (НАТО с 2004 года и ЕС с 2007 года) в политике Румынии цель на интеграцию (достижение уровня развития до стандартов стран ЕС и НАТО) сохранила свою приоритетность. Одновременно с этим Стратегия национальной обороны Румынии 2020–2024 гг. вводит приоритет «повышения международного статуса» [1] и превращения страны в «устойчивое (resilient) государство» [1]. Два наиболее актуальных субъекта внутренней политики — проблема коррупции и эффективности государственного управления — оказали, очевидно, влияние и на формирование стратегических приоритетов.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СРЕДА И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

Политические процессы в 1989–1990 гг. в странах Центрально-Восточной Евро-

пы (ЦВЕ) создали принципиально новую политическую картину. На фоне постепенного размывания влияния СССР усиливалось влияние стран Запада. При этом Румыния стремилась сохранить особые отношения с СССР, в то время как страны социалистического содружества были в большей степени ориентированы на Запад. Подтверждением этому была близкая позиция Румынии к СССР по преобразованию Организации Варшавского договора (ОВД) из военной в политическую (Польша, Венгрия, например, придерживались позиции ее роспуска). Также Румыния была единственной из стран содружества, подписавшей с СССР Договор о сотрудничестве добрососедстве и дружбе (5 апреля 1991 года). Тогда М. Горбачев на встрече по случаю подписания Договора отметил, что документ «является первым, заключенным со страной Восточной Европы после произошедших там изменений» [2, с.91]. Принципиально важным являлся тот факт, что договором устанавливалось обязательство сторон не участвовать в военных союзах направленных друг против друга. В историческом контексте, конечно, вопрос расширения НАТО в повестке дня не стоял. Решение о возможности расширения военно-политического блока было принято на Брюссельском саммите в 1994 году.

При этом в договорах о дружбе и сотрудничестве уже Российской Федерации с постсоциалистическими странами подобных формулировок не было. Договор от 1991 года не вступил в силу, а содержание действующего Договора о сотрудничестве добрососедстве и дружбе согласовывалось до 2003 года, когда и был подписан.

Распад СССР обусловил коренные изменения в международной структуре. Миропорядок больше не представлял систему баланса двух центров силы. Вместе с этим период ознаменовал начало доминирования США в международных делах.

Природа изменений коснулась и внешней политики Румынии, в которой все отчетливее стал выражаться евро-атлантический курс. В Концепции национальной безопасности 1994 г. фиксируется намерения румынского государства к вступлению в НАТО «когда это станет практически возможно, вместе с другими государствами региона» [3]. Позиция Румынии исходила от необходимости совместной интеграции со странами социалистического содружества и сдержанно относилась к дифференцированному подходу. В Стратегии национальной обороны 1999 года впервые на доктринальном уровне вводится приоритет вступления страны в НАТО и ЕС. Последующие редакции — Стратегия 2001 года фиксирует приоритеты внешней политики, касающиеся реализации условий по интеграции страны в НАТО и ЕС; Стратегии 2006 года и 2010 года обозначают одним из приоритетов политической деятельности формирование европейского и евро-атлантического статуса Румынии; Стратегия 2015 года — нацеленность на усиление роли НАТО и ЕС посредством концептуального и практического вклада Румынии. Таким образом, общим

для доктринальных документов является факт указания на приоритетность отношений Румынии с ЕС, НАТО и США в качестве стратегического партнера. Более того в Стратегии 2020 г. отмечено, что «в ближайшей перспективе превосходство США в международных отношениях сохранится, что с точки зрения национального интереса Румынии является ключевым» [1]. Примечательно, что противоположным мировым центром силы рассматривается Китайская Народная Республика (КНР).

Ретроспективно (с 1989 года) Восток¹ не являлся для внешней политики Румынии приоритетным вектором. В доктринальных документах регион в целом, как и страны, в частности, не представлены в редакциях 1999 года, 2001 года и 2010 года. В Концепции 1994 года отмечены Китай и Япония, наряду с регионами Латинской Америки и Африки, сотрудничество с которыми представляло часть «открытой и активной внешней политики страны» [3]. В Стратегии 2006 года регион указан в контексте сотрудничества в общей политике НАТО и ЕС. При этом в Стратегии 2015 г. страны региона косвенно указаны в контексте развития сотрудничества в рамках стратегических партнерств. Следует отметить, что Румыния установила привилегированные отношения в 2002 году с Японией, в 2004 году с Китайской Народной Республикой, в 2008 году с Южной Кореей и в 2013 году с Индией.

Роль и место России также значительно изменились в содержании стратегических документов. Так, в Стратегии 1994 года и 1999 года Россия не является для внешней политики Румынии приоритетным направлением, косвенно отношения стран могут быть отнесены к внешнеполитической цели развития добрососедства.

¹ Восток понимается как регион стран Северо-Восточной, Восточной и Юго-Восточной Азии.

В документе от 2006 года Россия представлена в контексте сотрудничества со странами Черноморского региона. Следует отметить, что период ознаменовался продвижением со стороны Бухареста идей евро-атлантической стратегии для Черного моря. В оборонном документе 2010 г. отмечено о взаимодействии с Россией на уровне установленных блоком НАТО отношений. При этом в Стратегиях 2015 года и 2020 года Россия указана уже как страна, формирующая вызовы безопасности.

Важным эвристическим потенциалом обладают и оценки разных президентских администраций относительно структуры международной среды. Таким образом, доктринальные документы разработанные администрацией И. Илиеску и Э. Константиеску определяют ее преимущественно как нестабильную. Администрация Т. Бэеску (2004–2014 гг.) определяет внешнюю среду как «непредсказуемая и быстро меняющаяся» [4]. В стратегических документах, разработанных администрацией К. Йоханниса (2015 г. – по н.в.) она определена уже в контексте реконфигурации. Проблема международного статуса Румынии в этой связи обуславливает стремление новой администрации к упрочнению позиции страны, хотя сама идея не новаторская, этой же целью задавался ранее и Т. Бэеску.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Режим Н. Чаушеску, особенно конца 1980-х гг., привлек внимание к широкому спектру ограничений, к которым принуждались румынские граждане: экономического характера (введение режима строгой экономии на фоне низкого уровня жизни) и гражданского характера (повсеместный контроль органов госбезопасности и ограничение любых возможностей для выражения недовольства). В этих условиях, как писал первый президент Румы-

нии И. Илиеску, «румынская революция — вспыхнула вследствие целого комплекса негативных обстоятельств, при отсутствии подготовительных фаз и процессов... она являлась не кульминационным моментом в процессе постепенного накопления изменений, а критической точкой» [5, с.213-214] (5). Смена коммунистического режима, процесс который в Румынии в отличие от других стран ЦВЕ имел насильственный характер, обусловил во внутривнутриполитическом плане этап преобразований к новой политической и экономической модели.

В начале 1990 гг. развитие политических процессов обусловили ряд кризисов. Первый — на фоне острой политической конфронтации. В стране началась волна демонстраций после объявления об участии Фронта Национального Спасения (ФСН) в выборах (май 1990 года) и преобразования ФСН из временного органа, сформированного в период кризисных событий декабря 1989 года, в политическую партию вопреки сделанному заявлению, о том что ФСН не является и не будет являться политической партией. Этот факт собрал на улицах страны, как сторонников, так и их противников [5, с.219] (5). Несмотря на одержанную ФСН победу на выборах, уличные манифестации, которые проводились до и после проведения президентских и парламентских выборов, и их подавление с использованием групп шахтеров (данные события были названы «минериады») негативно отразились на восприятии власти ФСН. При этом зародившаяся борьба за власть между ФСН и «историческими партиями» в последующие годы, несмотря на их структурные изменения, сохранилась. Следует отметить, что «исторические партии» составили праволиберальное политическое крыло и такими они назывались в связи с объявлением себя продолжателями Национально-кре-

стьянской (НКП), Национально-либеральной (НЛП) и Социал-демократической партии, которые в первые послевоенные годы были запрещены.

В марте 1990 года на межэтнической почве возникли уличные столкновения в г. Тыргу-Муреш в Трансильвании. События и сцены насилия широко освещались в западных СМИ. В условиях внутривнутриполитической нестабильности и ухудшения международных отношений в Трансильвании это вызвало неопределенность перспектив отношений Румынии с Западом. Как отметил российский эксперт Путинцев И.С. «на Западе часто отказывались от сотрудничества с теми политическими лидерами, которых обвиняли (обосновано или нет) в нелегитимности и нарушении прав человека. В отношении с Москвой данной проблемы не существовало» [6, с.118-119]. Это дает основания полагать, что внутривнутриполитический контекст обусловил первоначальное стремление Бухареста к сохранению привилегированных отношений с Москвой.

После проведения в 1992 году очередных парламентских и президентских выборов расстановка политических сил в Румынии значительно не изменилась. При этом данный период примечателен в контексте экономических преобразований. Румыния за исключением большинства стран ЦВЕ не стала применять форсированный режим перехода от плановой экономики к рыночной. Правительство 1992–1996 гг. ориентировались на формирование социально-ориентированной экономики по примеру шведской модели. Экономический эффект от данной политики однако не способствовал стабилизации социально-экономического положения. Уровень жизни граждан по сравнению с 1989 годом падал, что обусловило чувство пессимизма в обществе.

В 1996 году по итогам выборов политическая власть в стране перешла к право-

либеральной Румынской демократической конвенции (объединяла часть вышеуказанных партий). Смена левоцентристского правительства на правопоцентристское в 1996–2000 гг. ознаменовалась изменением экономической политики основанной на принципе «шоковой терапии». Так правительство В. Чорбя в 1997 году провозгласило ускорение темпов приватизации одной из приоритетных задач. Показательно, что в период с 1992–1996 гг. было приватизировано около 3 % государственной собственности, в 1997–1999 гг. примерно 76 % [7, с.111]. Как отметил румынский историк И. Скурту «никогда в своей истории экономика Румынии не испытывала в такой степени разрушения в мирное время [...]. Практически произошла деиндустриализация [страны], крупные промышленные предприятия были доведены до банкротства, а машины и оборудование продавались за металлолом» [5].

Одновременно активная по своим темпам приватизация являлось и условием получения финансовой помощи со стороны международных финансовых структур (Международный валютный фонд (МФВ) и Всемирный банк (ВБ)), к которым Румыния прибегала все чаще. Первые финансовые кредиты были предоставлены еще в 1991 году и в 1992 году. Ведение социально ориентированной экономической политики обусловило в 1995 году приостановку финансовой помощи со стороны МФВ (Меморандум с МФВ по кредиту типа Stand-Vu со сроком на три года был согласован в 1994 году). Однако получение очередных финансовых траншей состоялись в 1996 году и в 1997 году. Экономические реформы, при этом не позволили остановить развитие кризисных процессов в стране. Таким образом, к концу 1999 года Румыния практически оказалось в состоянии финансового кризиса.

Не удалось праволиберальным партиям также реализовать свои предвыборные обещания: искоренение коррупции в политике и экономике, укрепление судебных и законодательных гарантий прав граждан, сведение счетов с коммунистическим прошлым, включая раскрытие всей правды о революции [8, с.32]. Издержки, к которым подвергалось население, отразились на выборах 2000 года, после которых И. Илиеску во второй раз становится президентом Румынии.

В свете этих обстоятельств период президентства Э. Константинеску (1996-2000 гг.) обратил внимание на проблему низкой эффективности государственного управления. Создание межпартийных альянсов с целью формирования парламентского большинства объединяло группы с разносторонними интересами. Процесс принятия решений усложнялся одновременно с необходимостью их согласования. В то же время, как обращает внимание эксперт по внутренней и внешней политики Румынии Т. Биткова, «любая реформа или проект должны были учитывать и фактор неформальных отношений» [9, с.195]. В политическую жизнь и в процесс принятия политических решений активно инкорпорировались и представители крупного бизнеса. По мнению политического аналитика С. Буркан «политический симбиоз государства и партии времен Чаушеску сменился экономическим симбиозом государства и частного сектора. Этот переход был стремительным и легким по той причине, что люди, представлявшие государство, были одни и те же» [9].

Реализация последовательной политики осложнялась и наличием кризисов, которые становились частым явлением в системе государственного управления. В период 1996–2000 гг. сменились три премьер-министра (в 1998 году произошла смена правительства В. Чорбя на правительство

Р. Василю, в 1999 году премьер-министром был назначен М. Исэреску). В период 2004–2009 гг. раскол между институтами президентства (Т. Бэеску) и правительства (премьер-министр К.П. Тэричану) обусловил острый кризис политической системы в целом. В 2007 году парламент объявил импичмент президенту Т. Бэеску. Противостояние между институтами власти сохранилось и в период 2009–2015 гг. (был повторно объявлен импичмент президенту, пост премьер-министра переходил от правоцентриста Э.Боку к левоцентристу В. Понта). Вместе с тем после проведения президентских выборов 2015 года и парламентских в 2016 году в стране сложилась ситуация, когда высшие государственные должности занимают представители конкурирующих между собой политических сил [10, с.149].

На этом фоне активно дебатировалась и проблема коррупции, которая в Румынии определялась как «всеобъемлющая». Субъект борьбы с коррупцией также был включен в Стратегию 2001 года (И. Илиеску), в предвыборную программу в 2004 году Т. Бэеску. Антикоррупционная политика при этом особенно активизировалась в 2015 году. К тому периоду пост президента страны занял либерал К. Йоханнис.

Вместе с тем фактор коррупции является препятствием для вступления Румынии в Шенген и евро зону «ибо именно коррупцию Евросоюз ставит в вину» [9, с.204]. Борьба с коррупцией является также условием сохранения установленного в 2007 году Механизма сотрудничества и проверки (МСП) ЕС. Данный мониторинг, по мнению румынского эксперта В. Наумеску, «обусловил интеграцию страны в ЕС с изначальным чувством «неполноценности» и низкой политической весомости, а формирование неконкурентоспособного «бренда» страны не позволило Бухаресту существенно

повысить политический профиль, влияние на европейских партнеров» [11].

В 2017 году было принято решение [12] о завершении мониторинга МСП в отношении Румынии, начиная с 2018 года. Массовые демонстрации, проходившие в стране в 2017–2018 гг. с требованием отставки правительства, которое обвинялось, в том числе в коррупции, обусловили корректировку оценок ЕС. В отчете МСП от 2018 года [13] уже давались дополнительные рекомендательные меры с сохранением механизма мониторинга.

В контексте влияния на внешнюю политику следует отметить, что большинство коррупционных дел было возбуждено в отношении представителей социал-демократической партии (СДП). Представители данной партии выступали за более сбалансированную внешнюю политику. Падение популярности СДП подтвердили президентские выборы 2019 года. Впервые кандидат социал-демократов получил низкий показатель голосов. Во втором туре кандидат СДП В. Дэнчилэ получил 33,91 % голосов, а действующий президент (НЛП) К. Йоханнис 66,09 % голосов [14]. На парламентских выборах 2020 года данная тенденция сохранилась. Электоральная поддержка СДП составила 29,32 % [15] (результат СДП один из самых высоких, результат НЛП второй по численности и составил 25,58 % [15]), но это не позволило ей участвовать в формировании правительства.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Политика «памяти» в Румынии после 1989 года занимала одно из центральных мест во внутривнутриполитическом дискурсе. Внимание общества почти исключительно было обращено на «преступления коммунистического режима» [16, с.68].

По мере реализации реформ переходного периода и ухудшения социально-эконо-

мического положения граждан внимание общественности было перенаправлено от первоначального поиска внешнего врага на поиск внутреннего [17]. Так в публичных дискуссиях активно дебатировались субъекты неэффективности государственного управления, коррупция, экономическое неравенство, способствующие в конечном итоге нарастанию фрустраций в обществе.

Социологические опросы в 1996–2000 гг. показывали, что доверие граждан Румынии к политической системе страны составляло 12 % [18, с. 97]. При этом свыше 70 % румын выступали за интеграцию в НАТО. Мотивы отражали не только причины военно-политического характера. Как отмечала российский эксперт Языкова Ал., цитируя румынского аналитика С. Буркана, «скорее румыны знают, что в НАТО нет бедных стран, и надеются, что, вступив в НАТО, тоже избавятся от бедности» [19, с.279].

Показательно, что современный уровень доверия граждан к государственным институтам на основе социальных опросов 2019 года также отражает низкий уровень поддержки (Парламент — 11,2 %, Политические партии — 11,3 %, Правительство — 13,8 %, Конституционный суд — 21,9 %). Вместе с тем, с наибольшим доверием население относится к международным институтам (НАТО — 52,4 %, ЕС — 49,6 %, Европейский парламент — 49,9 %, Европейская комиссия — 46,2 %) [20, 21]. Румынское общество в целом поддерживает курс страны на углубление интеграции в ЕС и НАТО, видя в этом возможность сохранения достигнутого уровня благосостояния. В частности, это объясняет и низкий уровень евроскептиков в стране. При этом субъекты взаимоотношений Румынии и ЕС в румынских средствах массовой информации нередко поднимают вопросы национального достоинства. Как справедливо обращает внимание отечественный

теоретик международных отношений Цыганков П.А. «общественное мнение воздействует на политику, в том числе и на внешнюю, но и политики стремятся оказать на него влияние» [22, с.149]. В румынском обществе укоренилось убеждение, что угрозы и вызовы восходят со стороны Востока [23]. Не только Россия, но и Китай рассматриваются как отголоски коммунистического прошлого. Историческими сюжетами активно пользовался Т. Бэеску. При этом его президентство ассоциируется с переходом к полной односторонности во внешней политике, направленной преимущественно на США. Во внешней политике президента К. Йоханниса данный курс также сохранен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс перехода от коммунизма к демократии в Румынии проходил в условиях значительной экономической и политической нестабильности. В вопросе реализации основного внешнеполитического приоритета по интеграции в ЕС и НАТО, внутривластная ситуация оказала скорее отрицательное влияние. Экономическая слабость и институциональное несо-

вершенство отсрочили вступление страны в данные структуры. В этой связи внешняя среда (в контексте реалистической парадигмы) являлось детерминирующим.

Анализ внутривластного развития Румынии позволяет также определить периоды негативно отразившиеся на восприятии Румынии на международной арене. В период 1990–1992 гг. — уличные манифестации и межэтнические противоречия дискредитировали демократический образ страны; 1996–2000 гг. — на фоне сложного экономического положения и институциональной нестабильности, в период с 2004–2009 гг. и 2009–2015 — проблема баланса между ветвями власти и политическая борьба за власть актуализировали вопросы соблюдения Румынией демократических принципов, в период 2015–2019 гг. — на фоне ведения антикоррупционной политики.

При этом, несмотря на комплекс внутривластных проблем, обусловленных, в том числе постсоциалистическими трансформациями, их решение останется, очевидно, в повестке румынской политики в целях реализации как внутренних, так и внешних задач.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Strategia națională de apărare a țării pentru perioada 2020-2024. URL: https://www.presidency.ro/files/userfiles/Documente/Strategia_Nationala_de_Aparare_a_Tarii_2020_2024.pdf (дата обращения: 15.07.2020)
2. Anghel F. La margini și sfârșit de imperiu: Tratatul româno-sovietic din 5 aprilie 1991 și consecințele pentru Republica Moldova. *Revista Polis*. 2014;3:89-97.
3. Conceptia integrata privind securitatea nationala a Romaniei 1994. URL: <http://www.zulean.com/wp-content/uploads/2017/11/ro-conceptia-integrata-1994.pdf> (дата обращения: 15.01.2021)
4. Strategia națională de apărare 2010. URL: http://www.cdep.ro/caseta/2010/08/31/hp100622_csat.pdf (дата обращения: 15.02.2021)
5. Буга В. Румыния на пути перехода от социализма к капитализму. Основные сдвиги в политической жизни (1989-2009) / Реформы и революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. Отв. ред. Никифоров К.В. Москва: РОССПЭН; 2011. С. 212-234.

6. Путинцев И.С. Советско-румынский договор о дружбе 1991 года: политический анализ / 140 de ani de relații diplomatice între România și Rusia: momente semnificative. București: Editura Fundația Europeană Titulescu; 2019. С.116-121.
7. Hlihor C. România. Căderea comunismului și nașterea democrației.1989-2000. București: Editura Universității din București; 2006. 401 p.
8. Тисмэняну В., Клигман Г. От Илиеску до Илиеску: первое десятилетие посткоммунистической Румынии. *Конституционное право. Восточноевропейское обозрение*. 2001;2:31-37.
9. Биткова Т.Г. Настоящее и прошлое новой политической элиты Румынии. *Актуальные проблемы Европы*. 2017;2:188-211.
10. Саморукова А. Румыния: между суверенностью и евроцентризмом. *Новая и новейшая история*. 2019;5:145-155.
11. Naumescu V. Politica externă a României în Uniunea Europeană: corectă dar irelevantă. *Curs de guvernare*. 2016. URL: <https://cdn.cursdeguvernare.ro/wp-content/uploads/2016/03/Valentin-Naumescu-copy-1-ilo.pdf-compressed1.pdf> (дата обращения: 12.01.2021)
12. Report from the Commission to the European Parliament and the Council on Progress in Romania under the Cooperation and Verification Mechanism. 2017. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/comm-2017-751_en.pdf (дата обращения: 15.02.2021)
13. Report from the Commission to the European Parliament and the Council on Progress in Romania under the Cooperation and Verification Mechanism. 2018. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/progress-report-romania-2018-com-2018-com-2018-851_en.pdf (дата обращения: 05.02.2021)
14. Alegeri Președintele României 2019. Autoritatea electorală permanentă. URL: http://prezidentiale2019.bec.ro/wp-content/uploads/2019/11/com_cp_11.pdf (дата обращения: 20.02.2021)
15. Alegeri Parlamentare 2020. Autoritatea electorală permanentă. URL: <https://prezenta.roacep.ro/parlamentare06122020/romania-pv-final> (дата обращения: 19.01.2021)
16. Биткова Т.Г. Румынский европеизм и проблема национальной идентичности (современная ситуация в историческом контексте). Аналит. обзор. Москва: ИНИОН РАН; 2020. 132 с.
17. Sandu D. Spațiul social al tranziției. București: Polirom; 1999. 230 p.
18. Биткова Т.Г. Политика и экономика Румынии: история реформ и их перспективы / Восточная Европа 20 лет социальных трансформации. Москва: ИНИОН РАН; 2010. С. 86-155.
19. Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / Под. ред. Языковой А.А. Москва: Весь Мир; 2007. 352 с.
20. Sondaj de opinie la nivel national. Topul încrederii în instituții interne și internaționale. Raport martie 2019. Inscop Research. URL: <https://www.inscop.ro/wp-content/uploads/2019/03/Sondaj-inscop-martie-2019-institutii.pdf> (дата обращения: 10.02.2021)
21. Barometrul actualității românești. Percepția asupra politicii externe și securității naționale. Raport aprilie-mai 2019. Inscop Research. URL: <https://www.inscop.ro/wp-content/uploads/2019/05/5.-Sondaj-inscop-research-Perceptia-asupra-politicii-externe-si-securitatii-naționale-1.pdf> (дата обращения: 10.02.2021)
22. Цыганков П.А. Взаимовлияние внешней политики и общественного мнения: история, теории, воздействие глобализации / Внешняя политика: вопросы теории и практики. Москва: КДУ; 2009. С. 144-164.
23. Жильцов С.С., Зонн И.С. Черноморский регион: новые очертания. Москва: МГОУ; 2010. 198 с.

REFERENCES

1. The National Defense Strategy of the country for the period 2020-2024. URL: https://www.presidency.ro/files/userfiles/Documente/Strategia_Nationala_de_Aparare_a_Tarii_2020_2024.pdf [Accessed: 15.07.2020] (In Ro.)
2. Anghel F. At the edges and at the end of an empire: The Romanian-Soviet Treaty from April 5, 1991, and its consequences for the Republic of Moldova. *Polis. Journal of Political Science*. 2014;3:89-97 (In Ro.)
3. The Integrated Concept regarding Romania's National Security 1994. URL: <http://www.zulean.com/wp-content/uploads/2017/11/ro-conceptia-integrata-1994.pdf> [Accessed: 15.01.2021] (In Ro.)
4. The National Defence Strategy 2010. URL: http://www.cdep.ro/caseta/2010/08/31/hp100622_csat.pdf [Accessed: 15.02.2021] (In Ro.)
5. Buga V. Romania on the path of transition from socialism to capitalism. Major shifts in political life (1989-2009) / Revolutions and reforms in Central and South-Eastern Europe: 20 years later. Moscow: ROSSPEN; 2011. pp. 212-234 (In Russ.)
6. Putintsev I.S. The Romanian-Soviet Treaty from 1991. Political analysis / 140 years of diplomatic relations between Romania and Russia. Bucharest: Titulescu European Foundation; 2019. pp.116-121 (In Russ.)
7. Hlihor C. Romania. The fall of communism and birth of democracy 1989-2000. Bucharest: Bucharest University Publishing House; 2006. 401 p. (In Ro.)
8. Tismaneanu V., Kligman G. Romanian's first Postcommunist decade: from Iliescu to Iliescu. *Constitutional law. East European Review*. 2001;2:31-37 (In Russ.)
9. Bitkova T.G. Present and past of the new political elite of Romania. *Actual problems of Europe*. 2017;2:188-211 (In Russ.)
10. Samorukova A. Romania: Between sovereignty and eurocentrism. *Modern and Contemporary History*. 2019;5:145-155 (In Russ.)
11. Naumescu V. Romania's foreign policy in the European Union: it's correct, but irrelevant URL: <https://cdn.cursdeguvernare.ro/wp-content/uploads/2016/03/Valentin-Naumescu-copy-1-lovepdf-compressed1.pdf> [Accessed: 12.01.2021] (In Ro.)
12. Report from the Commission to the European Parliament and the Council on Progress in Romania under the Cooperation and Verification Mechanism. 2017. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/comm-2017-751_en.pdf [Accessed: 15.02.2020]
13. Report from the Commission to the European Parliament and the Council on Progress in Romania under the Cooperation and Verification Mechanism. 2018. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/progress-report-romania-2018-com-2018-com-2018-851_en.pdf [Accessed: 05.02.2020]
14. Elections of the President of Romania 2019. Permanent Electoral Authority. URL: http://prezidentiale2019.bec.ro/wp-content/uploads/2019/11/com_cp_11.pdf [Accessed: 20.02.2021] (In Ro.)
15. Elections of the Parliament of Romania 2020. Permanent Electoral Authority. URL: <https://prezenta.roaep.ro/parlamentare06122020/romania-pv-final> [Accessed: 19.01.2021] (In Ro.)
16. Bitkova T.G. Romanian europeanism and the problem of national identity (contemporary situation in a historical context) /Analytical review. Moscow: ISS RAS; 2020. 132 p. (In Russ.)
17. Sandu D. The Social space of Transition. Bucharest: Polirom; 1999. 230 p. (In Ro.)
18. Bitkova T.G. Romania's politics and economy: a history reforms and their prospects / Eastern Europe: 20 years of social transformation. Moscow: ISS RAS; 2010. pp. 86-155 (In Russ.)
19. South-Eastern Europe in an era of dramatic change // Ed. Yazkova A. Moscow: Ves Mir Publishers; 2007. 352 p. (In Russ.)
20. Trust index in Domestic and International Institutions. The national opinion poll. Report,

- March 2019. Inscop Research. URL: <https://www.inscop.ro/wp-content/uploads/2019/03/Sondaj-inscop-martie-2019-institutii.pdf> [Accessed: 10.02.2021] (In Ro.)
21. Perception of foreign policy and national security. Report, April - May 2019. Inscop Research. URL: <https://www.inscop.ro/wp-content/uploads/2019/05/5.-Sondaj-inscop-research-Perceptia-asupra-politicii-externe-si-securitatii-nationale-1.pdf> [Accessed: 10.02.2021] (In Ro.)
22. Tsygankov P.A. The mutual influence of foreign policy and public opinion: history, theories, the impact of globalization / Foreign policy: questions of theory and practice. Moscow: KDU; 2009. pp. 144-164 (In Russ.)
23. Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Black Sea Region: new Outlines. Moscow: MGOU; 2010. 198 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Даниела Г. Драган, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, Остоженка, д. 53/2; dragan_dana90@yahoo.com

Daniela G. Dragan, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostogenka str., Moscow, Russia, 119992; dragan_dana90@yahoo.com

Отношения США и Азербайджана в Каспийском регионе (90-е годы XX века)

Елена А. Маркова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,

abellen@yandex.ru

Аннотация: после распада СССР Азербайджан стал проводить самостоятельную внешнюю политику. Основное внимание Азербайджан уделял установлению и развитию отношений с западными государствами, прежде всего, с США. В США официальный Баку видел важного партнера, способного оказать поддержку в развитии экономики и добычи углеводородных ресурсов. В свою очередь, США также стали уделять Азербайджану повышенное внимание. США привлекало выгодное географическое положение прикаспийского государства, прозападный настрой его политической элиты. США рассчитывали использовать Азербайджан, чтобы изменить потоки нефти, которую предполагалось добывать в будущем. США сыграли решающую роль в расширении сотрудничества Азербайджана с западными нефтяными компаниями, которые устремились на берега Каспия. В итоге, азербайджано-американское сотрудничество в 90-х годах XX века привело к тому, что Баку в качестве основного выбрал западное направление экспорта своих углеводородных ресурсов. Кроме того, под влиянием США Азербайджан занимал жесткие позиции по вопросу международно-правового статуса Каспийского моря. Сотрудничество США и Азербайджана оказало большое влияние на ситуацию в регионе, взаимоотношения с Россией и остальными прикаспийскими государствами.

Ключевые слова: Каспий, США, Азербайджан, нефть, трубопроводы, Россия

Для цитирования: Маркова Е.А. Отношения США и Азербайджана в Каспийском регионе (90-е годы XX века). *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(2):288-296. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-288-296>

Статья поступила 15.02.2021

Принята в печать 29.04.2021

Опубликована 25.06.2021

US — Azerbaijan Relations in Caspian region (90s of the XX century)

Elena A. Markova

Peoples' Friendship University, Moscow, Russia,

abellen@yandex.ru

Abstract: The collapse of the USSR resulted for Azerbaijan to pursue an independent foreign policy. Azerbaijan focused on establishing and furthering relations with Western states, primarily, with the United States. Official Baku considered the United States as an important partner to provide support for the economic development and production of hydrocarbon resources. On the other side, the United States also increased its focus on Azerbaijan due to the favorable geographical position of the Caspian state and the pro-Western attitude of its political elite. The US counted on taking advantage of Azerbaijan to change the flow of oil, which was supposed to be produced in the future. The United States played a decisive role in expanding Azerbaijan's cooperation with Western oil companies, which headed for the shores of the Caspian Sea. As a result, the Azerbaijani-American cooperation in the 90s of the XX century led Baku to chose the western direction in exporting its hydrocarbon resources as the principal one. In addition, under the US influence, Azerbaijan took a tough position on the international legal status of the Caspian Sea. Cooperation between the United States and Azerbaijan has had a great impact on the situation in the region, relations with Russia and the other Caspian states.

Keywords: Caspian Sea, USA, Azerbaijan, oil, pipelines, Russia

For citation: Markova E.A. US — Azerbaijan Relations in Caspian region (90s of the XX century). *Post-Soviet Issues*. 2021;8(2):288-296. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-2-288-296>

Received 15.02.2021

Revised 29.04.2021

Published 25.06.2021

ВВЕДЕНИЕ

Отношения США и Азербайджана стали формироваться на рубеже 1980–1990-х годов. Установлению двусторонних отношений способствовали дезинтеграционные процессы в СССР, в ходе которых контроль центральных властей значительно ослаб. В тоже время, свои позиции усилили власти советских республик, которые стремились проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику.

Стремление США установить прочные отношения с Азербайджаном определялись задачей по получению доступа к нефтегазовым ресурсам Каспийского региона. В период существования СССР для американской стороны доступ к Каспию и его углеводородным ресурсам был закрыт. Хотя в США стремились изучать ситуацию в ре-

гионе и в союзных республиках, которые выходили на Каспий. Однако этот интерес носил общий характер. Ситуация стала меняться в конце 80-х годов XX века. США получили возможность расширить свое присутствие в регионе, устанавливая первые контакты с политическими элитами прикаспийских республик.

ПЕРВЫЕ ШАГИ США

Интерес к региону и прикаспийским республикам определялся в первую очередь, геополитическими факторами. Это было связано с тем, что во второй половине XX века каспийские углеводородные ресурсы не играли ключевой роль в энергетической политике. Более того, многие «месторождения Каспия считались неперспективными,

капиталовложения туда сократились. НПЗ в Баку работал не с полной загрузкой» [1]. Тем не менее, зарубежные нефтегазовые компании стремились получить доступ к месторождениям, в частности, в Азербайджане. Наибольший интерес проявляли компании «Амоко» и «Шеврон». Они рассчитывали получить доступ к месторождениям, которые ранее были для них закрыты.

К проведению активной политике на Каспии американский нефтегазовый бизнес подталкивали данные о новых месторождениях, обладающих значительными запасами. Так, во второй половине 1980-х годов в Азербайджане были открыты новые месторождения: Азери, Чираг, Гюнешли. На них были подтверждены значительные запасы. Соответственно это еще больше усилило интерес зарубежных нефтегазовых компаний, в том числе, «у такой крупной компании, как “Бритиш Петролеум”» [2].

В начале 1991 года, еще в период существования СССР, Азербайджан объявил тендер на разработку месторождений Чираг и Азери. Ставка делалась на привлечение зарубежных компаний. Сред них: Амоко, Юнокал, Бритиш Петролеум, Стагойл. Их участие в разработке месторождений углеводородных ресурсов рассматривалось руководством республики в качестве фактора, который позволил бы усилить их позиции, способствовал привлечению средств в экономику.

Тем не менее, Азербайджан, являясь частью СССР, не мог действовать полностью самостоятельно. В результате переговоров и договоренностей, министерство нефтедобывающей промышленности и правительство Азербайджана подписали совместное соглашение. Согласно документу, республика получила права на часть Каспийского моря и месторождения, которое располагалось на шельфе. В июле того же года был объявлен тендер, который выиграла ком-

пания Амоко. «Доли распределились следующим образом: американская компания получила 40 %, СССР — 40 % и Азербайджан — 20 %» [3].

Азербайджан стремился привлечь нефтегазовые компании к разработке своих ресурсов. Однако этому препятствовали внутривнутриполитические события в республике. Президент Азербайджана Аяз Муталибов придерживался точки зрения, что в разработке месторождений углеводородных ресурсов нужно ориентироваться на нефтегазовые компании западных стран. Прежде всего, Азербайджан стремился заручиться поддержкой США, Великобритании и Турции. Таким образом, Азербайджан хотел дистанцироваться от России. В тоже время, в переговорах участвовали российские частные компании. Так, Азербайджан вел переговоры с Лукойлом, «рассматривая возможность участия российской компании в разработке углеводородных ресурсов» [4].

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К «КОНТРАКТУ ВЕКА»

На расширение американо-азербайджанского сотрудничества большое влияние оказывали внутривнутриполитические события в Азербайджане. В марте 1992 года новым президентом страны стал Абульфаз Эльчибей. Он был сторонником привлечения к разработке углеводородных ресурсов зарубежных нефтегазовых компаний. Однако внутривнутриполитические события в Азербайджане затормозили развитие сотрудничества с США.

Тем не менее, спустя полгода стороны вернулись к ранее достигнутому договоренностям. В частности, в сентябре 1992 года Государственная нефтяная компания Азербайджана (ГНКАР) подписала соглашение с Альянсом Бритиш Петролеум—Стагойл. Речь шла о разработке месторождений Чираг и Шах-Дениз. Зарубежным компаниям были предоставлены эксклюзивные пра-

ва на разработку технико-экономического обоснования (ТЭО).

Ключевую роль в продвижении политики США в Азербайджане играли нефтегазовые компании. Они выступали проводником государственных интересов США. В свою очередь, государственные структуры использовали потенциал и возможности нефтегазового бизнеса для развития двусторонних отношениях.

В октябре 1992 года компании Бритиш Петролеум (BP) и Статойл (Норвегия) совместно с ГНКАР, а также Пеннзойл и РЭМКО подписали соглашение о совместной разработке месторождений Гюнешли, Азери и Чираг и перспективной площади «Шах-Дениз». В целом, зарубежные компании получили в совместном предприятии 50 %. Соглашение представляло компаниям эксклюзивные права и возможности дальнейшего участия в разработке месторождений.

Расширение двустороннего сотрудничества сопровождалось дискуссиями относительно выбора маршрута поставок будущих энергоресурсов на внешние рынки. Россия продвигала северное направление поставок, через Баку — Новороссийск. Это был экономически выгодный вариант для азербайджанской стороны. «Для Азербайджана прокачка нефти через Новороссийск представлялась выгодной с экономической точки зрения, позволяя, не дожидаясь реализации других трубопроводных проектов, поставлять углеводородное сырье на внешний рынок. Проект должен был быть осуществлен за 13 месяцев и в течение 4 месяцев заполнен сырой нефтью» [5]. Однако Азербайджан и особенно США, которые их поддерживали, лоббировали западный маршрут транспортировки азербайджанской нефти, ориентируясь, прежде всего, на геополитические интересы. Различные подходы к будущим маршрутам

транспортировки углеводородных ресурсов из Азербайджана на внешние рынки привело к острой борьбе между Россией и США, которые рассматривали будущие трубопроводы в качестве важной составляющей в политике ограничения российского влияния в Каспийском регионе.

Укрепляющееся сотрудничество между США и Азербайджаном привело к тому, что Баку стало уделять большее внимание маршруту транспортировки нефти в западном направлении. В ноябре 1992 года было подписано пять меморандумов о взаимопонимании между правительством Азербайджана и зарубежными нефтегазовыми компаниями. Речь шла о договоренностях по созданию единой системы трубопроводов, в том числе, обеспечивающих экспорт. С подписанием документов Азербайджан рассчитывал ускорить разработку месторождений углеводородных ресурсов на шельфе Каспия.

Политика США фактически была направлена на подрыв регионального сотрудничества и срыв переговорного процесса по международно-правовому статусу Каспийского моря. Договоренности между Азербайджаном и зарубежными компаниями, которые опирались на поддержку США, наносили удар по только формирующемуся переговорному процессу между прикаспийскими государствами.

Нефтегазовый бизнес стремился использовать ситуацию, которая складывалась в регионе после распада СССР. Подписание соглашений и получение доступа к новым и потенциально перспективным месторождениям, рассматривалось в качестве ключевой задачи. Создание консорциумов проходило с одобрения США, которые поощряли активность нефтегазового бизнеса в Каспийском регионе, в частности в Азербайджане. В свою очередь, и Баку стремился извлекать геополитические

и экономические выгоды от возросшего интереса США и нефтегазовых компаний. Так, компания Азаринетфь подписала «с ведущими нефтегазовыми компаниями декларацию о совместной разработке каспийских месторождений Азери, Чираг и Гюнешли» [6].

Однако по сотрудничеству Азербайджана с США и нефтегазовыми компаниями удар вновь нанесли внутривластные события. Осенью 1993 года в Азербайджане вновь поменялась власть. С сентября 1993 года Азербайджан возглавил Гейдар Алиев. Политические события не остановили, но временно затормозили дальнейшие переговоры.

В отличие от предыдущего президента, Г. Алиев проводил более сбалансированную политику. Продолжая курс на укрепление отношений с западными нефтяными компаниями, новый глава государства внес коррективы в энергетическую политику, дав возможность российским компаниям начать переговоры о вхождении в консорциумы по разработке азербайджанских месторождений. Кроме того, таким шагом, Азербайджан пытался повлиять на российскую политику. «Нерешенность вопроса о статусе Каспийского моря рассматривалась российскими официальными структурами в качестве препятствия для заключения отдельными прикаспийскими странами, в частности Азербайджаном, контрактов на разработку нефтяных ресурсов моря» [7]. В результате, уже в сентябре 1993 года ГНКАР и компания Лукойл подписали «рамочное соглашение о сотрудничестве, которое поддержало министерство топлива и энергетики России» [8]. Документ предусматривал проведение российской компанией поиска и разведки углеводородного сырья, а также бурение. В результате, «компания Лукойл вошла в число участников консорциума, поскольку азербайджанская

сторона уступила часть своей доли — 10 % из 30 % предполагавшейся доли» [7].

Основную роль в формировании и реализации политики Азербайджана играли государственные структуры США. Они поддерживали вхождение и деятельность нефтегазовых компаний в Азербайджане, поощряли позицию Баку по вопросу международного-правового статуса Каспийского моря. Повышенный интерес к Азербайджану определялся его выгодным географическим положением на Каспии, которое позволяло внести изменение в существующую с советского времени трубопроводную инфраструктуру, сформировав новую [9].

Одним из итогов политики США в отношении Азербайджана стало подписание контракта с крупными нефтяными компаниями о разработке нефтяных месторождений на шельфе Каспия — месторождения Азери, Гюнешли, Чираг. Он получил название «контракт века». Документ был подписан 20 сентября 1994 года.

Данный документ создавал условия для последующей деятельности западного нефтегазового бизнеса в Азербайджане, укреплял позиции США. Азербайджано-американское взаимодействие стало возможным в силу позиции официального Баку, который стремился к расширению сотрудничества с США.

ПОСЛЕ «КОНТАКТА ВЕКА»

Соглашение Азербайджана с ведущими нефтегазовыми компаниями в России оценили негативно. Россия продолжала выступать за совместное использование Каспийского моря. Российской реакцией на политику Азербайджана стал документ «Позиция Российской Федерации в отношении правового режима Каспийского моря». Он был распространен в Генеральной Ассамблее ООН в октябре 1994 года МИД РФ. Российская сторона предупредила о том,

что «односторонние действия в отношении Каспия являются незаконными и не будут признаваться Российской Федерацией, которая оставляет за собой право принять такие меры, которые будут необходимы, и которые оно сочтет подходящими для восстановления нарушенного правопорядка и ликвидации последствий, возникших в результате односторонних действий»¹. Данный документ не оказал влияния на позицию Баку. Поддержка со стороны США и активная деятельность нефтегазовых компаний рассматривались азербайджанской стороной в качестве фактора, который позволял игнорировать позицию России.

Подписание «контракта века» позволило Азербайджану и США более активно проводить политику по реализации новых трубопроводов. После 1994 года политика США в Азербайджане, и в целом, на Каспии, становится более активной. Тем более, что США поддерживали участие в будущих проектах Грузии, которая, в свою очередь, выражала заинтересованность в укреплении грузино-американского сотрудничества.

Во второй половине 90-х годов в Каспийском регионе усилилось соперничество между США и Россией. Россия настаивала на сохранении северного направления транспортировки азербайджанской нефти, добившись определенных успехов. Тем более, что до «создания альтернативных трубопроводов российский вариант строительства нефтепровода оставался единственным экономически выполнимым как с финансовой, так и с технической точек зрения. Более того, решение АМОК об использовании российского маршрута транспортировки «ранней» нефти было расценено как победа России над турецким вариантом» [10].

С таким развитием трубопроводной архитектуры были не согласны в США и Турции, которая являлась активным участником переговоров. Американская сторона поддерживала усилия Анкары проложить новый трубопровод в направлении Турции. Этот маршрут обсуждался с начала 90-х годов, но тогда проект не был реализован. Бывший министр энергетики США Ф. Пенью отмечал, что «Белый дом поддерживает план стратегического трубопровода из Азербайджана в Турцию до порта Джейхан на Средиземном море». Ранее, в марте 1997 года, об особой роли Каспийского региона для США говорил помощник президента США по национальной безопасности С. Бергер. Важность углеводородных ресурсов Каспийского региона отмечалась в докладе Белого дома «Стратегия национальной безопасности для нового века»: «По мере истощения собственных запасов зависимость США от доступа к иностранным источникам нефти будет возрастать» [11]. Хотя при всей своей экономической значимости «энергетические ресурсы Прикаспия не «делали особой погоды» для Запада, а последний не собирался отказываться от своей стратегической задачи вытеснить Россию из Каспийского региона» [12].

Однако информационно-дипломатическое соперничество в Каспийском регионе набирало обороты. Россия и США продолжали продвигать свои проекты трубопроводов, которые рассматривались в качестве важнейшего инструмента влияния на прикаспийские государства. Американская сторона оказывала информационную и политическую поддержку Азербайджану и проекту трубопровода, идущего в направлении Турции. В июле 1997 года заместитель государственного секретаря

¹ Письмо Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединённых Наций от 5 октября 1994 г. № А/49/475 на имя Генерального секретаря «Позиция Российской Федерации в отношении правового режима Каспийского моря»

США С. Тэлботт заявил: «Было модным заявить или, по крайней мере, предсказывать то, что на Кавказе и в Центральной Азии переигрывают «Большую игру». Последствием этого служит придание динамичности развитию региона на основе разработки нефте- и газовых месторождений» [13].

В целом США проводили политику по расширению своего влияния в регионе и в прикаспийских государствах. Это предполагало ограничение влияния России с последующим вытеснением ее из Каспийского региона. Американский эксперт Марта Олкотт считала, что «администрация Клинтона, особенно в годы второго срока его президентства, стала более высоко оценивать значимость Каспийского региона и проводить политику, направленную на ослабление связей между странами этого региона и Россией, стремясь тем самым, обеспечить их независимость и экономическое благосостояние» [14].

В 1997 году американская компания «Шеврон» заявила о готовности приступить с 1998 года к реализации проекта по строительству собственного нефтепровода Баку — Батуми. Пропускная способность нового трубопровода, предназначенного для транспортировки казахстанской нефти, добываемой совместным предприятием Тенгизшевройл на месторождении Тенгиз в Казахстане, должна была составить 5 млн т. нефти в год. Тенгизшевройл была готова экспортировать через территорию Азербайджана и Грузии до 2 млн т. нефти в год. При этом, железнодорожным транспортом можно было доставить только 1 млн т. Соответственно, американская компания выдвинула идею строительства транскаспийского нефтепровода. Тем более, что по прогнозам, «к 2005 году суммарный экспортный потенциал Азербайджана должен был достичь 10 млн т в год и для нефти, добываемой на месторожде-

нии Казахстана «Тенгиз», потребуется новая «труба» [15].

Однако в тот период строительство транскаспийского нефтепровода было сопряжено с многими проблемами. Кроме того, неясными оставались перспективы уровня добычи нефти в Казахстане. Соответственно, США сосредоточили свое внимание на продвижении проекта нефтепровода Баку — Джейхан. Ведущий аналитик фонда «Наследие» (США) Ариэль Коэн отмечал, что «США необходимо усилить политическую поддержку проекта трубопровода Баку — Джейхан». Кроме того, он акцентировал внимание на том, что «в американских интересах производить перекачку нефти из Каспийского моря через Грузию и Турцию, нежели через Иран или Россию» [16].

В 1998-1999 годах Азербайджан и США стали рассматривать нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан в качестве основного направления для транспортировки углеводородных ресурсов на внешний рынок [17]. В 1998 году США объявили Каспийский регион зоной своих стратегических интересов [11]. При этом США поддерживали формирование энергетического коридора, идущего не по российской территории. Основное внимание уделялось прокладке маршрута в направлении Турции, который позволил бы азербайджанской нефти выйти на западные рынки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 90-х годах политика США прошла путь от разрозненных шагов нефтегазовых компаний до политики, которая была направлена на решение долгосрочных задач. США сделали ставку на поддержку отдельных прикаспийских государств и продвижение проектов трубопроводов, идущих в обход российской территории [18].

Реализации политики США в Каспийском регионе способствовала позиция Азер-

байджана. Официальный Баку проводил курс на сближение с США, рассматривая американскую сторону в качестве гаранта сохранения независимости и привлечения дополнительных инвестиций в нефтяной сектор экономики.

Отношения Азербайджана и США в 90-х годах заложили фундамент последующего сотрудничества двух государств. Это позволило продвинуть проекту нефте- и газопроводов, которые были реализованы в начале XXI века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бовт Г., Тарасов С. Иракская нефть утопит каспийскую. *Сегодня*. 1997. 6 июня. С.1,4
2. Джуварлы Т. Азербайджанская нефть: поиски равнодействующей / Азербайджан и Россия: общества и государства / Отв. ред. и сост. Д.Е. Фурман. Москва: Летний сад; 2001. С. 379-434.
3. Прокофьев И.В. нефтегазовый комплекс Азербайджана / Независимый Азербайджан: новые ориентиры: в 2-х т. / под ред. Е.М. Кожокина. Москва: Российский институт стратегических исследований; 2000. Т.1. С. 283-330.
4. Тутушкин А. Вагит Алекперов: мы не хотим терять связь с государством. *Коммерсант*. 1996. 6 февраля. С. 10.
5. Roberts J. Caspian Pipelines. London: The Royal Institute of International Affairs; 1996. P. 23-45.
6. Зонн И.С. Каспийский меморандум. Москва: Коркис; 1997. С. 39-40.
7. Шорохов В.В. Нефть и политика Азербайджана. Москва: ЦМИ МГИМО; 1997. №9. С. 7.
8. Агакишиев И.А. Бакинская нефть и начало каспийского нефтяного бума (1991-2005). Санкт-Петербург: Алетейя; 2018. С. 202
9. Zhiltsov S.S. Russia's Policy towards the Pipeline Transport in the Caspian region: Results and Prospects. *The Handbook of Environmental Chemistry*. 2016;51:85-94.
10. Жильцов С.С. Трубопроводная игра в Каспийском регионе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2015;1:96-115.
11. Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. Москва: Международные отношения; 2009. С. 35.
12. Каландаров К. На Каспии столкнулись интересы мировых держав. *Вестник Каспия*. 1997;4:5-7.
13. Малышева Д. Многостороннее соперничество на Каспии. *Центральная Азия и Кавказ*. 2002;2:25-35.
14. Олкотт М. Размышления о политике США в Центральной Азии. *Pro et Contra*. 2000;5(3):162-172.
15. Владимиров М. «Шеврон» намерен построить собственный нефтепровод Баку — Батуми. *Финансовые известия*. 1997. 9 декабря. С.1.
16. Коэн А. Конфликты на Кавказе угрожают интересам США. *Российская газета*. 1998. 28 ноября.
17. Жильцов С.С., Зонн И.С. Стратегия США в Каспийском регионе. Москва: Эдель-М; 2003. 200 с.
18. Жильцов С.С. Революционные волны на постсоветском пространстве. *Центральная Азия и Кавказ*. 2005;6:7-13

REFERENCES:

1. Bovt G., Tarasov S. Iraqi oil to drown the Caspian oil. *Today*. 1997. June 6. P.1,4. (In Russ.)
2. Juvarly T. Azerbaijan oil: search for the resultant / Azerbaijan and Russia: societies and states

- / Executive editor and compiler D.E. Furman. Moscow: Summer Garden; 2001.Pp. 379-434. (In Russ.)
3. Prokofiev I.V. Oil and gas complex of Azerbaijan / Independent Azerbaijan: new guidelines: in 2 volumes / ed. by E.M. Kozhokin. Moscow: Russian Institute for Strategic Studies; 2000. Vol.1. Pp. 283-330. (In Russ.)
 4. Tutushkin A. Vagit Alekperov: we do not want to lose touch with the state. *Kommersant*. 1996. February 6. P. 10. (In Russ.)
 5. Roberts J. Caspian Pipelines. London: The Royal Institute of International Affairs; 1996. P. 23-45.
 6. Zonn I.S. Caspian memorandum. Moscow: Korkis; 1997. Pp. 39-40. (In Russ.)
 7. Shorokhov V.V. Oil and politics of Azerbaijan. Moscow: Research of the CMI MGIMO; 1997. No. 9. P. 65. (In Russ.)
 8. Agakishiev I.A. Baku oil and the start of the Caspian oil boom (1991-2005). Sankt-Peterburg: Aletheia; 2018. P. 202(In Russ.)
 9. Zhiltsov S.S. Russia's Policy towards the Pipeline Transport in the Caspian region: Results and Prospects. *The Handbook of Environmental Chemistry*. 2016;51:85-94.
 10. Zhiltsov S.S. Pipeline game in the Caspian region. *Post-Soviet Issues*. 2015;1:96-115 (In Russ.)
 11. Zhiltsov S.S., Zonn I.S. USA in pursuit of the Caspian. Moscow: International relations; 2009. P. 35. (In Russ.)
 12. Kalandarov K. World powers interests encounter in the Caspian. *Caspian Bulletin*. 1997;4:5-7. (In Russ.)
 13. Malysheva D. Multilateral rivalry in the Caspian. *Central Asia and the Caucasus*. 2002;2:25-35. (In Russ.)
 14. Olcott M. Reflections on US Policy in Central Asia. *Pro et Contra*. 2000;5(3):162-172. (In Russ.)
 15. Vladimirov M. «Chevron» intending to build its own oil pipeline Baku — Batumi. *Financial news*. 1997. December 9. P.1 (In Russ.)
 16. Cohen A. Conflicts in the Caucasus threatening US interests. *Rossiyskaya Gazeta*. 1998. November 28. (In Russ.)
 17. Zhiltsov S.S. US strategy in the Caspian region. 2003. Moscow: Edel-M; 200 p. (In Russ.)
 18. Zhiltsov S.S. Revolutionary Waves in the Post-Soviet Expanse. *Central Asia and the Caucasus*. 2005;6:7-13. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена А. Маркова, Кандидат филологических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; abellen@yandex.ru

Elena A. Markova, Candidate of Philological sciences, Peoples' Friendship University, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia; abellen@yandex.ru

